

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLVI.

1894 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчанъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-й.

1894.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 3 Сентября 1894 года.

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ ¹⁾.

По J. Ролле.

II. Подъ польскимъ владычествомъ.

(Продолженіе).

Мы рассказали подробно эпизодъ бунта Косинскаго, расскажем и о бунтѣ Лободы и Наливайка, и такимъ образомъ познакомимъ читателя со всѣмъ первымъ цикломъ козацкихъ волненій—въ pendant къ его послѣднему циклу, Хмельнищинѣ. Въ противоположность Хмельнищинѣ, гдѣ все ярко, цѣльно, а, слѣдовательно, и понятно, этотъ первый циклъ непріятно удивляетъ всякаго, кто съ нимъ знакомится, кажущейся нецѣлесообразностью событій, неясностью мотивовъ, противорѣчивостью стремленій. „Чего ради“? вотъ невольный вопросъ, то и дѣло навязывающійся при видѣ этихъ хаотически нагромождающихся фактовъ. А между тѣмъ эта смута въ воспріятіи фактовъ неизбежна: она есть естественное отраженіе смуты, которая царила въ настроеніяхъ людей той эпохи. Ко времени Хмельнищины логика жизни уже выяснила до очевидности всѣ противорѣчія; въ періодъ первыхъ козацкихъ волненій, противорѣчія эти лишь неопредѣленно ощущались, отражаясь неудовлетворенностью, порождавшей броженіе, съ признаками какого-то стихійнаго процесса. Чтобъ сколько-нибудь въ этомъ ориентироваться, надо постоянно помнить слѣдующее. Новыя правовыя понятія требовали отдѣленія хлопа отъ козака: жизнь, по сво-

¹⁾ См. „Кіевская Старина“ 1894 г. № 8.

имъ старымъ традиціямъ, рѣшительно противилась этимъ требованіямъ. Правительство желало непременно реестровать козаковъ, выбросивъ тѣмъ самымъ все остальное въ посполство: козачество не хотѣло, а можетъ быть и не могло этому подчиниться. Вся эта козацкая масса должна была чѣмъ-то содержаться, а государство запрещало ей ходить за „козацкимъ хлѣбомъ“ въ степи; должна была гдѣ-то имѣть пріютъ на зиму и имѣла его въ своихъ родныхъ селахъ или хуторахъ, а правительство требовало, чтобъ козаки жили или за порогами, или на точно опредѣленной, прилегающей къ Низу территоріи; да и паны желали и считали себя въ правѣ требовать, чтобъ на ихъ, панскихъ, земляхъ жили только ихъ подданные, а не свободные, какими были козаки. Сдѣлавъ эти оговорки, продолжаемъ нашъ рассказъ.

Тотчасъ вслѣдъ за смертью Косинскаго, въ томъ-же 1593 г., выдано было новое сеймовое постановленіе о Низовцахъ, въ силу котораго козаки объявлялись изъятыми изъ-подъ дѣйствія правъ, провозглашались измѣнниками и врагами отечества.

Въ 1596 г. состоялась религіозная, такъ называемая Брестская унія: политическій актъ, въ высокой степени несвоевременный. Съ одной стороны, онъ разбилъ панскій лагерь на два враждебныхъ стана: князь Василій Острожскій, главная сила панской Украины, побѣдитель Косинскаго—оказался въ оппозиціи, сближенный религіозными интересами съ тѣми самыми Низовцами, съ которыми онъ только-что сражался. Съ другой стороны, всѣ бродящіе элементы недовольства получали объединяющій и, въ извѣстномъ смыслѣ, санкціонирующій ихъ лозунгъ. Каждый отдѣльный взрывъ могъ обходиться свободно и безъ этого лозунга; но для объединенія этихъ взрывовъ, для придаенія движенію цѣльности, а, слѣдовательно, и устойчивости, это условіе оказалось чрезвычайно важнымъ.

Но пока что, дѣло на Украинѣ шло своимъ ходомъ, не справляясь съ епископами и соборами. Хотя Язловецкій продолжаетъ называться старшимъ войска Запорожскаго, но у реестровыхъ запорожцевъ появляется свой „старшій“, пользующійся, повидимому, признаніемъ со стороны мѣстныхъ

представителей польскаго правительства, — Лобода, человекъ выдающихся качествъ; „наклонный къ великодушю, онъ вѣрно держалъ свое слово, охранялъ права, и самъ, суровый по отношенію къ подчиненнымъ, не разъ подвергалъ жизнь свою опасности“, — такъ характеризуетъ его одинъ польскій историкъ; отвага же его имѣла легендарный характеръ. И вотъ этотъ-то старшій, охраняющій права съ опасностью жизни, тою же осенью (въ годъ смерти Косинскаго), бросился въ степь, напалъ на городъ Джурджевъ (около Аккермана) во время ярмарки, которая тамъ происходила, ограбилъ все, потомъ пустилъ загоны, по татарско-козацкому обычаю, и счастливо ускакалъ съ добычей. Очевидно, онъ не считалъ свой образъ дѣйствій расходящимся съ правомъ такимъ, какимъ онъ его представлялъ. Въ томъ же 1593 г., является въ Брацлавщинѣ новый предводитель уже „своевольныхъ купъ“, который набираетъ себѣ отрядъ въ нѣсколько тысячъ, чтобы съ ними выступить въ степь. Это Семень Наливайко, который, повидимому, не справляется уже ни съ какимъ правомъ. Брацлавщина, опираясь на него и его „своевольныхъ“ козаковъ, волнуется такъ, что Струсь, староста брацлавскій, не можетъ явиться въ городъ для отправленія правосудія: „изъ-за своеволия и бунтовъ злыхъ хлоповъ“, какъ онъ объясняетъ. Шляхта должна была для сеймикованія отправиться въ Винницу; а когда рѣшилась вернуться въ Брацлавль, то на дорогѣ, подъ городомъ, на нее напали козаки Наливайка подъ предводительствомъ бурмиистра, избили и отняли все имущество. Своевольныя купы забираютъ у землянъ коней, стада, съѣстные припасы. Однимъ словомъ, Брацлавщина представляетъ картину территорій, которую начинаетъ обхватывать пламя „хлопскаго бунта“. Но кто же этотъ Наливайко, который занимаетъ центръ въ новой разыгрывающейся бурѣ?

Наливайко былъ русскій, сынъ скорняка, значить мѣщанина, родомъ изъ Гусятина, принадлежавшаго въ то время Мартыну Калиновскому. „Отцу моему“, пишетъ самъ Наливайко, „который у меня одинъ былъ, онъ (Калиновскій) безъ всякой причины такъ поломалъ ребра, что тѣмъ самимъ его и со свѣта сжилъ“. Слѣдовательно, съ польскимъ панствомъ были

у Наливайка личные, и не малые, счеты. Послѣ смерти отца семейство Наливайка переселилось на жительство въ Острогъ. Старшій братъ Семена Демьянъ учился въ Вильнѣ, сдѣлался священникомъ, потомъ протопопомъ, и усердно работалъ съ Иваномъ Оедоровымъ надъ печатаніемъ извѣстной Острожской бібліи. По своему времени, онъ былъ человѣкомъ ученымъ, писалъ, переводилъ сочиненія религіознаго содержанія, отличался краснорѣчіемъ; патріархъ Іеремія, гостившій на Волини, обратилъ на него вниманіе, и Демьянъ Наливайко, по его ходатайству, сдѣлался духовникомъ князя Василія-Константина. По видимому, и Семень Наливайко не былъ лишенъ книжнаго образованія; но главная его школа была Запорожье, откуда онъ ходилъ „со многими козацкими гетманами во многихъ мѣстахъ въ земляхъ непріятельскихъ“.

Во время войны князя Острожскаго съ Косинскимъ, Наливайко состоялъ на службѣ князя и „связавши себя словомъ честнаго человѣка, служилъ ему по-рыцарски, какъ слѣдуетъ;“ слѣдовательно, сражался противъ Запорожцевъ. Такимъ образомъ, когда Наливайко выступилъ въ степь съ отрядомъ своевольныхъ козаковъ, Запорожье отнеслось къ нему съ недовѣріемъ. И вотъ Наливайко, захватившій у татаръ 3—4 тысячи коней, шлетъ пословъ на Запорожье, прося Низовцевъ принять въ даръ половину добычи въ знакъ пріязни и заявляя при томъ, что онъ не замедлитъ и самъ лично стать среди козацкой рады и, вручивши ей свою саблю, дать ей объясненіе на счетъ своего поведенія. Этихъ Наливайковыхъ пословъ встрѣтилъ на Базавлукѣ у Чертомлыка Лассота, который пріѣхалъ на Низъ приглашать „пановъ братьевъ“ на войну съ невѣрными. отъ имени германскаго императора Рудольфа II, который прислалъ Низовцамъ серебряныя трубы и котлы, знамена и деньги. Вѣроятно, нѣсколько раньше Наливайко со своимъ отрядомъ своевольныхъ козаковъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ совершилъ большой походъ по обыкновенному козацкому шляху между Аккерманомъ и Бендерами, опустошилъ Бендеры, но не могъ добыть замка штурмомъ и пустилъ по краю загонны: „пятьсотъ сель огнемъ уничтожилъ“, а въ плѣнъ взялъ турокъ, турчанокъ, та-

тарь, татарокъ 4000. Но молдавскій господарь на обратномъ пути, при переправѣ черезъ Дунай, „далъ помощь бусурманину“ и отбилъ всю добычу. Козаки „словомъ рыцарскимъ“ пообѣщали отмстить молдаванамъ за это вмѣшательство, но все-таки должны были вернуться ни съ чѣмъ. На обратномъ пути черезъ степь пришлось бѣдствовать отъ голода; Наливайко потерялъ въ этомъ походѣ полторы тысячи человекъ.

И такъ, между Наливайкомъ и Запорожьемъ состоялось соглашеніе. Результатъ его обнаружился въ томъ же 1594 году. Въ Брацлавщинѣ появился Лобода во главѣ большого и хорошо вооруженнаго отряда; подъ начальство Лободы поступилъ Наливайко со своими своевольными козаками. Такимъ образомъ является войско въ 12000 человекъ, раздѣленное на 40 хоругвей. Двѣ главныя хоругви имѣли гербы германскаго императора. Козаки рассказывали, что ихъ посылаетъ козацкая рада на помощь христіанскому монарху противъ невѣрныхъ.

Однако все предпріятіе разрѣшилось традиціоннымъ походомъ на несчастную Молдавію. Съ быстротою молніи кинулись козаки за Прутъ на Яссы и въ три дня разграбили и окрестности, и городъ: молдавская столица была разорена до неузнаваемости, сохранился только каменный дворецъ воеводы.

На обратномъ пути ранняя и жестокая зима захватила козацкое войско на Подольѣ. Подолье было совсѣмъ лишено защиты: всѣ военныя силы были отвлечены молдавскими дѣлами. О козакахъ ходили страшныя вѣсти: всѣ панско-польскіе обыватели края убѣгали и прятались. Козаки заняли Баръ. На козацкой радѣ, которая состоялась на другой же день послѣ занятія, рѣшено было окружить городъ стражей, часть войска расквартировать въ Барѣ, часть по сосѣднимъ селамъ. Предводители разослали универсалы мѣстнымъ властямъ о доставленіи войску провіанта; порѣшили напомнить правительству о жалованьѣ. Сотникъ Демковичъ командированъ былъ панами козаками къ молдавскому господарю для выслушанія присяги, которую долженъ былъ дать господарь со всѣми чинами, духовными и свѣтскими, въ томъ, что онъ отказывается отъ подданства турецкаго и принимаетъ подданство императора хри-

стіанскаго. Однимъ словомъ, козаки ведутъ, себя какъ политическая сила, вполнѣ увѣренная въ своей легальности. Правда, въ Барѣ жилъ, въ средѣ козацкой дружины, шляхтичъ Хлопицкій, который принималъ раньше участіе въ переговорахъ Лясоты съ Запорожцами и, надо думать, служилъ для козачества своего рода юрисконсултумъ.

Съ открытіемъ весны Лобода, который тѣмъ временемъ успѣлъ жениться на шляхтянкѣ изъ окрестности Бара, опять отправился въ татарскую степь, подъ Бѣлгородъ и Очаковъ. А между тѣмъ Наливайко занялъ Острополь и началъ опять стягивать себѣ своевольныя купы для новыхъ предпріятій. Онъ называлъ себя гетманомъ войска запорожскаго и такъ объяснялъ свое поведеніе коронному гетману: „съ соизволеніемъ князя пана моего (т. е. Вас. Острожскаго) собралъ я себѣ товарищество, чтобы стать съ нимъ тамъ, гдѣ окажется надобность противъ непріятели государства“, въ концѣ просить Замойскаго защитить его отъ людей, привыкшихъ умалять козацкую славу и указать мѣсто, гдѣ бы онъ могъ „добывать себѣ пока необходимые съѣстные припасы“. Въ то же время кн. Острожскій писалъ зятю своему Радзивилу: „а тогъ разбойникъ Наливайко, оторвавшись отъ другихъ, въ тысячу человекъ гостить у меня въ Острополь... другого Косинскаго Господь Богъ на меня посылаетъ...“ Не дождавшись отвѣта отъ гетмана, Наливайко открылъ самостоятельно дѣйствія. Онъ во главѣ 2000 козаковъ отправился въ Венгрію на помощь Максимилиану, напугалъ обывателей больше, чѣмъ татары, спустился съ горъ отъ Мункачи черезъ Самборъ, мимо Львова, и очутился въ Луцкѣ. По дорогѣ онъ заглянулъ въ Гусятинъ, чтобы отмстить убійцѣ своего отца, но не засталъ Калиновскаго: сжегъ замокъ, разрушилъ мѣстечко. Въ Луцкѣ онъ тоже спалилъ предмѣстье, ограбилъ городъ и, прогостивъ только три дня, исчезъ такъ-же неожиданно, какъ и появился. Добравшись до Днѣпра, этой извѣчной козацкой дороги, Наливайко двинулся вверхъ по рѣкѣ, на Литву. Здѣсь онъ рассчитывалъ повидимому расположиться на зимнихъ квартирахъ. Но, пишетъ Наливайко, „едва мы тамъ одной ногой ступили, какъ обратились противъ насъ литовскіе паны,

безъ вины, только за чуточку хлѣба, котораго мы едва поѣли въ ихъ имѣніяхъ, а лучше сказать и совѣмъ не ѣли“. Что звучитъ въ этихъ словахъ: умышенная-ли наивность лукаваго украинца, или серьезная, хотя и трудно объяснимая, увѣренность въ томъ, что во всемъ этомъ нѣтъ ничего находящагося въ противорѣчии съ правомъ? Какъ бы то ни было, Наливайкѣ пришлось на Литвѣ непріятельскимъ способомъ добывать себѣ хлѣба: онъ взялъ штурмомъ Слуцкъ, забралъ оттуда все оружіе, въ томъ числѣ и пушки, а на обывателей наложилъ контрибуцію. Изъ подъ Слуцка козачество разошлось по краю, собирало подати деньгами, вербовало хлопскую молодежь; наконецъ, Наливайко утвердился въ Могилевѣ. Но литовскіе паны начали шевелиться не на шутку, и скоро войско Радзивилла уже стояло подъ Могилевымъ. Наливайко оставилъ замокъ, чтобы дать битву въ открытомъ полѣ; по козацкому обычаю, отаборовалъ своихъ людей возами и конями, и литовское войско отступило, ничего не подѣлавши врагу, къ Могилеву, а Наливайко направился къ югу. Его войско росло съ каждымъ днемъ, обозъ растягивался на нѣсколько миль. Вслѣдъ за нимъ лѣниво тащились Литвины, видимо заботясь только о томъ, чтобы выпроводить эту орду на Волинь. Необычайно мягкая зима благопріятствовала Наливайку. Въ январѣ 1596 г. Наливайко остановился въ Рѣчицѣ. Сюда явился къ нему одинъ предприимчивый шляхтичъ, нѣкто Нишковскій, повидимому задумавшій составить себѣ карьеру умиротвореніемъ края. Онъ привезъ Наливайку яко-бы письмо короля, имъ самимъ скомпонованное, съ обѣщаніемъ простить козаковъ, если перестанутъ бунтовать. Наливайко въ отвѣтъ послалъ королю свои оправданія и вмѣстѣ проектъ упорядоченія дѣлъ, очень характерный. Онъ проситъ короля, чтобы тотъ пожаловалъ ему пустыню, къ югу отъ Брацлавщины, между Днѣпромъ и Бугомъ, „на татарскомъ шляху, между Тясинемъ и Очаковымъ, гдѣ отъ сотворенія міра никто никогда не жилъ“. Здѣсь онъ устроитъ городъ и замокъ для защиты государства, соберетъ сюда реестровыхъ козаковъ, а за порогами будетъ держать своего поручика. Обязуется не принимать къ себѣ своевольныхъ людей и „знаковать“ тѣхъ, кто будетъ къ нему

сбѣгать, обрѣзая имъ уши и носы, возвращать подданныхъ и банитовъ. За свою вѣрную службу онъ просить, чтобы изъ казны выдавалось ему то, что идетъ на „упоминки“ татарамъ или что заблагодарасудится его величеству. За все это онъ готовъ по первому приказу биться, какъ съ врагами христіанства, такъ и съ великимъ княземъ московскимъ; а въ предѣлы государства никогда не будетъ входить, развѣ только по Днѣпру въ Бѣлоруссію будетъ посылать за нужнымъ для войска“... Нишковскій отправился съ проектомъ въ Варшаву, но вмѣсто ожидаемой награды былъ преданъ суду и приговоренъ въ смерти.

Насталъ роковой 1596 г., принесшій съ собою, съ одной стороны, церковную унію, съ другой, трагическую развязку этого перваго цѣла козацкихъ волненій.

Положеніе вещей было такое. Уже въ январѣ король прислалъ универсалъ волынской шляхтѣ, извѣщая ее, что скоро появятся коронныя войска для усмиренія бунтовщиковъ. И въ самомъ дѣлѣ, польный гетманъ Жолкѣвскій, покончивши съ молдавскими дѣлами, уже стоялъ на западной границѣ воеводства волынскаго. Но войска у него было всего тысяча человѣкъ, да и то изнуренныхъ, ободранныхъ; онъ упрашивалъ украинскіхъ воеводъ и пановъ поспѣшить къ нему на помощь, но не могъ ничего дождаться ни откуда. Между тѣмъ Наливайко, оставивъ Рѣчицу, расквартировался между Константиновымъ и Остроподемъ, на земляхъ Радзивилла, полученныхъ имъ отъ Острожскаго. Лобода, вернувшись, по приказу великаго короннаго гетмана Замойскаго, изъ татарскихъ степей, держался въ окрестностяхъ Кіева: у него былъ отрядъ въ 3000 человѣкъ, и въ его большомъ таборѣ находились козацкія жены и дѣти. Лобода пока отрекался отъ всякой солидарности съ Наливайкомъ, „своевольнымъ человѣкомъ, который, забывши страхъ Божій, пренебрегаетъ всѣмъ на свѣтѣ, собралъ подобныхъ себѣ людей своевольныхъ и дѣлаетъ шкоды коронѣ польской, а мы о немъ ничего не знаемъ и знать не хотимъ“. Другая часть запорожцевъ ушла подъ предводительствомъ Савулы, „съ сильною“ арматой, по примѣру Наливайка, на Литву добывать себѣ козацкаго хлѣба. Въ глубинѣ Волыни творится нѣчто особенное:

совершаются систематическіе заѣзды, повидимому организуемые въ Острогѣ и направленные противъ главныхъ двигателей уніи, епископа Кирилла Терлецкаго и брацлавскаго каштеляна Семашко. Въ этихъ заѣздахъ принимаютъ участіе земляне, близкіе дома Острожскихъ, какъ Гулевичи и князя Воронежскіе, и протопецъ Демьянъ Наливайко. Князь Василій отрекается отъ участія въ какихъ-нибудь дѣйствіяхъ, противныхъ праву; но тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что участники заѣздовъ укрываются отъ преслѣдованій закона подъ его могущественной рукой.

Жолкѣвскій рѣшился дѣйствовать, не смотря ни на что: это былъ человѣкъ чрезвычайной энергіи и опытный вождь. Наливайко не предвидѣлъ, что гетманъ можетъ двинуться въ походъ по снѣгамъ и ростепели, и едва успѣлъ уйти. Началась погоня Жолкѣвскаго по пятамъ за Наливайкомъ, гдѣ оба выказали геройскую выносливость, упорство, отвагу, ловкость; но козаки успѣли такъ выскользнуть изъ рукъ стараго гетмана и скрылись въ „Уманіи“, въ дикихъ поляхъ за Бѣлой Церковью. А между тѣмъ около Бѣлой Церкви расположился и Лобода съ горстью Запорожцевъ. Въ Кіевѣ хозяйничалъ Саско, а изъ Бѣлоруссіи уже успѣлъ вернуться и Савула. Жолкѣвскій рѣшился отдохнуть нѣсколько дней въ Брацлавщинѣ, принявъ мѣры къ усмиренію Брацлавля, а затѣмъ двинулся къ востоку, въ центръ волнующагося района, двинулся уже съ увеличеннымъ войскомъ, такъ какъ къ нему пришла кое-какая помощь. Правой рукой его былъ князь Рожинскій, владѣлецъ маестностей, лежащихъ около Бѣлой Церкви, который имѣлъ свой собственный отрядъ въ 500 человѣкъ, свою артиллерію, знакомство со степью и большую опытность въ „фортеляхъ“ пограничной войны; къ тому же онъ былъ заядлый ненавистникъ козацкой вольницы. „Наймалъ множество того гультайства“, пишетъ про него Жолкѣвскій, „и больше пятидесяти изъ нихъ велѣлъ порубать. Я же до-сихъ-поръ держу руки чистыми отъ ихъ крови, кромѣ тѣхъ, что въ битвахъ падаютъ. Хотѣлось бы мнѣ, если можно, попорченные члены лѣчить, а не отрубать. Но и князю Рожинскому не удивляюсь: какъ всѣхъ тамошнихъ обывателей, такъ, особливо, его живьемъ заѣли“. Кромѣ естественнаго увлеченія

борьбы, старый гетманъ былъ тоже озлобленъ на своихъ противниковъ доходившими до него угрозами и похвальбами, въ которыхъ съ панствомъ переплетался и король, и Краковъ. Жолкъвскій остановился въ Погребищахъ. Ему все-таки очень хотѣлось кончить дѣло мирно, и отсюда онъ началъ переговоры съ Лободой. Онъ требовалъ, чтобы козаки вернулись за пороги и выдали ему Наливайка. Неизвѣстно, что думалъ объ этомъ самъ Лобода, но его козаки были рѣшительно противъ этого, и Лободѣ едва удалось спасти гетманскаго посланнаго. Но въ то же время явился въ польскій лагерь посоль отъ Наливайка съ просьбой о помилованіи. Гетманъ требовалъ, чтобы предводитель отдался въ руки, хотя и соглашался оставить его въ живыхъ, и ставилъ условіемъ выдачу захваченныхъ пушекъ и нѣмецкихъ знаменъ. Отвѣтомъ на эти условія было соединеніе Наливайки съ Лободой. Военныя дѣйствія должны были продолжаться. Враги сошлись надъ Острымъ Камнемъ, недалеко отъ Бѣлой Церкви. Козаки, по обыкновенію, скрѣпили цѣпями возы и сражались подъ этимъ прикрытіемъ. Бились съ обѣихъ сторонъ съ крайнимъ ожесточеніемъ, и потери были большія. Хотя поляки какъ будто и брали верхъ, но разорвать таборъ не могли, и козаки отступили въ боевомъ порядкѣ къ Кіеву, гдѣ оставались ихъ семьи, чтобы забрать ихъ оттуда и на чайкахъ переправить съ „русскаго“ на „татарскій“ берегъ, хотя рѣка и была покрыта плывущими льдинами. Жолкъвскій, получивши себѣ еще подкрѣпленія, двинулся вслѣдъ за козаками къ Днѣпру, а молодого Ходкевича, къ которому присоединился князь Рожинскій и Михаилъ Вишневецкій, тоже богатый украинскій панъ, отправилъ, чтобы очистить отъ бунтовщиковъ Каневъ. Польскій отрядъ ворвался въ городъ на первый день Пасхи: 400 человекъ было посѣчено въ церкви, изъ остальныхъ, спасавшихся бѣгствомъ, много утонуло въ Днѣпрѣ. „Ой, бодай же, ты, дивчыно бранко, щастя и доли не знала, що ты намъ той смутный день Свитлого праздника напонила“. Такъ до нашихъ дней дошло въ думѣ воспоминаніе объ этомъ эпизодѣ: такія событія, къ несчастію, слишкомъ глубоко врѣзаются въ народную душу.

Цѣлый апрѣль и начало мая ушли на бесплодные переговоры. Козаки хотѣли помѣшать полякамъ переправиться на лѣвый берегъ; Жолкѣвскому хотѣлось задержать козаковъ, чтобы они не ускользнули куда-нибудь въ Московскія границы, или на Донъ, или, наконецъ, снова на правый берегъ „въ дикія поля“; и это они могли сдѣлать, такъ какъ въ ихъ распоряженіи была цѣлая запорожская флотилія, приведенная Подвысоцкимъ. Но козаки были слишкомъ стѣснены въ своихъ движеніяхъ женами и дѣтьми. Лобода самъ пріѣзжалъ потихоньку для переговоровъ съ гетманомъ, но уѣхалъ ни съ чѣмъ: козаки не могли согласиться на выдачу Наливайка съ другими главнѣйшими зачинщиками, ни на отдачу иноземныхъ знаменъ. Значить, дѣло должно было идти прежнимъ ходомъ: козаки тронулись въ степь. Послѣ отступленія ихъ кіевскіе мѣщане, терроризированные присутствіемъ польскаго войска, согласились перевезти поляковъ на лѣвый берегъ; явились челны, спрятанные до тѣхъ поръ подъ водой, и переправа состоялась. Козаки утвердились было въ Переяславлѣ; но когда узнали о приближеніи Жолкѣвскаго, рѣшились двинуться къ Лубнамъ. Они думали, перейдя Сулу, сжечь за собою переброшенный черезъ нее искусный мостъ и такимъ образомъ выиграть время для дальнѣйшаго отступленія. Но эти расчеты обманули ихъ. Поляки не только не дали имъ разрушить мостъ, но одинъ отрядъ неожиданно зашелъ имъ съ тылу, воспользовавшись боромъ. Козаки были окружены, оставалось или отдаться на милость врага, или защищаться до послѣдней капли крови. Можно вообразить себѣ, какъ велико было взаимное ожесточеніе, если козаки, при которыхъ были жены и дѣти, все-таки рѣшились на сопротивленіе, совершенно безнадежное.

Это было на урочищѣ Салоницѣ, недалеко отъ Лубенъ. Козаки окопались валами съ трехъ сторонъ, четвертая примыкала къ болотистой Сулѣ. Всего въ ксацкомъ таборѣ было отъ 6 до 8 тысячъ, кромѣ женщинъ и дѣтей. Войско Жолкѣвскаго было теперь и численно, и пышно. Въ его лагерь были представители польскаго рыцарства изъ Польши и Подолья,

литовскіе и русскіе князья и множество землянь: тѣмъ замѣтнѣе было отсутствіе князей Острожскихъ и „пріятелей“ ихъ дому.

Осада козацкаго табора началась 25 мая и продолжалась до 7 іюня. Осаждающіе постоянно тревожили осаждаемыхъ нападеными, отражая вылазки, врываются въ таборъ. Послѣднюю недѣлю они обступили таборъ на коняхъ и стерегли его день и ночь. Но рѣшительный оборотъ дѣла приняли только тогда, когда привезли изъ Кіева большія пушки.

А между тѣмъ положеніе осаждаемыхъ было ужасно въ полномъ смыслѣ этого слова. Стояла невыносимая жара, воды не было, и пили жидкую грязь, добываемую изъ копанокъ; не стало топлива,—разбивали въ щепки возы; не стало муки, соли; а что важнѣе всего, не было пастбища для коней и они падали сотнями. Женщины, а особенно дѣти умирали то и дѣло; труповъ не погребали, и они, разлагаясь, заражали атмосферу. Плачь и стоны голодныхъ и томимыхъ жаждою дѣтей наполняли воздухъ. Случалось, что отецъ умерщвлялъ своего ребенка, чтобы не видѣть его мукъ. Отчаяніе доходило до послѣднихъ предѣловъ. Въ то же время козацкая рада, вмѣсто того, чтобы сосредоточить всѣ помыслы на одномъ, ссорилась: таборъ распался на двѣ партіи, запорожцевъ и вольницъ, Лободы и Наливайка. Послѣдняя, болѣе сильная, взяла верхъ. Лобода былъ убитъ, а вмѣсто него выбранъ атаманомъ Кременскій. Но положеніе дѣлъ не улучшилось; помощи ни откуда, а врагъ тѣснилъ все сильнѣе. Рѣшили еще разъ вступить въ переговоры. Но Жолтѣвскій ставилъ непремѣннымъ условіемъ выдачу, съ одной стороны, Наливайка съ другими главнѣйшими зачинщиками, съ другой—подданныхъ, убѣжавшихъ изъ панскихъ имѣній. Это первое ясное выступленіе на историческую сцену соціальной подкладки украинскихъ волненій. Казаки не могли принять этихъ условій.

Два дня большія пушки громили козацкій таборъ. 6 іюня вечеромъ гетманъ предложилъ конницѣ сдѣлать атаку.—А въ таборѣ былъ настоящій „судный день“! Наливайко во главѣ полка изъ болѣе храбрыхъ и испытанныхъ товарищей хотѣлъ пробиться въ степь. Но другіе его не вы-

пускали: „не пустимъ, кричали со всѣхъ сторонъ, ты насъ доведь до такого лиха, такъ и расхлебывай вмѣстѣ.“ На разсвѣтѣ поляки заняли таборъ почти безъ сопротивленія. Насталъ послѣдній кровавый актъ трагедіи. Изъ 10000 человекъ обоого пола едва 1500 спаслось, подъ предводительствомъ Кремпскаго. Остальное все было порублено. Наливайко, Савула и нѣсколько другихъ предводителей лежали связанными у ногъ побѣдителя.

Нѣсколько недѣль спустя, Жолкѣвскій торжественно вступилъ въ Львовъ. Передъ нимъ несли хоругви императора Рудольфа II, эрцгерцога Максимилиана, забранныя у козаковъ. За хоругвями шли плѣнники въ цѣпяхъ: впереди всѣхъ человекъ, исполинскаго роста и вида, съ гордой осанкой, рядомъ съ которымъ другіе выглядывали карликами: то былъ Наливайко. Проходя мимо собора, онъ воскликнулъ презрительно: „О святыня, святыня! Стали бы твои алтари яслями, а то обратилъ бы я тебя въ конюшню!“ Наливайка держали еще 10 мѣсяцевъ въ Варшавѣ, гдѣ его инквизиторски допрашивали о всѣхъ подробностяхъ. Тамъ онъ былъ и казненъ въ апрѣлѣ 1597 г. Товарищи его еще раньше сложили голову подъ топоръ. Появился грозный королевскій универсалъ, который приказывалъ ловить козаковъ, раскиданныхъ погромомъ, карать смертью непослушныхъ и собирающихся въ купы, а запорожцамъ воспрещалъ входить на Украину.

✓ Побѣда была одержана, и она имѣла результаты. На настроеніе массы произведено было сильное впечатлѣніе въ смыслѣ выгодномъ для польско-государственныхъ интересовъ. Конечно, спокойствіе не могло быть восстановлено разомъ. Въ слѣдующемъ же 1597 г. появляются на мгновение на сцену новые вожаки вольницы Метла и Гедройць и тотчасъ исчезаютъ. Старшій запорожскаго войска, признанный правительствомъ, Тихонъ Байбуза, находитъ себѣ соперника въ Полузѣ, являющемся предводителемъ враждебной полякамъ партіи, и цѣлый отрядъ, посланный Байбузой въ степь на развѣдки, падаетъ жертвой вочного нападенія этихъ братьевъ-враговъ. Нѣкоторые изъ пограничныхъ пановъ, какъ напримѣръ каменецкій каштелянъ

Претвичъ, сынъ знаменитаго ротмистра, принимаютъ дѣятельное участіе въ томъ, чтобы примирить запорожье съ правительствомъ. Претвичъ ведетъ съ Запорожьемъ оживленную корреспонденцію, совѣтуя послать депутацію къ королю и отвезти ему въ гостинець нѣсколько плѣнниковъ и хотя пару верблюдовъ, обѣщая и свое содѣйствіе, чтобы выпросить королевское прощеніе. Мало по малу польское, такъ сказать, настроеніе беретъ верхъ окончательно и выдвигаетъ въ вожаки козачества такихъ лицъ, какъ Кошка и въ особенности Сагайдачный, которые, являясь энергичными представителями и защитниками козацкихъ интересовъ, пытаются создать *modus vivendi* на компромиссахъ съ государствомъ.

Въ 1599 г. у поляковъ опять начинается война съ Молдавіей. Коронный гетманъ Замойскій посылаетъ листы на Низъ, прося двѣ или три тысячи Запорожцевъ придти на помощь: посоль везъ имъ, какъ баннитамъ, охранный королевскій листъ, немного денегъ и много обѣщаній. Запорожцы поставили свои скромныя условія: „чтобы невинно возложенная на нихъ баняція была уничтожена“, чтобы имъ шло постоянное жалованье, и еще кое-какія мелкія условія. Гетманъ ихъ принялъ, снялъ временно, силою своихъ полномочій, баняцію, и запорожцы тронулись въ походъ. Въ письмахъ кошевого Кошки сохранились интересныя подробности этого похода. 16 іюля 1599 г. Низовцы тронулись съ днѣпровскихъ острововъ вверхъ, шли водой, при чемъ ихъ задерживали противные вѣтры, съ большимъ усиліемъ прошли пороги, пришлось тащить суда по песку, а это было такъ тяжело, что одно судно тащили триста человѣкъ. По дорогѣ лежали Каневъ и Черкассы: здѣсь отдыхали и ждали панско-козацкихъ отрядовъ изъ пограничныхъ городовъ. Отъ Канева, черезъ Бѣлую Церковь и Брацлавль, лежало большое пространство, и молодцамъ давали подводы. Кошка держалъ козаковъ въ строгой дисциплинѣ, коронныя имѣнія обходили совсѣмъ, землянъ не притѣсняли, провіантъ брали справедливо, не допуская насилій. По дорогѣ козаки покупали коней, которыхъ было сколько угодно на равнинахъ Брацлавщины, и когда козаки остановились на отдыхъ подъ Каменцемъ,

дружина изъ пѣшей обратилась уже въ конную. Въ началѣ сентября Кошка съ Запорожцами уже былъ въ Молдавіи, въ обозѣ Замойскаго, подъ Сочавой. Козаки принимали самое дѣятельное участіе въ обложеніи Сочавы, затѣмъ служили авангардомъ польскому войску, расчищая ему дорогу по горамъ и буковымъ лѣсамъ Седмиградіи. Великій коронный гетманъ принадлежалъ къ числу пановъ, нерасположенныхъ къ козакамъ: но онъ долженъ былъ признать ихъ выдающіяся заслуги въ этомъ блестящемъ походѣ, благодарилъ Кошку за его вѣрную службу, обѣщаль ходатайствовать за запорожцевъ у короля и наградить всѣхъ по ихъ заслугамъ. Не успѣли еще козаки вернуться на Запорожье, какъ ихъ догнало новое гетманское предложеніе идти съ поляками на сѣверъ противъ шведовъ, которые вторглись въ Лифляндію. Послѣ бурныхъ совѣщаній, запорожцы приняли и это предложеніе, но опять поставили свои условія: чтобы выдано было жалованье, чтобы наслѣдство по умершемъ запорожцѣ доставалось его товарищу, чтобы козаки судились лишь своимъ судомъ, чтобы никакія мѣстныя власти не затрогивали ихъ во время ихъ походовъ на службѣ у государствъ, для чего при нихъ будетъ на это время находиться королевскій комиссаръ, и, наконецъ, чтобы банниція была снесена, а Терехтемировъ возвращенъ: Терехтемировскій монастырь, расположенный на земляхъ Каневскаго староства, служилъ шпиталемъ для старыхъ и больныхъ козаковъ, а въ Терехтемировѣ проживала козацкая старшина. Гетманъ на все согласился, и запорожцы поворотили на сѣверъ. Много тяжелаго пришлось имъ вынести: негостеприимная чужая сторона, суровый климатъ, холодъ, дожди; живности нѣтъ, фуражу нѣтъ, нѣтъ даже дровъ, нѣтъ соломы, чтобы сдѣлать хоть какое-нибудь прикрытіе, жалованье доставляется неаккуратно, да нечего и купить, хоть и есть деньги. Цѣлыхъ восемь мѣсяцевъ терпѣли запорожцы; наконецъ терпѣніе лопнуло. „Не хотятъ больше служить его королевской милости“, пишетъ Кошка гетману, „и если бы мы (старшины) стали ихъ уговаривать, то вѣрно бы насъ побили камнями“. Но и тутъ запорожцы не оставили позиціи, пока не дождались отвѣта отъ гетмана.

Такъ старались козаки примириться съ государствомъ, сохраняя все-таки за собой свою самостоятельность. Но едва-ли бы взаимныя отношенія могли такъ долго, цѣлую четверть вѣка, держаться на этой нотѣ, еслибы не благопріятствовали этому внѣшнія обстоятельства.

Польша всю первую четверть 17-го вѣка вела тяжелыя внѣшнія войны, требовавшія отъ нея большихъ усилій, сначала съ Московскимъ государствомъ, потомъ съ Турціей, и помощь козаковъ ей была крайне необходима и тутъ, и тамъ. Естественно, поэтому, что поляки вынуждены были смотрѣть сквозь пальцы на то, что всѣ ихъ запрещенія на счетъ войны съ сосѣдями нисколько не соблюдаются. Козаки не только дѣлаютъ по старому походы въ степь, жгутъ татарскіе аулы, но расширяютъ свою контрабандную дѣятельность за всѣ мыслимыя до сихъ поръ предѣлы: достаточно вспомнить ихъ походы противъ Турокъ 1614 — 16 годовъ, опустошеніе береговъ Анатолиі, Синопъ, Трапезундъ. Но за то все растущія козацкія силы и энергія выливались на востокъ, наполняя ужасомъ Московское государство и добывая тамъ богатые козацкіе хлѣба, а внутри государства, внутри Украины все было относительно спокойно. Относительно, потому что отдѣльные эпизоды своеволія козацкой вольницы, конечно, бывали. Такъ наприимѣръ, когда Польша въ 1609 г. собирала свои силы подъ Смоленскомъ и скликала охотниковъ, запорожское козачество прошло съ своихъ острововъ черезъ кіевское воеводство въ образцовомъ порядкѣ. Вслѣдъ за нимъ начали собираться своевольныя купы съ той же цѣлью, но по дорогѣ грабили шляхетскія имѣнія. Нѣкто Пашкевичъ, шляхтичъ изъ Низовыхъ козаковъ, принялъ титулъ полковника и началъ вербовать людей въ Смоленскій походъ. Разумѣется, охотники тотчасъ нашлись. Къ Пашкевичу присоединились другіе такіе же полковники со своими отрядами, и онъ уже сталъ себя называть атаманомъ. Отрядъ Пашкевича вступилъ въ границы Кіевского воеводства въ числѣ 8000. Все это, двигаясь широкимъ поясомъ и распуская слухи о татарахъ, чтобы самому удобнѣе было грабить, доплыло до имѣній Немирича и, найдя здѣсь всего въ изобиліи, расположилось на квартирахъ.

Цѣлое лѣто Пашкевичъ оставался на мѣстѣ, при чемъ его отрядъ поѣдалъ и истреблялъ все, что только было, къ тому же допускалъ всякія издѣвательства надъ подданными, такъ что когда своевольное войско двинулось дальше къ Смоленску, имѣнія Немирича были разорены. Но этимъ не кончилось дѣло. Въ то время, какъ Пашкевичъ былъ на сѣверѣ, Немиричъ организовалъ свои военныя силы, чтобы отомстить врагу, когда тотъ будетъ возвращаться. И въ самомъ дѣлѣ, на обратномъ пути, когда Пашкевичъ шелъ съ отрядомъ, значительно ослабленнымъ, но за то съ богатой добычей, Немиричъ такъ ловко устроилъ нападеніе, что не только атаманъ былъ убитъ, но и вся его добыча досталась Немиричу. Но такіе эпизоды не интересовали государство. Это была частная война пана Немирича съ полковникомъ Пашкевичемъ—и только.

Да, втеченіе цѣлой почти четверти вѣка внѣшнія обстоятельства чрезвычайно благопріятствовали тому, чтобы создать нѣкоторое временное равновѣсіе. Но вѣдь всѣ старыя условія, дѣлавшія столкновенія между панско-польскимъ и козацко-рускимъ элементомъ почти неизбѣжными, оставались все-таки во всей своей силѣ. И если равновѣсіе не нарушалось такъ долго, то только потому, что теченіе дѣлъ за это время не было предоставлено своей собственной стихійной силѣ, а что имъ заправляла сознательная мысль сильнаго человѣка, обхватывавшаго положеніе и цѣлесообразно имъ руководившаго. Мы говоримъ о Сагайдачномъ. Онъ цѣлые полтора десятка лѣтъ, до самой своей смерти, держался, какъ „самодержавный панъ на Низу“, на этомъ самомъ капризномъ Низу, который мѣнялъ своихъ кошевыхъ по первой прихоти своего непостояннаго права. И эти долгіе годы его проницательная мысль и вся энергія его сильной природы была направлена на одно: чтобы отстоять интересы того дѣла, которое ему было вручено довѣріемъ массы. Интересы эти онъ понималъ широко. Достаточно вспомнить ту серьезную и спокойную увѣренность, съ какой онъ вмѣшивался въ религиозныя дѣла, поддерживая православіе, которое къ этому времени уже вступило въ настоящую борьбу съ уніей. На Украинѣ центромъ борьбы былъ Кіевъ, гдѣ жизнь въ это время

била ключемъ. Здѣсь, по преимуществу, набирались вольныя дружины, которыя поддерживали московскихъ самозванцевъ, широко развивалась торговля; умственная жизнь, хотя въ видѣ религіозныхъ вопросовъ и споровъ, распространена была во всѣхъ слояхъ общества. Во главѣ уніатовъ стоялъ игуменъ Выдубицкаго монастыря Антоній Грековичъ, ревностный распространитель своихъ религіозныхъ убѣжденій; во главѣ православныхъ—скромный игуменъ монастыря Михайловскаго, будущій митрополитъ, Іовъ Борецкій, умный и энергичный. Жиль здѣсь и католическій епископъ; успѣли водвориться, подъ покровительствомъ польскихъ властей, и бернардины, и іезуиты, и доминикане. И если православные все-таки могли высоко держать голову, то только потому, что чувствовали за собой постоянно сильную опеку Низоваго козачества и его знаменитаго кошевого, въ которомъ такъ нуждались поляки. Нуждались они въ немъ постоянно; но бывали такіе моменты, когда отъ Сагайдачнаго и его козачества многое зависѣло. Припомнимъ хотя бы послѣдніе годы жизни Сагайдачнаго. Въ то время, какъ онъ пріобрѣталъ для Польши Сѣверскую землю,—добыча Московскаго похода 1618 г.,—Польша въ первый разъ встрѣтилась лицомъ къ лицу въ открытомъ полѣ съ Турціей. Результаты встрѣчи были очень плачевны для Польши. По договору въ Бушѣ 1617 г., заключенному Жолѣвскимъ съ Скиндербашей, Польша отказывалась отъ своихъ старинныхъ притязаній на Молдавію; а когда она нарушила договоръ, то наказаніемъ было ужасное пораженіе подъ Цецорой. Тогда Поляки обратились за помощью къ Сагайдачному и его казакамъ; и только ихъ содѣйствіямъ обязаны они были блестящей Хотимскою побѣдой 1621 г. Запорожцы дрались, какъ львы, шли въ огонь съ какимъ-то отчаяннымъ мужествомъ, никому не давали пощады, зная, что имъ-то ужъ, конечно, не будетъ пощады. Молодой королевичъ Владиславъ, будущій король, принималъ личное участіе въ Хотимскомъ походѣ и съ этихъ поръ проникся тѣмъ расположеніемъ къ козачеству, которымъ онъ всегда отличался. Когда войска уже были распущены, Владиславъ оставался еще нѣсколько дней подъ Хотимомъ, чтобы осмотрѣть его укрѣпленія, и задержалъ

низовцевъ: часто ѣздилъ въ ихъ станъ, снабжалъ ихъ живностью и провіантомъ и потомъ выхлопоталъ имъ у короля хорошую денежную награду. Сагайдачнаго же, который былъ тяжело раненъ, окружилъ заботливостью и знаками уваженія: уступилъ ему свой экипажъ, своего придворнаго врача и т. п. Только пять мѣсяцевъ прожилъ Сагайдачный послѣ Хотимской побѣды.

Прошло два-три года со смерти Сагайдачнаго, и неизбежность трагической коллизіи, заключенная въ положеніи украинскихъ дѣлъ, обнаружилась съ новой силой. Козацкія волненія слѣдуютъ одно за другимъ; польская военная сила систематически ихъ давитъ, топить въ крови. Но терроръ уже какъ бы теряетъ свою обычную силу: онъ не парализуетъ энергіи, а только озлобляетъ. Передъ нами проходятъ ряды вожаковъ, которые часто платятся мучительною смертію за свою дерзость, но это не устрашаетъ другихъ, слѣдующихъ за ними. Поляки изъ всѣхъ силъ стараются удерживать отношенія въ томъ видѣ, какъ они были формулированы договоромъ, заключеннымъ между комиссіей, уполномоченной Рѣчью посполитой и козаками въ 1625 г. на урочищѣ Медвѣжьи-Лозы; черезъ 13 лѣтъ правительственной комиссіи, договаривавшейся съ козаками послѣ ужаснаго пораженія Павлюка подъ Кумейками, удалось формулировать эти отношенія въ еще болѣе стѣснительномъ видѣ. Но жизнь не могла приспособляться къ предъявляемымъ ей государствомъ требованіямъ; правда, насиліе вымучивало иногда на нѣкоторое время внѣшнюю покорность, какъ это было послѣ 1638 г., по усмиреніи гетманомъ Конецпольскимъ возстанія Острианицы, когда, между прочимъ, учреждена была должность комиссара, замѣнившаго собою „старшаго“ запорожскаго войска: комиссаръ этотъ долженъ былъ жить въ Терехтеміровѣ и зависѣть вполне отъ гетмана, который самъ и назначалъ его на эту должность. За то тѣмъ ужаснѣе былъ взрывъ, какъ реакція этой вынужденной покорности. Такимъ взрывомъ была Хмельницина.

Не могъ русско-украинскій народъ подписать самъ себѣ смертный приговоръ; но не могло и польское государство от-

казаться отъ самого себя, отъ распространенія на области, которыя оно теперь считало своими, основъ быта, выработанныхъ его исторической жизнью. Разсмотримъ положеніе края.

Панская колонизація на Украинѣ въ 17 вѣкѣ росла съ такою энергіей, которая невольно напоминаетъ современному изслѣдователю, при всей громадной разницѣ условий, американскую колонизацію западныхъ штатовъ. Польскіе магнаты разобрали вмѣстѣ съ русскими князьями, какъ уже было сказано, всѣ королевщины, староства. Съ этихъ староствъ, вмѣсто законной кватры, т. е. четвертной части доходовъ въ казну, они едва платили десятую, обращая остальное, якобы на содержаніе замковъ. Эти староства, переходя отъ отца къ сыну, приобрѣтали характеръ частной собственности. Опираясь на нихъ, а то и независимо, магнаты приобрѣтали имѣнія покупкой, тратя иногда на такія покупки большіе капиталы: сдѣлалось въ Польшѣ какъ-бы модой приобрѣтать себѣ земли на Украинѣ Замоійскій за Поволоцкую волость заплатилъ княгинѣ Рожинской 1200000 злотыхъ; въ ней было, правда, 58 деревень. Конецпольскій половину такой суммы заплатилъ за голую степь. Тышкевичъ, для закругленія Махновецкой волости, заплатилъ за 6 небольшихъ деревень около 400,000 злотыхъ. Когда нельзя было приобрѣсть покупкой, паны не останавливались даже передъ тѣмъ, чтобы брать имѣнія у мѣстныхъ владѣльцевъ въ заставныя державства (аренды, обезпеченныя капиталомъ, внесеннымъ владѣльцу): такъ, Конецпольскій, до приобрѣтенія собственной земли, арендовалъ Мглиевскую волость у княгини Рожинской и т. д. А выше уже была упомянута сеймовая конституція о раздачѣ пустыхъ земель на кресахъ заслуженнымъ людямъ. Приобрѣтая землю, паны изо всѣхъ силъ старались ее заселять. На Уманской пустынѣ, которую получилъ отъ становъ Валентій Калиновскій въ 1609 г., сынъ его Мартинъ, черезъ 30 лѣтъ, уже имѣлъ больше 100 деревень и 11 церквей въ мѣстечкахъ. Конецпольскій, при помощи французскаго инженера Боплана, осадилъ на приобрѣтенной имъ степи 50 городовъ и мѣстечекъ, а около нихъ вскорѣ появилось около 1000 сельскихъ поселеній и т. д. Какъ это дѣлалось, объ этомъ уже шла рѣчь выше

Хлоповъ приходилось и приманивать, и переманивать, однимъ словомъ, добывать всякими правдами и неправдами: особенно два первыя десятилѣтія 17-го вѣка суды переполнены жалобами владѣльцевъ одинъ на другого за уводъ чужихъ хлоповъ. Бѣдныя шляхтичи, которымъ всегда было несравненно труднѣе привлечь хлоповъ, чѣмъ магнатамъ, выручали, случалось, себя очень экстраординарными мѣропріятіями. Напримѣръ, нѣкто Иванъ Жашковскій, изъ самозванныхъ полковниковъ, занялся ловлей хлоповъ, чтобы заселить свой клочекъ земли; упорныхъ изъ изловленныхъ распиналъ на крестѣ, мучилъ, пока мучимый не сложитъ троекратной присяги, что останется жить на землѣ Жашковского и уже никогда не воротится на свое гнѣздо. Но что же выходило изъ этого по отношенію къ интересующей насъ соціальной сторонѣ украинскаго положенія?

А выходило вотъ что.

Гордые брацлавскіе „окозаченные“ хлопы съ ихъ свободными землями, хлопы, которые едва достаивали помнить, что они сидятъ на земляхъ, находящихся въ районѣ старостинской власти, безчисленные хутора, „посѣянные козаками“ въ Кіевщинѣ, все это оказалось теперь на панскихъ земляхъ. По польскому праву, свободный земледѣлецъ былъ аномаліей, которой нѣтъ мѣста въ благоустроенномъ обществѣ; а потому, приобрѣтая какимъ бы то ни было правомъ территорію, панъ тѣмъ самымъ приобрѣталъ право на всю земельную собственность всѣхъ владѣльцевъ этой территоріи, кромѣ шляхтичей, буде бы они оказались, а вмѣстѣ въ тѣмъ и права на самыя личности этихъ владѣльцевъ. Но не могъ же украинецъ, исторически воспитанный на понятіи своей личной и земельной свободы, примириться съ этой точкой зрѣнія; не могъ даже и тогда, когда садился на панскую землю по договору, привлекаемый временными, хотя и долгосрочными, слободами и другими льготами. Козачество поддерживало этотъ, крайне аномальный, съ польской точки зрѣнія, строй. И потому всѣ договоры съ козаками необходимо говорить о томъ, что всѣ, кто живетъ на панскихъ земляхъ, есть панскіе подданные, а кто не хочетъ себя такимъ считать, отказывается отъ послушенства, долженъ уходить съ земли: но куда же дѣваться, когда вся земля

кругомъ панская, а число козаковъ точно реестровано? Такимъ образомъ, вся масса украинскаго народа, въ силу договора на Медвѣжьихъ Лозахъ и другихъ, распалась на двѣ страшно неравныя по численности части: нѣсколько тысячъ реестровыхъ козаковъ, которые должны были жить на точно опредѣленныхъ правительствомъ тирриторіяхъ и пользовались личной свободой, и все остальное населеніе, которое жило на панскихъ земляхъ съ накинутой на шеѣ петлей крѣпостного состоянія, хотя эта петля во многихъ случаяхъ и была еще совершенно свободной, могла совсѣмъ не давать себя чувствовать. Многолѣтнія свободы, льготы и защита, которою окружали сильные владѣльцы своихъ подданныхъ, въ соединеніи съ земельнымъ просторомъ и естественными богатствами края, могли дѣлать положеніе хлопа не только не дурнымъ, но даже во многихъ отношеніяхъ завиднымъ, и паны, между которыми не рѣдко были и гуманные, высокообразованные люди, невольно сравнивая положеніе украинскаго хлопа съ положеніемъ польскаго, правы были въ своемъ искреннемъ удивленіи: какого еще рожня нужно этому буйному хлопцу? и чѣмъ кромѣ *innata malitia* (врожденной злости) объяснить его ничѣмъ неудовлетворяемое недовольство? Во многихъ случаяхъ могло быть такъ, но, конечно, нерѣдко бывало и иначе, и чѣмъ шире распространялась панская власть, чѣмъ увѣреннѣе она становилась, тѣмъ сильнѣе проявлялись и ея отрицательныя стороны: это неизбѣжный естественный ходъ вещей.

Но, конечно, въ числѣ многого другого не было условія, болѣе ухудшавшаго положеніе, болѣе обострявшаго отношенія, какъ появленіе на Украинѣ еврея, въ качествѣ посредника между паномъ и хлопомъ. На Волыни евреи жили издавна. Въ Острожскомъ княжествѣ, еще до Люблинской уніи, около 4000 и райльтянъ занималось приготовленіемъ водки, пива и меду; а княжескіе ревизоры, докладывая о состояніи княжескихъ земель, на ряду съ такими отмѣтками о пустыхъ земляхъ: „татары забрали“ (населеніе) или „кмети пошло прочь послѣ татарщины“, — отмѣчаютъ и такъ: „пустки за жида“ или „дворищовые за жида прочь пошли“. На Подольѣ евреи также издавна соперничали въ торговлѣ съ армянами; но въ Кіевщинѣ и Брацлавщинѣ они

появляются только послѣ договора на Медвѣжьихъ Лозахъ, т. е. 1625 г. Появляются между прочимъ даже и какъ подстаросты, т. е. замѣстители старостъ, на которыхъ лежала, главнымъ образомъ, организація пограничной защиты. Государство принимало мѣры къ тому, чтобы старосты жили непремѣнно въ замкахъ, чтобы староства не переходили наслѣдственно къ женщинамъ. Но тѣмъ не менѣе случалось, что старосты проматывали въ столицѣ доходы со своихъ староствъ, которыя простирались иногда, какъ на примѣръ Бѣлоцерковское староство, на сто миль, а всю власть передавали державцу, который, естественно, заботился только о своихъ доходахъ. Если же на мѣстѣ державца оказывался еврей, то, конечно, онъ не только заботился о доходахъ, но и умѣлъ ихъ извлекать артистически; а что изъ этого выходило, показываетъ слѣдующій примѣръ. Нѣкто панъ Снопковскій отдалъ въ аренду еврею Капелю Каневщину и Богуславщину, которыя самъ онъ держалъ въ качествѣ старосты,—отдалъ „съ млинами, корчмами горѣльчаными, потаповыми будами, чийшами, рыбными ловлями, перевозами, мытами и со всякими доходами тѣхъ староствъ“... На обязанности Капели лежало содержать въ порядкѣ замокъ, снабжать его военными снарядами, содержать гарнизонъ, пушкарей и пр. Что же удивительнаго, что послѣ нѣсколькихъ лѣтъ еврейскаго державства ревизоры нашли, что доходы староствъ упали меньше, чѣмъ на половину первоначальной величины, а въ замкѣ Каневскомъ ни воротъ, ни башенъ, какихъ слѣдуетъ, стѣны въ дырахъ и т. д. Однимъ словомъ, по отношенію къ государственному имуществу, какимъ считалось староство, еврей являлся прямымъ разорителемъ; но за то для пана-старосты еврей былъ чрезвычайно удобенъ, такъ какъ всегда имѣлъ наготовѣ деньги, все готовъ былъ купить или арендовать, за все готовъ былъ платить впередъ наличными, требовалъ же для себя только одного: напугать хлопа, чтобы тотъ боялся дѣлать что-нибудь, могущее служить къ уменьшенію его, еврейскихъ, доходовъ. Трудно даже и понять, какъ могли успѣть евреи въ такое относительно короткое время, меньше чѣмъ въ четверть вѣка, обхватить Украинскій народъ желѣзной цѣпью своего посредничества и возбудить къ

себѣ ту бѣшенную, неукротимую ненависть, какая проявлялась въ каждомъ народномъ взрывѣ.

Много содѣйствовалъ ухудшенію положенія и религіозный вопросъ. Съ распространеніемъ панства, католическая вѣра не только *de jure*, но и *de facto* начала выступать въ роли господствующей. Конечно, кіевская католическая епископская кафедра, которая имѣла въ концѣ 16-го вѣка такого блестящаго представителя, какъ Іосифъ Верещинскій, не могла потягаться земельными имуществами съ Кіево-Печерскимъ монастыремъ, но она была уже хорошо обезпечена: три торговыхъ мѣстечка, кромѣ деревень и мельницъ. Но главной, воинствующей силой католичества было на Украинѣ не свѣтское духовенство, а монашествующее: доминикане и въ особенности іезуиты. Іезуиты имѣли большой успѣхъ, между прочимъ на Кіевскомъ Полѣсѣ, среди его боярства, еще недавно такъ преданнаго православію. Много отдѣльныхъ мелкихъ земельныхъ имуществъ перешло здѣсь въ ихъ руки. Былъ здѣсь устроенъ въ 1634 г. въ Ксаверовѣ и іезуитскій коллегіумъ вмѣстѣ съ разными другими учрежденіями, воздвигнутыми средствами и инициативой Игнатія Ельца, обращеннаго въ католичество изъ православія. Такъ, усиліями іезуитовъ, католичество пробиралось даже и до низшихъ общественныхъ слоевъ русской народности, уже не говоря о высшихъ, гдѣ іезуитская пропаганда имѣла большой успѣхъ. Но за то аріанство осталось на Украинѣ специально „панской вѣрой“,—принадлежностью настоящаго панства. Броженіе религіозной мысли, обуславливаемое вторженіемъ религіозныхъ „новинокъ“, придавало отчасти украинскому панству видъ религіознаго вольномыслія; но были и настоящіе столпы католичества. Къ такимъ столпамъ принадлежалъ, на примѣръ, весь магнатскій родъ Тышкевичей, но въ особенности извѣстный кіевскій воевода Янушъ Тышкевичъ. На свой счетъ водворилъ Тышкевичъ іезуитовъ въ Кіевѣ и Винницѣ, кармелитовъ въ Бердичевѣ, бернардиновъ въ Махновкѣ, доминиканъ въ Морафѣ. громадныя суммы тратилъ онъ на востелы, на содержаніе духовенства. Но не такъ распространеніе католичества, какъ оно ни было велико, раздражало и волновало умы украинскаго на-

рода, какъ тотъ расколъ, который раздѣлилъ православную церковь на два лагеря. Знамя восточнаго православія уже теперь неразрывно связалось съ дѣломъ украинскаго народа: всѣ оппозиціонные правительству элементы были въ лагерѣ „дивунитовъ“.

Вообще, распространеніе польскаго политическаго и правового строя на русскую Украину съ ея своеобразно развившимися бытовыми формами было такъ внезапно и навязчиво, что мирный выходъ изъ положенія во всякомъ случаѣ былъ бы крайне затруднителенъ. Но если принять во вниманіе свойства польскаго государства, какъ формы самой по себѣ, его крайнюю неустойчивость, слабую сплоченность его частей, обуславливавшую теченія, которыя парализовали другъ-друга своимъ противорѣчіемъ, то такой мирный исходъ является уже прямой и простой невозможностью. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно бросить взглядъ на ту картину анархіи, какую представляла собою Украина въ разсматриваемую эпоху, эпоху относительно мирную, эпоху торжества государственнаго начала, эпоху Сагайдачнаго, а потомъ цѣлаго ряда побѣдъ надъ козаками, все сильнѣе и сильнѣе сгибавшихъ хлопское своеволие подъ панское ярмо. Земли стараго заселенія, Волинь и Кіевское Полѣсье, т. е. Овручскій и Житомирскій повѣты съ ихъ давними исторически сложившимися формами, представляли болѣе порядка; но положеніе русской Украины въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. Брацлавщины и Кіевщины, было крайне ненормально. У государства не хватало силы поддерживать здѣсь хоть какое-нибудь элементарное общественное равновѣсіе, дать опору дѣйствующему праву, и край былъ погруженъ въ такой правовой хаосъ, представленіе о которомъ съ трудомъ вмѣщается въ головѣ современнаго человѣка, тѣмъ болѣе, что онъ не можетъ забыть, что имѣетъ дѣло съ областью польскаго государства, снабженной, повидимому, всѣми необходимыми по государственной конституціи учрежденіями, административнымъ, судебнымъ и инымъ. Видя, что дѣло неладно, государство передаетъ въ руки пограничныхъ старостъ право *brachium regale* (королевской руки), т. е. жизни и смерти, но это не улучшаетъ по-

ложенія. И всѣ эти экстренныя мѣры направляются не противъ козаковъ или хлоповъ, а противъ шляхетско-польскаго элемента: это ясно изъ смысла сеймовыхъ конституцій. Да оно и не могло быть иначе. На Украину постоянно прибывали изъ глубины края безпокойные люди, искавшіе здѣсь убѣжища: осужденные преступники, участники политическихъ движеній, и т. п. Здѣсь, у „татарской стѣны“, имѣя за плечами врага, готоваго ежеминутно обрушиться, не такъ-то легко было, конечно, преслѣдовать преступника, буде-бы власти и смотрѣли на дѣло серьезно. А смотрѣли они вотъ какъ: гетманъ Жолкѣвскій открыто, универсалами, приглашалъ на Украину политическихъ преступниковъ, участниковъ жолнѣрскихъ конфедерацій, на службу королю и Рѣчи Посполитой. Иногда же безпокойные элементы на Украинѣ усаживались на землѣ и превращались въ мирныхъ гражданъ, на сколько здѣсь вообще могли быть мирные граждане. Но большею частью они и здѣсь оставались столь же безпокойными и входили въ вольныя дружины. Эти вольныя дружины составляли въ данную эпоху настоящее бѣдствіе украинской жизни, пожалуй не меньшее, чѣмъ татарскіе набѣги. Вызывало ихъ къ жизни само государство. Ведя тяжелыя войны и нуждаясь постоянно въ военной силѣ, оно охотно выдавало каждому, хотя бы то былъ ловкій запорожецъ или польскій шляхтичъ-баннитъ, „заповѣднѣй или приповѣднѣй листъ“ который давалъ право формировать вольную дружину. О подвигахъ одной такой дружины, атамана Пашкевича, и его войнѣ съ Немиричемъ, мы говорили выше. Во время Московскихъ походовъ Украина доставила до шестидесяти тысячъ такихъ волонтеровъ, которые двигаются по однимъ только побужденіямъ, наживы посредствомъ грабежа, и которые начинаютъ свои подвиги чуть не съ перваго момента своего выступленія въ походы, съ перваго ночлега. Актовыя книги гродскихъ судовъ переполнены жалобами на такія дружины и ихъ предводителей. Вотъ два-три примѣра. Нѣкто Искоростенскій, напр., землянинъ изъ Быхова, явился въ Кіевщину, чтобы вербовать здѣсь охотниковъ, и такъ хорошо управлялся, что втеченіе одного 1609 г. подано было

на него 29 жалобъ о грабежѣ, а тридцатая о смертоубійствѣ одного мирнаго шляхтича. Во время приготовленій къ турецкой кампаніи нѣкто Фастовець набралъ себѣ войско изъ „своевольнаго мѣщанскаго гультайства“ въ 2000 человекъ, вымуштровала его, снабдилъ даже пушками, захваченными въ одномъ изъ замковъ, и повелъ въ краѣ настоящую войну по всеѣмъ правиламъ искусства. Онъ приближался къ какому-нибудь дворцу, конечно, защищенному, какъ это обыкновенно водилось, и требовалъ выкупъ деньгами и съѣстными припасами. Если предложеніе отклонялось, онъ начиналъ осаду; побѣжденных облагалъ тяжелой контрибуціей. Когда-же встрѣчалъ упорный отпоръ, то все палилъ, а виновныхъ вѣшалъ: нѣсколько поселеній подверглось такой участи. Еще одинъ подобный отрядъ дѣйствовалъ такъ, что грабилъ дворы и мѣстечка, а отъ обиженныхъ вымогалъ документы, въ томъ смыслѣ, что они не имѣютъ никакихъ претензій на грабителей и т. д. Правительство, видя, какое зло вытекаетъ изъ всего этого, пыталось ограничить, если не всеѣмъ прекратить, выдачу „заповѣдныхъ листовъ“; но вынуждаемое необходимостью, само отмѣняло свои распоряженія. Наконецъ, зло достигло такихъ размѣровъ, что гетманъ Жолкѣвскій издалъ универсалъ къ кварцяному войску, чтобы оно готовилось къ усмирению своевольниковъ. Однако, все и всеѣмъ проходитъ безнаказанно, кромѣ развѣ тѣхъ случаевъ, когда личная месть является на помощь безсильному правосудію.

Но хуже всего, конечно, было то, что сами коронныя войска, въ виду опаснаго положенія края, расположенныя здѣсь на постоянныхъ квартирахъ, вмѣсто того, чтобы охранять внутренній порядокъ и защищать отъ непріятеля, допускали такія же злоупотребленія, какъ и вольныя дружины. Разница была лишь въ томъ, что коронныя войска никогда не трогали имѣній магнатовъ и высшихъ урядниковъ, но мелкую шляхту съ ея имѣніями они третировали по-непріятельски. Цѣлый рядъ кварцяныхъ ротмистровъ пользовался такой же громкой и столь же заслуженной печальною славой, какъ и предводители разбойничьихъ шаекъ, извѣстныхъ то подъ именемъ своевольныхъ купъ, то вольныхъ дружинъ. Одна хоругвь порубила въ пень

обывателей Звягля за то, что они не хотѣли исполнить требованій ея начальника. Подъ предлогомъ „выбранія стацій“ допускались самыя вопіющія злоупотребленія, да и вообще избраніе стацій очень смахивало на военныя дѣйствія въ непріятельской странѣ. Двѣ хоругви, „черная“ Стемпковского и „красная“ Хмелецкаго, каждая изъ тысячи человекъ, дѣйствовали такъ, что народъ собирался и вооружался, при вѣсти о ихъ приближеніи, точно какъ при вѣсти о татарскомъ чамбулѣ; Брусиловъ для защиты укрѣнился, они взяли его штурмомъ и спалили до-гла. И правительство не находили иного способа справиться со зломъ, какъ только уменьшить войско. „Постоянный плачь и жалобы бѣдныхъ людей, кровавыми слезами зывающихъ къ небесамъ“, пишетъ гетманъ Конецпольскій, „привели его королевскую милость къ рѣшенію уменьшить украинскія войска, чтобы они не слишкомъ распространялись по краю: такъ расширились они, такъ высвободились изъ войско-вой строгости, что уже, не обращая вниманія ни на страхъ Божій, ни на свою совѣсть, ни на военные законы, ни на добрую славу, чуть что не кровь пьютъ бѣдняковъ и дѣлаютъ въ глазахъ кресовыхъ людей отвратительнымъ и ненавистнымъ самое имя жолнера“...

Что можетъ быть краснорѣчивѣе признанія стараго гетмана, главы этихъ самыхъ жолнеровъ?

Но если такъ дѣйствовали коронныя войска, то чего же ожидать отъ панскихъ надворныхъ отрядовъ. Вотъ какими словами описываетъ Іерличъ надворное войско Лаца, короннаго стражника: „баниты, волохи, татары, разбойники, воры, честнаго человека и не спрашивай, а нѣсколько сотъ всегда при немъ находилось такихъ, которые и дороги въ Кіевъ потеряли и не ѣздили туда ради своихъ разбоевъ и грабежей“... Какъ могла дѣйствовать такая дружина? А вотъ какъ. Падаеть конь подъ всадникомъ, онъ забираеть перваго попавшагося коня; а приводится ли выпречь этого коня изъ встрѣчнаго экипажа, или вывести изъ чьей-нибудь конюшни—это ужъ все равно; не достаеть припасовъ—осматриваються вокругъ, не работаеть ли гдѣ плугъ въ полѣ, не тянется ли обозъ по дорогѣ: выпрягутъ во-

ла, разложить тутъ же огонь, зарѣжутъ—и сыты; нужна водка, пиво, фуражъ—на то есть сосѣдняя деревня: является отрядъ, а народъ, зная, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, торопится поспѣвать поскорѣе.

Въ такомъ положеніи находилась организація защиты. Еслибы все это не было лишь симптомомъ анархіи, то оно само по себѣ могло бы быть ея достаточной причиной. Если разнузданность личныхъ стремленій вообще характеризуетъ собою польское общество, то здѣсь, на Украинѣ, въ рассматриваемую эпоху, разнузданность эта принимаетъ по истинѣ чудовищные размѣры. Отдѣльные шляхетскіе дома ведутъ между собою безконечные процессы, которые то и дѣло сходятъ съ правовой дороги на путь частной войны, сопровождаемой всѣми ея необходимыми послѣдствіями, вооруженнымъ занятіемъ земель противника, штурмомъ замковъ, взаимнымъ грабежомъ и убійствами. Всплывалъ и антагонизмъ между магнатствомъ и мелкою шляхтою, въ основѣ котораго, между прочимъ, лежала и рознь экономическихъ интересовъ: магнаты, при посредствѣ экстренныхъ мѣръ, усиленно колонизуя свои земли, тѣмъ самымъ подрывали возможность для мелкой шляхты колонизовать свои. Антагонизмъ этотъ, случалось, прорывался очень ярко, такъ какъ въ условіяхъ украинской жизни все легко приходило къ взрыву: напр., когда въ 1611 г. одинъ магнатъ справлялъ въ Бердичевѣ свадьбу своей дочери съ богатымъ земляниномъ, который имѣлъ въ родствѣ много бѣдной шляхты, произошло настоящее побоище съ многими жертвами, убитыми и ранеными, вызванное тѣмъ, что магнатскіе служебники начали смѣяться надъ землянскими гайдуками. Общественная атмосфера Украины была такъ насыщена правонарушеніемъ, что нелегко было найти шляхтича, котораго не привлекали бы въ судъ за насиліе или заѣздъ, который не имѣлъ бы на себѣ хотя одной банниці. Выработался особый типъ шляхтича „съ фантазіей“, въ родѣ князя Романа Рожинскаго, этого не-то героя, не-то авантюриста, не-то разбойника отъ природы, однимъ словомъ, челоуѣка, который былъ совсѣмъ не приспособленъ къ условіямъ мирнаго гражданскаго быта и долженъ былъ необходимо искать себѣ

какого-нибудь подходящаго поля, если не въ Молдавіи, то на Запорожьѣ, если не въ Запорожьѣ, то въ Москвѣ: онъ, Рожинскій, сдѣлалъ своей спеціальностью московскихъ самозванцевъ, за нихъ и сложилъ свою буйную голову. О какихъ-нибудь вышнихъ цѣляхъ, какъ бы онѣ ни понимались, здѣсь нѣтъ и помину. Крайне любопытно заявленіе, которое сдѣлалъ этотъ авантюристъ королю Сигизмунду черезъ своего посланнаго: „если кто рѣшится отнять у насъ наши кровавыя заслуги и ту жатву, которую мы собрали потомъ чела, кровью и желѣзомъ, то мы въ такомъ случаѣ не будемъ почитать ни пана за пана, ни брата за брата, ни отечество за отечество“. Конечно, мораль князя Рожинскаго была очень откровенная; но еще откровеннѣе были дѣйствія другого, еще гораздо болѣе извѣстнаго, шляхтича, который даже не считалъ нужнымъ разыскивать поле для своей широкой натуры внѣ предѣловъ отечества. Мы говоримъ о знаменитомъ коронномъ стражникѣ, овручскомъ старостѣ Самуилѣ Лащѣ, который представлялъ собою для Украины героя даннаго историческаго момента.

Несомнѣнно, Лащъ былъ человѣкъ выдающихся дарованій, по крайней мѣрѣ военныхъ. Недаромъ же онъ заслужилъ названіе „татарскаго страха“; съ этой стороны онъ можетъ стать въ ряду съ такими защитниками Украины, какъ Претвичъ, Хмелецкій, Гослицкій. Но и помимо своихъ военныхъ заслугъ, онъ умѣлъ пріобрѣтать себѣ симпатіи людей: гетманъ Конецпольскій стоялъ за него горой до конца, не смотря ни на что, и самъ Владиславъ IV, человѣкъ правдивый и не склонный къ лицепріятію, не разъ спасалъ его отъ преслѣдованій ~~закона~~. Но какъ третировалъ всякіе права и законы этотъ украинско-польско-шляхетскій герой, трудно было-бы повѣрить, если бы мы не имѣли на этотъ счетъ точныхъ документальныхъ свидѣтельствъ. Прежде всего, онъ никогда не удостоивалъ связываться съ судами. Противъ него велось безчисленное множество процессовъ—онъ самъ не жаловался и не отвѣчалъ, т. е. не отвѣчалъ правовымъ способомъ, а если отвѣчалъ, то только истцу фактически: „кто на него въ судъ обращался, тотъ долженъ былъ раньше отказаться отъ жены и отъ дому и спастись, по-

за цѣль“. Подкладкой всѣхъ его дѣяній было безцеремонное добываніе средствъ: онъ былъ изъ „худобахолковъ“, а большія матеріальныя средства были ему необходимы уже хоть бы и для того, чтобы исполнить свою обязанность по защитѣ края,—такъ былъ строй Рѣчи-Постолитой, что бѣдному человѣку трудно было быть даже и полезнымъ своему отечеству. Началь Лацъ съ небольшихъ злоупотребленій, которыя какъ бы даже и примыкали къ обычному украинскому праву, съ порубокъ въ чужомъ лѣсу, насильственного выбиранія стацій, небольшихъ заѣздовъ.—Все сходило съ рукъ благополучно, и фантазія Лаца разыгрывалась шире и шире. Первые крупныя правонарушенія Лацъ производилъ въ товариществѣ и какъ бы подъ покровительствомъ Криштофа Немирича, члена одного изъ самыхъ вліятельныхъ въ Кіевщинѣ домовъ. Зимой 1618 г. они произвели штурмъ и взятіе двухъ людныхъ и защищенныхъ мѣстечекъ, Ярославки и Михайловки; за упорную защиту мѣстечки предназначены были къ истребленію, ихъ подпалили съ четырехъ концовъ; особенно жестоко пострадало Ярославка, мѣстечко пана Адама Рожинскаго. Обиженные нашли сильную поддержку въ Кіевскомъ воеводѣ Замойскомъ, и Криштофъ Немиричъ, не смотря на всю поддержку, какую они имѣли въ родственныхъ связяхъ, былъ казненъ Лацъ; его сподручный, подвергся банниціи, но это было лишь началомъ его выступленія на дорогу самостоятельныхъ предпріятій. Съ этихъ поръ онъ выступаетъ, съ одной стороны, какъ очень важный полезный слуга государства—въ войнахъ съ Турціей, въ столкновеніяхъ съ козаками и, наконецъ, въ качествѣ короннаго стражника въ постоянныхъ погоняхъ за татарскими чамбулами: онъ былъ правою рукою гетмановъ. Но съ другой стороны, развивается crescendo и противозаконная дѣятельность Лаца: въ одномъ 1630 г. его двадцать шесть разъ требовали къ суду—по дѣламъ о грабежахъ, нарушеніи договоровъ, неуплатѣ долговъ и т. д. Вообще по отношенію къ равнымъ себѣ шляхтичамъ или даже высшимъ магнатамъ—надо отдать должное Лацу, что онъ мало смотрѣлъ на лица—почти всѣ его правонарушенія носили имущественный характеръ, лишь ввалифицируясь насиліемъ,

грабежомъ, поджогомъ и т. п. Онъ занималъ чужія имѣнія, отдавалъ въ заставную державу, выгонилъ державцевъ и самъ водворялся на ихъ мѣсто, какъ державца, бесплатный; или отдавалъ свое имѣніе, пріобрѣтенное имъ тѣмъ или инымъ путемъ, въ заставную державу; бралъ деньги, но не допускалъ державцу водвориться; или отдавалъ одно и то же имѣніе разомъ двумъ-тремъ лицамъ и т. д. Процессы за процессами тянулись по судамъ противъ Лаца; истцы ихъ выигрывали; на Лаца сыпались банниціи и инфаміи, изъ которыхъ каждая дѣлала его изъятіемъ изъ-подъ охраны законовъ, такъ что первый встрѣчный обязывался его схватить и представить *въ вродъ*, могъ даже безнаказанно убить его, какъ дикаго звѣря. И тѣмъ не менѣе Лаць, неся на плечахъ тяжесть 236 банницъ и 37 инфамій, не только жилъ и дѣйствовалъ какъ полноправный обыватель, но и продолжалъ беззаконія, опираясь на королевскія глейты и гетманскія экземпты, которые ему выдавались безконечно, какъ человѣку необходимому для обороны края. Есть преданіе, что онъ явился въ Варшаву къ королю въ фериши, подшитой банниціями и инфаміями. Но если такъ дѣйствовалъ Лаць въ той средѣ, которая могла какъ-ни-какъ защищать себя при содѣйствіи закона и права, то какъ онъ долженъ былъ дѣйствовать тамъ, гдѣ не было защиты со стороны закона по отношенію къ низшему классу, козакамъ и хлопамъ? Здѣсь не ведется процессовъ, нѣтъ актовъ, есть только намеки и отдѣльныя отрывочныя указанія въ судебныхъ шляхетскихъ документахъ. Какъ широко и свободно здѣсь раскинулась дѣятельность Лаца, видно изъ того, что практика жизни выработала особые термины, которыми обхватывалась эта его дѣятельность: „лащованье“ и „лащовчики.“ Подразумѣвались же подъ лащованьемъ такія дѣйствія: обращеніе козаковъ въ хлоповъ, значкованіе упорныхъ хлоповъ, т. е. обрѣзаніе имъ носовъ и ушей свадьбы „по-татарски“, т. е. похищеніе молодыхъ дѣвушекъ, которыхъ потомъ насильственно выдавали замужъ за похитителей; лащовчики же, по словамъ Хмельницкаго, это тѣ, кто „козаковъ заслуженныхъ въ Польшѣ, въ хлоповъ обращали, грабили, за бороды таскали, въ плуга запрягали“. Но суды во

все это вступались лишь по столько, по сколько здѣсь были задѣты имущественныя права шляхтичей—не больше. Выведенная изъ терпѣнія волынская шляхта въ 1646 г. на сеймикѣ въ Луцкѣ, составляя инструкцію для своихъ пословъ, внесла петицію, чтобы король лишилъ силы охраняющія Лаща глейты, какъ противныя праву. Но только внезапная смерть гетмана Конецпольскаго могла сломить Лаща; однако и тутъ понадобилось созвать противъ него посполитое рушеніе, которое приблизилось къ дому Лаща съ такими предосторожностями, точно дѣло шло о татарскомъ кошѣ: но Лащъ уже не могъ и не хотѣлъ защищаться.

Могъ-ли русскій козакъ или хлоць уважать это чуждое и явно враждебное ему право и его опору—польское государство, если въ этому праву и этому государству съ такимъ пренебреженіемъ относились его родныя дѣти?

А. Ефименко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ ІОСИФА САМЧЕВСКАГО.¹⁾

(1800—1886 г.).

XXXVIII.

Житє мое въ отставкѣ.—Обученіе сына Судіенка.—Пропускъ на памятникѣ тысяче-
лѣтія Россіи.—Митрополитъ Арсеній.—Крестный ходъ въ Кіевѣ.—Юбилей Академіи.—
Отъѣздъ сына моего Ивана за границу.—Смерть меньшаго сына моего Михаила.

Напрасно мнѣ говорили, что въ отставкѣ моей я буду скучать по службѣ своей въ гимназіи. Напротивъ, послѣ 35-лѣт-
няго хожденія моего по звонку на службу и послѣ непрерыв-
ныхъ служебныхъ хлопотъ, а иногда и непріятностей, я пріятно
почувствовалъ свободу и независимость, съ удовольствіемъ зани-
маясь домашнимъ моимъ хозяйствомъ, а въ лѣтнее время моимъ
садомъ. Спокойно я жилъ въ моемъ домѣ, имѣя подпору себѣ
въ меньшемъ моемъ сынѣ Михаилѣ, жившемъ при мнѣ и за-
нимавшемъ учительское мѣсто въ гимназіи; не доставало только
при моемъ вдовствѣ хозяйки въ моемъ домѣ, но и ее я на-
дѣялся имѣть, предполагая, что сынъ мой скоро женится. Но
какъ несбыточны бываютъ наши человѣческія желанія и пред-
положенія! Чрезъ годъ послѣ моей отставки у сына моего,
всегда здороваго и имѣвшаго крѣпкое тѣлосложеніе, вдругъ от-
крылась серьезная грудная болѣзнь, о лѣченіи которой нужно
было безъ замедленія позаботиться. Въ это время помѣщикъ

¹⁾ См. „Кіев. Стар.“ 1894 г. № 8.

Судіенко, у котораго я училъ прежде двухъ старшихъ сыновей, просилъ меня принять на себя обязанность быть воспитателемъ меньшаго его сына и для того переселиться къ нему въ Кіевъ; но я, не желая оставить домъ свой, рѣшительно отказался отъ этого предложенія. Когда же болѣзнь сына моего не проходила, а еще болѣе увеличивалась, и когда Судіенко повторилъ мнѣ свою просьбу о воспитаніи его сына, предлагая мнѣ за то 1000 руб. жалованья въ годъ, я рѣшился, наконецъ, переѣхать къ нему въ Кіевъ въ томъ предположеніи, что и сынъ мой перейдетъ на службу въ кіевскую гимназію, и что такимъ образомъ я съ обоими сыновьями моими буду жить въ одномъ городѣ и, получая означенное жалованье отъ Судіенка, при моемъ пансіонѣ, буду имѣть возможность лѣчить сына въ Кіевѣ при помощи тамошнихъ искусныхъ врачей, а въ случаѣ нужды отправить его для излѣченія за границу. Сынъ мой неохотно соглашался на такое рѣшеніе, и я самъ перемѣнилъ бы его, если бы въ то время зналъ, что берусь за дѣло, которое не будетъ имѣть успѣха. На пути моемъ въ Кіевъ, въ Поноровкѣ, въ домѣ Миклашевскихъ, родственниковъ Судіенка, я узналъ, что будущій мой воспитанникъ имѣетъ прирожденные недостатки въ способностяхъ. Въ Кіевѣ, давая ему уроки, я замѣтилъ, что онъ имѣетъ нѣкоторую охоту учиться, но съ трудомъ можетъ понимать преподаваемое ему на урокѣ; на другой же день онъ совершенно забывалъ пройденное. Во время преподаванія онъ нѣкоторое время былъ внимателенъ, а потомъ на лицѣ его было видно сильное утомленіе, и онъ дѣлался невнимательнымъ. Я думалъ тогда, что современемъ, при постоянномъ упражненіи въ умственныхъ занятіяхъ, способности ея разовьются, но въ этой надеждѣ моей я обманулъ, о чемъ свѣжу въ послѣдствіи. Родная сестра моего воспитанника, которой я также, по временамъ, давалъ уроки, надѣленная счастливыми способностями и имѣвшая необыкновенную охоту къ ученію, по всѣмъ предметамъ, какіе преподавали ей разные учителя, даже по математикѣ, оказывала отличные успѣхи и, окончивши свое воспитаніе, сама занималась русскою и иностранною литературою; когда она вышла замужъ за князя Голицына и привезена была

имъ въ Петербургъ, родственница его графиня Строгонова удивлялась, что жена его могла получить такое многостороннее образованіе въ провинціи. Обучая воспитанника моего, я исполнялъ обязанности гувернера, находился при немъ весь день и вмѣстѣ съ нимъ ходилъ на прогулки. Въ воскресные и праздничные дни я былъ свободенъ отъ этой обязанности и обыкновенно ѣздилъ въ лавру, куда привлекалъ меня древній напѣвъ тамошняго монашескаго хора, а потомъ проводилъ время у моихъ сыновей, ибо въ это время и меньшій сынъ мой вмѣстѣ съ старшимъ братомъ своимъ былъ учителемъ 2-ой кіевской гимназіи.

Для развлеченія своего, при однообразной моей жизни въ качествѣ гувернера, я, по желанію отца моего воспитанника, занимался въ его библіотекѣ, составляя каталогъ. Судіенко, пополняя эту библіотеку, поручилъ мнѣ, во время прогулокъ съ его сыномъ, спрашивать въ книжномъ магазинѣ Литова о вновь вышедшихъ книгахъ и приносить къ нему ихъ для выбора и покупки. Въ декабрѣ 1860 года прикащикъ Литова далъ мнѣ вышедшій изъ печати академической календарь на 1861 годъ, въ которому былъ приложенъ рисунокъ проэктировавшагося тогда памятника 1000-лѣтія Россіи въ Новгородѣ, и при немъ напечатанъ списокъ достопримѣчательныхъ дѣятелей Россіи за время ея 1000-лѣтія. Разсматривая списокъ лицъ, изображенныхъ въ нижней части памятника на окружающемъ его горельефѣ, я не нашелъ въ числѣ ихъ Императора Николая I и поэта Державина, тогда какъ въ немъ помѣщены были нѣкоторые художники и актеры. Когда я указалъ Судіенку на непонятный пропускъ, онъ поручилъ мнѣ написать по этому поводу отъ имени его статью и отдать ее для напечатанія въ кіевской газетѣ „Телеграфъ“ съ тѣмъ, чтобы типографія въ особой брошюрѣ напечатала эту статью и дала бы нѣсколько экземпляровъ Судіенку. Въ этой краткой статьѣ я указалъ на напечатанную въ томъ же календарѣ большую историческую статью профессора кіевского университета Павлова о тысячелѣтіи Россіи; въ ней Павловъ объ Императорѣ Николаѣ I говоритъ, что въ 30-лѣтнее его царствованіе онъ строго охранялъ какъ внутреннюю, такъ

и внѣшнюю безопасность Россіи. Указавъ на это, я выразилъ удивленіе, какъ такой охранитель Россіи могъ быть забыть на Новгородскомъ памятникѣ, тогда какъ въ Петербургѣ ему поставленъ отдѣльный великолѣпный памятникъ, на барельефахъ котораго онъ изображенъ въ одномъ мѣстѣ усмиряющимъ народный бунтъ на сѣнной площади во время холеры, а въ другомъ—награждающимъ Сперанскаго за составленіе свода законовъ. Помощникъ попечителя Юзефовичъ, прочитавъ мою статью въ Телеграфѣ, составилъ отъ себя и прислалъ въ ту же газету статью, въ которой изобразилъ добросердечіе Императора Николая I, проявившаго свою заботливость по отношенію къ несчастнымъ декабристамъ, пославъ къ нимъ полковника Лепарскаго въ качествѣ коменданта мѣста ихъ заключенія, будучи увѣренъ, что Лепарскій сумѣетъ исполнить и строгость закона, и человѣколюбіе къ несчастнымъ преступникамъ. Юзефовичъ указалъ также и на другіе примѣры человѣколюбія Николая I.

Когда обѣ означенныя статьи напечатаны были въ отдѣльной брошюрѣ, Юзефовичъ нѣсколько экземпляровъ ея послалъ въ Петербургъ къ знакомымъ ему лицамъ при дворѣ, которые чрезвычайно удивились, что Императоръ Николай не изображенъ на памятникѣ, и когда о томъ доложено было Императору Александру II, онъ повелѣлъ исправить горельефъ на памятникѣ тысячелѣтія Россіи и, исключивъ изъ него два или три лица, изобразить на немъ Императора Николая I и поэта Державина.

Въ бытность мою въ Кіевѣ въ немъ были митрополитами одинъ послѣ другого Исидоръ—по фамиліи Никольскій (нынѣ Петербургскій) и Арсеній Москвинъ, съ которыми вмѣстѣ я обучался въ Петербургской духовной академіи. Оба узнали меня, но въ особенности показалъ ко мнѣ свое благорасположеніе Арсеній. Когда я явился къ нему въ первый праздничный день послѣ обѣдни, онъ просилъ меня на будущее время посѣщать его по вечерамъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ пить чай, и во время такихъ моихъ посѣщеній познакомилъ меня съ пріѣзжавшимъ къ нему архимандритомъ, ректоромъ академіи Іоанникіемъ, нынѣ

Московскимъ митрополитомъ¹⁾, и не въ келейномъ только собесѣдованіи со мною, но однажды публично онъ показалъ свое ко мнѣ благорасположеніе. Въ храмовой праздникъ Софійскаго собора ожидали въ немъ бывшаго тогда въ Кіевѣ наслѣдника престола великаго князя Александра Александровича съ супругою; множество народа собралось по этому случаю въ оградѣ собора, но насъ не допускали до мостковъ, по которымъ должны были проходить Ихъ Высочества и которые съ обѣихъ сторонъ обставлены были солдатами. Минуть за 10 до прибытія Ихъ Высочествъ показался принцъ Ольденбургскій и приказалъ отодвинуть солдатъ и позволить народу стать у мостковъ. Думали, что по окончаніи обѣдни Ихъ Высочества будутъ въ домѣ митрополита, но, слѣдша выѣздомъ своимъ изъ Кіева, они отправились изъ собора во дворецъ. Тогда многія лица пошли къ митрополиту, а за ними и я; прошедши первую залу, наполненную духовенствомъ, я вошелъ въ другую, гдѣ находились архіереи и нѣкоторыя важнѣйшія постороннія лица. Митрополитъ Арсеній, благословивъ меня, посадилъ подлѣ себя, самъ угощалъ меня закускою и, когда я уходилъ, обнялъ меня и сказалъ, обращаясь къ гостямъ своимъ: это мой товарищъ по Петербургской духовной академіи. И не словами только, но и на самомъ дѣлѣ онъ оказывалъ мнѣ свое благосклонное вниманіе. Письмоводитель кіевской семинаріи О—скій, обучавшій воспитанника моего чистописанію, по окончаніи семинарскаго курса, сказалъ мнѣ, что имѣеть уже въ виду невѣсту, но не можетъ получить желаемаго имъ священническаго прихода, потому что кончилъ курсъ по второму разряду. Я въ тотъ же день вечеромъ отправился къ митрополиту Арсенію съ моею просьбой объ О—скомъ; Арсеній чрезъ меня приказалъ О—скому на другой день подать прошеніе на желанный приходъ, который тогда же ему былъ предоставленъ и на которомъ О—скій священнодѣйствуетъ и доннынѣ. Когда я безуспѣшно просилъ бывшаго моего товарища по академіи Императорскаго духовника

¹⁾ Писано въ 1886 году.

Баранова перевести брата моего священникомъ въ какой-нибудь находящійся въ Петербургѣ гвардейскій полкъ, я обратился къ ходатайству митрополита Арсенія, по слову котораго Барановъ перевелъ брата моего сперва въ Лейбъ-гренадерскій, а потомъ въ Преображенскій гвардейскій полкъ.

Въ бытность мою въ Кіевѣ митрополитомъ Арсеніемъ возобновленъ былъ въ немъ 60 лѣтъ несовершенство крестный ходъ въ день св. князя Владиміра, 15 іюля. Великолѣпное глазамъ моимъ представилось зрѣлище: Михайловская гора и противоположныя ей возвышенности покрыты были безчисленнымъ множествомъ зрителей, стекшихся со всѣхъ концовъ Кіева смотрѣть на эту священную процессію, шедшую въ частяхъ своихъ съ мѣстными иконами и пѣніемъ отъ Десятинной церкви, съ митрополитомъ во главѣ, отъ Михайловскаго монастыря съ викарнымъ архіереемъ, отъ Печерской лавры съ ея намѣстникомъ и братією, съ Подола отъ всѣхъ его церквей и монастырей съ ихъ настоятелями; когда всѣ части сошлись въ крещатицкому источнику, въ которомъ, по преданію, крещены были сыновья св. Владиміра, здѣсь торжественно совершено было обычное водосвятіе. Въ стоящемъ на Михайловской горѣ монументальномъ изображеніи св. равноапостольнаго князя представлялся въ это время какъ бы онъ самъ вышедшимъ изъ своего дворца смотрѣть на всенародное празднество, совершаемое кіевлянами въ память его святого подвига—крещенія Руси. Къ довершенію этого священнаго зрѣлища маститый митрополитъ Арсеній вмѣстѣ со своимъ клиромъ, взошедши на гору, съ пьедестала памятника осѣнялъ крестомъ молящихся зрителей, а въ лицѣ ихъ и всѣхъ православныхъ христіанъ, воспоминающихъ въ этотъ день просвѣщеніе ихъ предковъ свѣтомъ христіанской вѣры.

Находясь въ Кіевѣ, я былъ свидѣтелемъ, какъ тамошняя духовная академія праздновала свой 50-лѣтній юбилей со времени ея преобразованія. Празднество это началось торжественнымъ богослуженіемъ, которое совершилъ митрополитъ въ храмѣ Братскаго монастыря. По окончаніи литургіи 12 архіереевъ, большею частью обучавшихся въ Кіевской Академіи, среди храма совершили молебствіе. Послѣ церковнаго священно-слу-

женія происходилъ торжественный актъ въ академической залѣ, увѣшанной по стѣнамъ портретами бывшихъ благотворителей, начальниковъ и преподавателей академіи, начиная съ портретовъ Сагайдачнаго и митрополита Петра Могилы. Актъ начался пѣніемъ молитвы: „Царю небесный“, исполненной студентами. Митрополитъ Арсеній прочиталъ Высочайшій указъ о празднованіи юбилея академіи и потомъ сказалъ, что жертвуетъ отъ себя въ пользу академіи 10000 руб.; затѣмъ сѣлъ въ кресло лицомъ къ посѣтителямъ; за нимъ стояли начальники и преподаватели академіи, а за послѣдними всѣ студенты. Посреди залы, за особымъ столомъ противъ митрополита, сидѣли прочіе архіереи, по очереди встававшіе и подносявшіе отъ себя иконы въ благословеніе академіи, причемъ они произносили браткія рѣчи и говорили, чѣмъ кто изъ нихъ жертвуетъ академіи. Сербскій митрополитъ Михаилъ, окончившій курсъ въ Киевской Академіи со степенью магистра, предложилъ отъ себя ей въ даръ потную сербскую обѣдню. Въ особенности между привѣтствіями архіереевъ академіи замѣчательны были слова, сказанныя Херсонскимъ архіепископомъ Дмитріемъ Муретовымъ: „въ то время, какъ сослужители мои являются съ своими приношеніями академіи, я скорблю, что пришелъ къ ней съ пустыми руками, но утѣшаюсь тѣмъ, что и моего меду капля тутъ есть“. Слова эти тронули всѣхъ, знавшихъ, что Димитрій, окончившій курсъ въ академіи первымъ магистромъ при ректорѣ Иннокентіѣ Борисовѣ и бывший послѣ него самъ ректоромъ этой академіи, принесъ ей учеными трудами своими большой вкладъ въ богословскую науку, приведенную послѣ него въ систему. Будучи архипастыремъ въ разныхъ епархіяхъ, Димитрій щедро надѣлялъ неимущихъ своими пожертвованіями и однажды заложилъ свой брилліантовый крестъ за 300 руб., чтобы этой суммой дать пособіе одному бѣдному семейству. Замѣчательно, что этотъ великій богословъ, не печатавшій своихъ сочиненій, не имѣлъ степени доктора богословія, тогда какъ младшій товарищъ его архіепископъ Антоній Амфитеатровъ получилъ эту степень за составленное имъ руководство по богословію для семинаріи. Когда нѣкоторые спрашивали Димитрія, почему онъ не напе-

чталь своего руководства по богословію для академіи, онъ отвѣчалъ, что ему не было о томъ приказано отъ высшаго начальства. Говорили, что Московскій митрополитъ Филаретъ высоко цѣнили богословскіе труды Димитрія; говорили также, что послѣ него много осталось богословскихъ сочиненій ненапечатанныхъ.

Въ 1861 году старшій сынъ мой Иванъ, бывшій учителемъ исторіи во 2-ой Кіевской гимназіи, посланъ былъ на казенный счетъ въ Германію для изученія положенія низшихъ тамошнихъ народныхъ училищъ; онъ тамъ занимался полтора года и составилъ описаніе фридрихштадтской учительской семинаріи. Сколько меня радовала успѣшная служба его по учебной части, столько въ то же время печалило меня болѣзненное состояніе меньшаго сына моего Михаила, при всѣхъ средствахъ лѣченія не подававшего надежды на выздоровленіе. Въ это время семейство Судіенка собиралось къ выѣзду изъ Кіева на лѣтнее время въ Новгородъ-Сѣверское свое имѣніе. Я долженъ былъ остаться при больномъ моемъ сынѣ, такъ какъ старшій братъ его былъ за границей, но когда я объ этомъ объявилъ больному, онъ сильно былъ пораженъ моимъ намѣреніемъ и упраживалъ меня ѣхать съ семействомъ Судіенковъ, увѣряя меня, что онъ не такъ еще боленъ, какъ мнѣ кажется, и что черезъ два мѣсяца, ко времени моего возвращенія, онъ надѣется на поправленіе своего здоровья. Не желая огорчать его, я уступилъ его настоянію и поѣхалъ съ семействомъ Судіенковъ, но прощаясь съ нимъ, я видѣлъ его уже въ послѣдній разъ. Вскорѣ по пріѣздѣ моемъ въ имѣніе Судіенка я во снѣ видѣлъ сына моего Михаила въ образѣ малолѣтняго отрока и, когда хотѣлъ обнять его, онъ исчезъ. Недѣли черезъ двѣ, получивъ изъ Кіева извѣстіе, что больной сынъ мой находится въ безнадежномъ состояніи, я возвратился въ Кіевъ, но уже не засталъ его въ живыхъ: за день до моего пріѣзда онъ былъ погребенъ. Бывшій при немъ слуга говорилъ, что въ день кончины больной приказывалъ ему отпереть ворота во дворѣ квартиры, говоря, что отецъ его къ нему ѣдетъ. Безъ меня онъ родился въ Новгородъ-Сѣверскѣ, безъ меня же и умеръ въ Кіевѣ. Смерть сына

моего Михаила была для меня невознаградимую утратою: я думалъ спокойно провести съ нимъ вмѣстѣ всю жизнь мою, въ чемъ обнадеживали меня его сыновняя ко мнѣ любовь и отличныя свойства его характера, за которыя любили его всѣ, знавшіе его въ Кіевѣ и Новгородъ-Сѣверскѣ.

XXXIX.

Безуспѣшное обученіе сына Судіенка.—Обученіе монастырскаго хора.—Архимандритъ Анатолій.—Поѣздка въ Москву, возвращеніе изъ нея и оставленіе дома Судіенка.

Отецъ воспитанника моего, возвращаясь изъ-за границы въ Кіевъ, взялъ меня съ собою въ Новгородъ-Сѣверскъ, гдѣ тогда находилось его семейство. Здѣсь я опять началъ продолжать прерванное обученіе его сына, но и продолженіе этого обученія такъ-же меня не радовало, какъ и самое его начало: годы проходили, а мой воспитанникъ, возрастая, не показывалъ развитія умственныхъ способностей, въ немъ по прежнему замѣчалось то же утомленіе на урокахъ, та же нецѣлительность и забывчивость. Родители его желали, чтобы онъ былъ приготовленъ къ поступленію въ Новгородъ-Сѣверскую гимназію, но такъ какъ онъ былъ уже въ такихъ лѣтахъ, въ какихъ вновь поступающіе въ гимназію ученики не были принимаемы въ низшіе ея классы, то нужно было готовить его къ поступленію въ 3-й классъ, для чего я началъ обучать его Латинскому языку, который ему совсѣмъ не давался. Для преподаванія ему разныхъ предметовъ, требовавшихся для поступленія его въ 3-й классъ гимназіи, приглашены были разные преподаватели, и кромѣ того въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ жилъ съ нами вмѣстѣ одинъ изъ лучшихъ учениковъ, оканчивающихъ курсъ Новгородъ-Сѣверской гимназіи, для репетиціи преподаваемыхъ уроковъ; родители желали, чтобы сынъ ихъ какъ можно болѣе былъ занятъ уроками, но послѣдніе только его утомляли, не принося никакой пользы; но при всѣхъ такихъ мѣрахъ для обученія его онъ не оказывалъ ожидаемыхъ успѣховъ. Въ поведеніи онъ обнаруживалъ ненормальность и странность: не будучи рѣзвъ, онъ

любилъ забавы, свойственныя малолѣтнему возрасту, не оказывая любознательности къ предметамъ ученія, онъ чрезвычайно любилъ узнавать домашнія новости, слушать разные, часто самыя нелѣпыя, рассказы, которымъ онъ вѣрилъ, не понимая, что какъ ни старались родители и я отучить его отъ этой дурной привычки, онъ ея не оставлялъ. Сокрушались родители, убѣждаясь въ неспособности сына ихъ къ образованію; тяжело было и мнѣ наблюдать въ немъ ежедневно эту неспособность, а еще тяжелѣе было быть свидѣтелемъ, когда нѣкоторые находили удовольствіе смѣяться надъ его слабоуміемъ. Видя, что взятую на себя обязанность я не могу исполнять съ должнымъ успѣхомъ, я подумывалъ отъязаться отъ нея, но отказъ мой поставилъ бы ихъ въ затрудненіе: найти въ Новгородѣ-Сѣверскѣ досужаго человѣка, который могъ-бы быть неотлучнымъ наставникомъ ихъ сына трудно, почему я и продолжалъ обучать ихъ сына безъ надежды на успѣхъ. Такъ былъ неудаченъ послѣдній опытъ частныхъ моихъ уроковъ, совершенно противоположный первому счастливому моему опыту въ лицѣ Александра Рославскаго-Петровскаго.

Чтобы имѣть какое-нибудь развлеченіе при однообразной жизни моей въ Новгородѣ-Сѣверскѣ, я, по просьбѣ монаховъ здѣшняго монастыря, занялся, вмѣстѣ съ надзирателемъ гимназіи Киселевичемъ, обученіемъ небольшого монастырскаго хора, состоявшаго человѣкъ изъ десяти, но имѣвшаго въ то время прекрасные голоса. Для такого обученія я въ послѣобѣденное время приходилъ въ монастырь и отдѣльно отъ хора училъ дискантовъ и альтовъ, а затѣмъ раза два въ недѣлю собирался весь хоръ для исполненія назначеннаго къ воскресенію пѣнія. Въ скоромъ времени мы порядочно уже пѣли нотныя пьесы и даже концерты. Изъ учениковъ моихъ бывший альтъ Быстрицкій теперъ уже священникъ и завелъ въ приходѣ своемъ хоръ, а превосходный дискантъ Дубинскій въ настоящее время служитъ въ одной изъ западныхъ губерній учителемъ народной школы, въ которой обучаетъ и пѣнію.

Къ большому моему удовольствію въ Новгородѣ-Сѣверскій монастырь прибылъ новый его настоятель архимандритъ Ана-

толій, который прежде былъ священникомъ; овдовѣвши, онъ принялъ монашество, прошелъ курсъ Петербургской духовной академіи, получилъ степень магистра, былъ ректоромъ Витебской семинаріи. Узнавъ о моемъ участіи въ монастырскомъ хорѣ, онъ первый сдѣлалъ мнѣ визитъ, и съ тѣхъ поръ началось и нѣсколько лѣтъ продолжалось самое пріятное для меня знакомство: въ бесѣдахъ съ нимъ я находилъ много для себя утѣшительнаго; часто бывая другъ у друга, мы раздѣляли и трапезу. Къ прискорбію моему непріятныя обстоятельства заставили Анатолія выбыть изъ Новгородъ-Сѣверска, и всѣ хорошо знавшіе его сожалѣли объ его удаленіи, вспоминая, какъ онъ благолѣпно служилъ въ монастырѣ, какъ трогательно читалъ въ немъ страстныя евангелія и какъ поучительны были его разумныя проповѣди, которыя онъ сказывалъ всегда наизусть. Потомъ онъ находился при нашемъ посольствѣ въ Аѣинахъ, гдѣ заслужилъ къ себѣ особенное благоволеніе короля и королевы, а также пріѣзжавшихъ въ Аѣины нашихъ Великихъ Князей. Въ Аѣинахъ онъ завелъ при посольствѣ училище для русскихъ дѣтей. Въ настоящее время Анатолій вызванъ въ Петербургъ и посвященъ въ епископа Балтскаго, викарія Каменецъ-Подольской епархіи.

Во время преподаванія воспитаннику моему учителями гимназіи уроковъ, я мало уже съ нимъ занимался, оставаясь при немъ только для наблюденія, къ тому-жъ при немъ жилъ и репетиторъ,—вслѣдствіе этого отецъ Судіенка, часто ѣздившій по своимъ дѣламъ въ Кіевъ, бралъ и меня туда съ собою для компаніи, гдѣ я и проживалъ съ нимъ иногда болѣе мѣсяца и имѣлъ удовольствіе часто видѣть тамъ старшаго моего сына, возвратившагося изъ-за границы. Поѣздка моя съ Судіенкомъ въ Москву доставила мнѣ не мало удовольствія. Я тогда видѣлъ въ ней уже снаружи совсѣмъ отстроенный великолѣпный храмъ Христа Спасителя. Подходя къ нему, я видѣлъ на немъ людей у самаго купола; испросивши у строительной комисіи позволеніе побывать внутри этого храма, я нашелъ въ немъ кругомъ обставленные лѣса и хотѣлъ было по нимъ взойти на верхъ къ самому куполу, но прошедши только половину лѣсовъ и взгля-

нувши внизъ, почувствовалъ головокруженіе и велѣлъ проводнику моему свести меня внизъ; тогда внутри храма облицовывался только нижній поясъ его лабрадоромъ; ставши среди храма, я ясно видѣлъ въ куполѣ изображеннаго Бога Савваоа.

Изъ Москвы я въ первый разъ по желѣзной дорогѣ проѣхалъ въ Сергіеву лавру, куда поспѣлъ до начала обѣдни, предъ которой монахи отправляли панихиду по родителямъ преподобнаго Сергія. Пѣніе ихъ послѣ напѣва Кіево-Печеркой Лавры мнѣ не понравилось. Прослушавъ обѣдню и молебенъ Преподобному Сергію, я вмѣстѣ съ нѣкоторыми богомольцами былъ въ ризничной палатѣ, гдѣ видѣлъ во многихъ шкафахъ сокровища этой богатѣйшей въ Россіи ризницы, а въ первомъ изъ нихъ крашенныя ризы преподобнаго Сергія и подъ ними его башмаки, въ которыхъ онъ былъ погребенъ; особенное вниманіе мое обратилъ на себя вправленный въ архіерейскую панагію необыкновенный прозрачный камень, въ срединѣ котораго видѣнъ молящійся на колѣняхъ передъ крестомъ монахъ. Говорятъ, что камень этотъ найденъ въ Алтайскихъ горахъ; когда онъ былъ представленъ Императрицѣ Екатеринѣ II, она велѣла его распилить, и открылось, что означенное внутри его изображеніе было игрою природы.

Изъ Лавры я прослѣдовалъ въ находящійся въ двухъ верстахъ отъ нея Геосиманскій скитъ, устроенный московскимъ митрополитомъ Филаретомъ, проводившимъ въ немъ лѣтнее время въ подвигахъ аскета. Скитъ этотъ состоитъ изъ многихъ деревянныхъ строеній, въ числѣ которыхъ есть двѣ церкви: одна подлѣ келіи митрополита, а другая для братіи. Въ келіи Филарета вся мебель очень простая изъ дубоваго дерева безъ всякой покрывки, въ церкви иконостасъ рѣзной изъ кипариснаго дерева, вся утварь и облаченія не представляютъ никакого богатства. Въ подвалѣ церкви для братіи я сквозь окно видѣлъ устроенный склепъ, въ которомъ, по предположенію Филарета, должны были похоронить его тѣло; но не здѣсь похоронены прахъ его. Надо замѣтить, что по уставу, данному Филаретомъ этому свиту, женскій полъ въ него не допускался, кромѣ одного дня въ году, въ храмовой его праздникъ. Од-

нажды только было сдѣлано исключеніе для Императрицы Маріи Александровны, благоволившей посѣтить особенно уважаемаго ею митрополита. Братія Сергіевой лавры просила измѣнить его завѣщаніе касательно мѣста его погребенія въ уваженіе того, что по смерти его многія женскаго пола лица, которымъ воспрещенъ входъ въ скитъ, пожелаютъ помолиться надъ его могилой. Филаретъ согласился на эту просьбу и, по желанію братіи, погребенъ въ лаврѣ, въ особой церкви, во имя св. Филарета Милостиваго, пристроенной къ церкви сошествія св. Духа. Въ этой церкви за правымъ клиросомъ недалеко отъ стѣны устроенъ надъ могилою Филарета саркофагъ, у котораго стоитъ его архипастырскій жезлъ, а у западной стѣны, противъ саркофага, находится со стеклянною дверью шкафъ, въ которомъ виситъ его ряса и клобукъ. Многіе изъ приходящихъ въ лавру богомольцевъ въ этой церкви отправляютъ панихиду за упокой Филарета. Въ церкви этой день и ночь монашествующіе поочередно читаютъ псалтырь надъ его могилою. Отъ скита я поѣхалъ въ Виѣанію, гдѣ былъ въ небольшомъ двухъ-этажномъ домѣ, въ которомъ жилъ митрополитъ Платонъ; въ кабинетѣ его я видѣлъ столовые часы, принадлежавшіе, какъ говорили мнѣ, французскому королю Людовику XVI, а на стѣнѣ этого кабинета большое зеркало, въ которомъ черезъ окно отражается видъ лаврской волокольни. Въ этомъ скромномъ жилищѣ своемъ митрополитъ Платонъ часто бесѣдовалъ съ любимцемъ своимъ молодымъ учителемъ Василиемъ Дроздовымъ и въ этихъ бесѣдованіяхъ своихъ склонилъ его принять монашество и въ лицѣ его приготовилъ для русской церкви великаго іерарха Филарета, митрополита Московскаго, котораго восточные патріархи называли отцомъ церкви, находя въ его богословскихъ сочиненіяхъ сходство съ твореніями св. Григорія Богослова, а москвичи называютъ его своимъ Златоустомъ.

По возвращеніи изъ Москвы, куда Судіенко ѣздилъ для покупки приданаго дочери своей, выходявшей замужъ за князя Голицына, по случаю свадебныхъ хлопотъ въ домѣ уроки ученику моему были прерваны. Послѣ свадьбы я недолго уже находился въ домѣ Судіенка; ученикъ мой, по неуспѣхности своей,

не могъ поступить въ гимназію, а по великовозрастію ему пора было прекратить и домашнее обученіе. При прощаніи моемъ съ семействомъ Судіенка, они просили меня не забывать ихъ дома; я съ своей стороны всегда помнилъ и не забывалъ ихъ благо-расположенія ко мнѣ, въ особенности памятуя неоднократное ходатайство обо мнѣ Судіенка передъ начальствомъ и наиболѣе послѣднее изъ нихъ, по которому я былъ перемѣщенъ изъ Немирова въ Новгородъ-Сѣверскъ. Такъ какъ за нѣсколько послѣднихъ лѣтъ я не получалъ положеннаго мнѣ жалованья отъ второго сына Судіенка, управлявшаго всѣмъ его имѣніемъ и не находившаго какъ-то денегъ для меня, то при оставленіи мною дома его мнѣ дана была отъ экономіи бумага, по которой и до нынѣ я пока получаю проценты съ означеннаго въ ней капитала.

XI.

Вязовикъ и его врачебная благотворительность.

Въ послѣдній годъ моего пребыванія въ домѣ Судіенка скончался въ Новгородъ-Сѣверскъ Захарій Григорьевичъ Вязовикъ, замѣчательный въ свое время врачъ-самоучка, долгое время благотворившій жителямъ своего города и другихъ мѣстностей своими врачебными пособіями. Вязовикъ былъ сынъ Новгородъ-Сѣверскаго дворянина, обучался въ мѣстной гимназіи, служилъ нѣкоторое время въ мѣстномъ уѣздномъ судѣ; подвергшись болѣзненнымъ припадкамъ, онъ оставилъ службу и преданъ изученію медицины, которую занимался почти всю жизнь свою, неутомимо трудясь въ изученіи этой науки; при своей наблюдательности онъ пріобрѣлъ многія врачебныя свѣдѣнія, лѣчилъ не только самого себя, но и другихъ горожанъ не безъ успѣха. Слухъ объ искусномъ лѣченіи больныхъ распространился далеко, и многіе больные пріѣзжали къ нему пользоваться даже изъ другихъ губерній. Онъ лѣчилъ больныхъ и домашними средствами изъ травъ, которыхъ у него всегда много было въ запасѣ, и по рецептамъ изъ мѣстной аптеки. Новгородъ-Сѣверскій

аптекарь, у котораго зять былъ лѣкаръ, въ случаѣ болѣзни своей и своего семейства обращался преимущественно за пособіемъ къ Вязовику. Болѣе успѣшно Вязовикъ лѣчилъ женскія и дѣтскія болѣзни. Судіенко передавалъ мнѣ, что когда молодая жена его подверглась тяжелой болѣзни, онъ долго не соглашался обратиться къ Вязовику, но когда она стала болѣе и болѣе ослабѣвать и не получала облегченія въ своей болѣзни отъ мѣстныхъ врачей, онъ рѣшился пригласить Вязовика въ Очкинѣ, гдѣ послѣдній послѣ 3-хъ-дневнаго наблюденія за больной объявилъ, что онъ ее вылѣчитъ; и дѣйствительно, черезъ мѣсяць больная совершенно выздоровѣла. Отъ такой же болѣзни Вязовикъ вылѣчилъ жену полковника Видова, бывшаго потомъ Бессарабскимъ губернаторомъ. Жена моя въ молодости подверглась какой-то неопредѣленной болѣзни, сопровождавшейся рвотой зеленоватаго цвѣта съ осадкомъ въ видѣ песка. Приглашенъ былъ жившій тогда въ Шептаковской экономіи докторъ Чайковскій; осмотрѣвъ больную, онъ прописалъ ей 3 лѣкарства и такъ какъ не могъ часто навѣщать ее, то посоветовалъ пригласить для наблюденія Вязовика. Послѣ нѣсколькихъ пріемовъ двухъ изъ прописанныхъ лѣкарствъ рвоты прекратились, но черезъ нѣсколько времени я замѣтилъ, что лицо моей жены совершенно измѣнилось, она не могла говорить и только знаками указывала мнѣ на свой ротъ. Послали за Вязовикомъ, но пока онъ пріѣхалъ, у больной возобновились прежнія рвоты. Вязовикъ сказалъ мнѣ, что когда Чайковскій прописывалъ лѣкарства, онъ тогда зналъ, что лѣкарства будутъ дѣйствовать противъ рвотъ, а прописанное питье будетъ возбуждать ихъ, отчего и произошелъ у больной означенный припадокъ, что онъ, Вязовикъ, во время прописки лѣкарствъ не осмѣлился противорѣчить официальному доктору. Приказавъ не принимать лѣкарствъ Чайковскаго, Вязовикъ перевелъ болѣзнь жены моей въ нормальную лихорадку и совершенно вылѣчилъ. Вылѣчивши одну больную пожилую дѣвицу, Вязовикъ женился на ней, будучи уже старъ. Когда мѣстные врачи, завидуя успѣшной практикѣ Вязовика, хотѣли при помощи начальства запретить Вязовику практику, то весьма многіе паціенты его составили ад-

ресь со своими подписями и послали прошеніе къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ графу Перовскому, прося его дать Вязовику формальное позволеніе продолжать свою практику; но Перовскій, не смотря на ходатайство о томъ сестры своей, которую Вязовикъ вылѣчилъ отъ болѣзни, рѣшительно запретилъ Вязовику продолжать лѣченіе и предписалъ мѣстному начальству строго наблюдать за исполненіемъ своего предписанія. Тогда Вязовикъ занялся гомеопатією, изучилъ ее въ короткое время, составилъ свою аптеку и пользовалъ больныхъ; онъ находилъ лѣченіе гомеопатією болѣе вѣрнымъ и надежнымъ. Когда же и за этотъ способъ лѣченія медики стали преслѣдовать Вязовика, онъ пользовалъ обращающихся къ нему больныхъ только своими домашними средствами, давая имъ полезныя совѣты.

Когда онъ ослѣпъ, жена его по наставленію его продолжала пользоваться больныхъ. Вязовикъ былъ религіозенъ, отъ природы добродушенъ и сострадателенъ къ неимущимъ больнымъ, которыхъ пользовалъ безвозмездно своими лѣкарствами. Онъ умеръ въ глубокой старости, оставивъ по себѣ память искуснаго врача и благотворительнаго человѣка. Я, въ молодости моей отъ усиленной сидячей жизни подвергшись жестокому геморoidalному припадку, прибѣгалъ къ пиявкамъ, но Вязовикъ рѣшительно запретилъ мнѣ это лѣченіе, говоря, что отъ такого лѣченія геморрой въ старости разовьется съ большею силой, и далъ мнѣ полезныя совѣты, исполняя которые, я чувствую отъ нихъ дѣйствительную пользу.

ХІІ.

Пѣздка въ Петербургъ.—Свиданіе съ братомъ и моими учениками.—Петропавловскій соборъ. Домъ Петра Великаго и его дворецъ. Исакиевскій соборъ. Зоологическій садъ. Эрмитажъ. Духовная Академія. Реформы въ духовномъ вѣдомствѣ. Царское село. Павловскъ. Петергофъ. Кронштадтъ.

По оставленіи дома Судіенка, въ собственномъ домѣ моемъ, при моемъ одиночествѣ, я жить не могъ и помѣстился на постоянное жительство въ домѣ надзирателя гимназіи Киселевича, который былъ ученикомъ моимъ въ Черниговской семинаріи, а

потомъ сослуживцемъ въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи; двѣ дочери его были воспринимаемы отъ купели крещенія двумя моими сыновьями, а два сына его были мои крестники. При такихъ отношеніяхъ моихъ къ семейству Киселевича я надѣялся среди него найти себѣ пріятное пребываніе.

Черезъ два дня по переселеніи моемъ въ домъ Киселевича мы съ нимъ наскоро собрались ѣхать въ Петербургъ, котораго я не видалъ со времени окончанія курса академіи. Въ гвардейскомъ полку въ Петербургѣ служилъ родной братъ мой Николай, съ которымъ я много лѣтъ не видѣлся. Киселевичъ ѣхалъ со мною въ Петербургъ лѣчить свои глаза. Добрый архимандритъ Анатолій далъ намъ свой крытый экипажъ и письмо къ зятю его, учителю семинаріи въ Витебскѣ; въ этомъ городѣ мы оставили экипажъ нашъ и по желѣзной дорогѣ отправились въ Петербургъ. Приближаясь къ столицѣ, я съ радостью завидѣлъ вдали сверкающіе на солнцѣ два золотые шпица, Петропавловскій и Адмиралтейскій, и влѣво отъ нихъ блестящую золотую главу Исаакіевского собора, на мѣстѣ котораго при мнѣ стоялъ мрачный прежній соборъ, при мнѣ же разобранный до основанія. Неизяснима была радость моя при свиданіи съ братомъ и его семействомъ. На другой день по пріѣздѣ нашемъ, мы начали и втеченіе цѣлаго мѣсяца ежедневно продолжали осматривать достопримѣчательности столицы. Но прежде этого осмотра скажу о томъ, съ какою любовью отнеслись ко мнѣ бывшіе ученики мои въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи, занимавшіе въ то время почетныя мѣста на службѣ въ столицѣ. Одинъ изъ такихъ учениковъ, профессоръ медицинской академіи Иванъ Гавриловичъ Карпинскій далъ намъ у себя обѣдъ, а за нимъ другіе ученики мои дали намъ отъ себя богатое угощеніе въ гостинницѣ, куда мы прибыли въ нанятой ими для насъ каретѣ. Всѣ приняли насъ съ сердечнымъ радушіемъ, называя меня своимъ „батькомъ“; развеселившись за обѣдомъ, при тостахъ за мое здоровье, они пѣли съ нами тѣ церковныя пѣсни, которыя нѣкогда пѣвали въ гимназическомъ хорѣ. Первымъ предметомъ нашего осмотра былъ Петропавловскій соборъ, представившійся мнѣ въ обновленномъ видѣ, какой далъ ему Императоръ Николай I.

Изъ собора въ тотъ же день мы зашли въ домикъ Петра Великаго; въ одномъ изъ двухъ его отдѣленій теперь находится часовня Спасителя, обставленная внутри многими образами въ серебряномъ окладѣ, пожертвованными разными богомольцами. Любопытно было видѣть, въ какомъ укромномъ помѣщеніи жилъ Великій Преобразователь Россіи, основатель Петербурга. Черезъ два дня по приѣздѣ нашемъ въ Петербургъ, мы были въ Исаакіевскомъ соборѣ во время литургіи, которую совершалъ въ немъ съ митрою на головѣ протоіерей Колоколовъ, учившійся при мнѣ въ академіи; соборные пѣвчіе на двухъ клиросахъ пѣли прекрасно; по окончаніи литургіи мы по лѣстницѣ всходили на крышу собора, съ которой открывается прекрасный видъ на городъ. Въ зоологическомъ саду, что на Петербургской сторонѣ, я видѣлъ въ желѣзной клѣткѣ большого красиваго ягуара, а въ отдѣльномъ сараѣ огромнѣйшій остовъ кита. Любопытнѣй всего въ Петербургѣ, конечно, былъ для насъ Эрмитажъ; проходя залы, наполненныя рѣдкими произведеніями ваянія и живописи, мы, хотя имѣли съ собою печатный указатель этихъ произведеній, не могли понять ихъ достоинства безъ руководителя художника. Въ послѣдней залѣ, занятой произведеніями русской живописи, мы долго смотрѣли на картины: „Послѣдній день Помпеи“ кисти Брюлова и „Мѣдный змій въ пустынѣ“ работы Бруни. Въ одной большой комнатѣ Эрмитажа мы проходили мимо воскового изображенія Петра Великаго, представленнаго сидящимъ въ креслахъ, но это изображеніе отъ времени потемнѣло; въ той же комнатѣ находятся чучело его лошади, на которой онъ разѣзжалъ во время Полтавскаго боя, и чучело его собственной собаки; тутъ же находится и его треугольная шляпа, прострѣленная пулею во время этого сраженія. Въ то время, когда я учился еще въ Петербургѣ, восковое изображеніе Петра I имѣло лучшій видъ и, какъ мнѣ кажется, удобнѣе помѣщалось въ кунстъ-камерѣ въ особой палатѣ, въ которой по стѣнамъ висѣли портреты сподвижниковъ Петра. Въ передней передъ этою палатою комнатѣ находилось много разныхъ работъ Петра, вырѣзанныхъ изъ слоновой кости и на мѣди. Говорили, что когда Петру I предлагали сдѣлать

его изображеніе съ механизмомъ, по которому онъ поднимался бы изъ своихъ кресель, Петръ отвѣчалъ, что лучше оставить его изображеніе въ покоѣ, потому что подлинникъ его много трудился въ своей жизни; однако, восковое его изображеніе сдѣлано съ подвижнымъ механизмомъ; говорили также, что когда Императрица Марія Ѳеодоровна пожелала видѣть восковой портретъ Петра, и когда при вступленіи ея въ палату Петръ всталъ изъ своихъ кресель и поклонился, она испугалась, и по этой причинѣ никого уже не впускали въ эту палату, а зрители могли смотрѣть на изображеніе Петра только чрезъ стеклянная ея двери.

По осмотрѣ означенныхъ достопримѣчательностей города, мы, наконецъ, были и въ духовной академіи. Мы отправились къ ней на пароходѣ, по Невѣ, мимо Гагаринской набережной и Смольнаго монастыря. Когда мы миновали лавру, на берегу Невы за чугуною оградю, въ нѣкоторомъ отъ нея отдаленіи, представилось мнѣ великолѣпное четырехъ-этажное зданіе, *alma mater*—духовная академія съ ея колоннами и съ прекрасными надъ фронтонъ ея изваяніями двухъ ангеловъ, изъ которыхъ одинъ придерживаетъ лѣвою рукою большой золоченый крестъ, а правою указываетъ на него другому преклоненному ангелу—символь, показывающій наставляющаго и наставляемаго и въ то же время означающій мѣсто, подъ которымъ внутри устроена академическая церковь. Вошедши въ академію, я осмотрѣлъ въ ней студенческую столовую, номера, въ которыхъ живалъ, взглянулъ сквозь окно въ запертую церковь; все было въ томъ же видѣ, какъ и при мнѣ, только мебель въ номерахъ была уже изъ краснаго дерева; академическій садъ вмѣсто небольшихъ березокъ представлялъ уже тѣнистую высокую рощу, но самое пространство сада уменьшено на половину, такъ какъ другая половина отдана подъ семинарію.

Осмотрѣвъ нѣкоторыя помѣщенія академіи, я, какъ бывшій воспитанникъ ея, хотѣлъ представиться ректору ея протоіерею Я., но мнѣ сказали, что онъ съ семействомъ своимъ уѣхалъ на всю вакацію на дачу. Въ мое время и затѣмъ въ продолженіе многихъ курсовъ ректорами академіи бывали архи-

мандриты или архіереи, и въ вакаціонное время не удалявшіеся изъ академіи, а постоянно занимавшіеся ея дѣлами, которыхъ во всякое время бываетъ не мало по управленію. Что-же заставило вмѣсто монашествующихъ ректоровъ поручать эту должность бѣлому духовенству, которое при своихъ семейныхъ работахъ и развлеченіяхъ не можетъ съ такой настойчивостью предаваться трудамъ въ академіи, какъ предавались имъ монахи! Чѣмъ провинились архимандриты и архіереи въ своемъ начальствованіи надъ академіею? Вопросы эти разрѣшаетъ только то время, когда происходили безпрестанныя перемѣны и нововведенія въ административномъ нашемъ мірѣ. Чтобы видѣть, какую великую службу сослужили монахи въ дѣлѣ духовнаго образованія, надобно обратить только вниманіе на ихъ полезные труды со времени преобразования духовныхъ училищъ. Не говоря о геніальномъ Филаретѣ, положившемъ твердое основаніе академическому ученію и начертавшемъ планъ преподаванія богословскихъ наукъ, всѣ преемники его въ должности ректоровъ, слѣдуя его примѣру, усердно трудились въ пользу академіи и своими трудами преемственно привели въ стройную систему богословское ученіе; въ наблюденіи своемъ за нравственностью студентовъ академіи они были строгими ихъ охранителями отъ недостойнаго съ ихъ положеніемъ вольномыслія. Напрасно говорили, будто монашествующіе начальники духовныхъ училищъ деспотически обращались съ учащимися: обучавшіеся въ академіи студенты не видѣли надъ собою особенно строгаго надзора начальства; поступаая въ нее изъ числа лучшихъ учениковъ семинаріи, они безъ всякаго понужденія, съ особенной любовью занимались въ ней своимъ дѣломъ и, постоянно трудясь, не имѣли ни времени, ни охоты предаваться какимъ-нибудь бесполезнымъ развлеченіямъ. Сколько изъ воспитанниковъ духовныхъ академій, подъ руководствомъ монашествующихъ ректоровъ вышло извѣстныхъ своими достоинствами архипастврей, профессоровъ и служителей церкви въ бѣломъ духовенствѣ! Почему же нововводители игнорировали такія заслуги монашествующихъ начальниковъ академіи и лучшихъ ли лицъ поставили во главѣ академіи? Протоіерей Я., по выходѣ изъ академіи; служа

при посольствахъ, не могъ должнымъ образомъ подготовить себя къ ректорской должности въ академіи, въ которой онъ, будучи ректоромъ, преподавалъ не главный богословскій предметъ и не получилъ степени доктора богословія; хотя и написалъ для того диссертацию, которая академическою конференціею не была признана заслуживающею этой степени.

Хотя государственныя реформы предшествовавшаго царствованія вносльдствіи стали приносить и приносятъ государству свою пользу, но вмѣшательство свѣтской власти въ дѣла Св. Синода оказалось рѣшительно вреднымъ, что предсказалъ незадолго до смерти своей митрополитъ Филаретъ, при которомъ предполагались такія реформы; онъ успѣлъ удержать за синодомъ свѣчной капиталъ, который составляетъ фондъ для содержанія духовныхъ училищъ и который свѣтская власть намѣревалась взять въ свое распоряженіе; Филаретъ доказалъ, что если свѣчной сборъ поступить въ такое распоряженіе, то неминуемо станетъ уменьшаться, потому что мѣстные священники не будутъ уже такъ усердно по церквамъ собирать и представлять начальству за свѣчи деньги для посторонняго вѣдомства. Измѣнивъ духовно-учебный уставъ 1823 года, новаторы завели въ духовныхъ академіяхъ небывалые прежде факультеты, отчего сами академіи утратили свое значеніе; въ семинаріяхъ введено преподаваніе медицины и сельскаго хозяйства безъ всякихъ необходимыхъ къ тому пособій, почему оно, не принося никакой пользы семинаристамъ, отнимало только время у нихъ для существенныхъ занятій. Чтобы сдѣлать учениковъ семинаріи лучшими священниками, узаконено было кончившихъ въ семинаріи курсъ держать три года въ званіи псаломщиковъ на дьячковскомъ окладѣ, отчего лучшіе изъ такихъ учениковъ перешли на службу въ другія вѣдомства, а въ семинаріяхъ остались только посредственные, которымъ некуда было дѣваться.

Въ церковномъ вѣдомствѣ сдѣланныя нововведенія произвели еще большій вредъ. Задумано было улучшить содержаніе приходскихъ священниковъ—мысль добрая, но исполненіе ея обусловливается большими денежными къ тому средствами, которыхъ правительство наше не въ состояніи дать. Было время,

когда приходское духовенство въ Россіи могло вполнѣ и навсегда быть обезпечено въ своемъ содержаніи, если бы отобранныя при Екатеринѣ II у монастырей недвижимыя имущества обращены были въ денежный капиталъ для содержанія блага духовенства, но отобранныя у монастырей имущества розданы были въ постороннія руки, духовенство осталось на жалкомъ пропитаніи отъ добротнаго подаванія прихожанъ, которые большею частью и сами бѣдны. Для улучшенія состоянія священниковъ въ бѣдныхъ приходахъ нововводители придумали соединять приходы, не смотря на увеличившееся народонаселеніе Россіи; по соединеніи приходоѡ, многія церкви были упразднены, тогда такъ увеличившееся народонаселеніе требовало ихъ умноженія; по закрытіи церквей поселане лишились возможности своевременно слушать богослуженіе и отправлять христіанскія требы, отъ чего религія у нихъ стала приходить въ упадокъ, а нѣкоторыя перешли въ расколъ. Вредъ отъ такого рода нововведеній сталъ слишкомъ очевиденъ. Высочайшая власть отмѣнила всѣ эти не особенно полезныя для духовнаго вѣдомства реформы. Св. Синодъ сталъ съ принадлежащимъ ему авторитетомъ распоряжаться въ духовномъ вѣдомствѣ и возстановлять прежніе, испорченныя свѣтскимъ вмѣшательствомъ порядки. Въ академіяхъ способъ преподаванія наукъ возстановленъ соотвѣтственно прежнему уставу и онѣ опять сдѣлались центромъ высшаго богословскаго образованія. Замѣчательно, что одинъ изъ Московскихъ публицистоѡ, по случаю отмѣны непригоднаго академіямъ нововведенія, сказалъ: „Слава Богу! бѣсъ изъ академіи выгнанъ“. Семинарское ученіе пошло также по прежнему порядку.

По осмотрѣ Петербурга внутри его, мы посѣтили загородныя достопримѣчательныя мѣста. Въ Царскомъ Селѣ мы были въ великолѣпномъ Императорскомъ дворцѣ, на крышѣ и на кареатидахъ, по наружнымъ стѣнамъ не было уже позолоты, какую я видѣлъ, когда съ отцомъ проѣзжалъ мимо его въ Петербургъ. Въ этомъ дворцѣ мы видѣли такъ называемую янтарную залу, украшенную янтаремъ, подареннымъ Николаю I тестемъ его, прусскимъ королемъ.

Изъ Царскаго села мы на дрожкахъ по прекрасному шоссе, окруженному дачами, проѣхали въ Павловскъ, имѣніе Великаго Князя Константина Николаевича, который въ тотъ день праздновалъ рожденіе своего внука, сына Элинскаго короля; по этому случаю весь дворецъ его ярко былъ освѣщенъ газомъ; публика собралась многочисленная; играли два оркестра: военная и Штрауса; слушателей была масса. Великій Князь, одѣтый въ военное пальто, прохаживался среди посѣтителей и снимавшимъ предъ нимъ свои шляпы отвѣчалъ, дѣлая подъ козырекъ.

Въ Петергофѣ я узналъ всѣ тѣ мѣста, какія я видѣлъ, будучи семинаристомъ, и тѣ аллеи, по которымъ я бѣгалъ, потерявъ изъ виду своихъ знакомыхъ. Фонтаны по прежнему выбрасывали воду; одинъ изъ нихъ, вновь устроенный въ видѣ обелиска, состоитъ изъ множества трубочекъ, изъ которыхъ бьетъ вода; при освѣщеніи обелискъ этотъ представляется взору какъ-бы состоящимъ изъ брилліантовъ.

Никогда не видавъ Кронштадта, я, съ Киселевичемъ и сопровождавшими насъ племянницами, отправился туда на пароходѣ. Любопытнѣе всего для насъ было видѣть Кронштатскія гавани: купеческую и военную; первая вся была запружена иностранными кораблями, на которыхъ копошились большею частью рыжіе англичане; во второй находился тогда одинъ только военный 130-ти пушечный корабль „Николай I.“ Матросы довели до него насъ на яликѣ, и мы по спущенному трапу взлѣзли на первую палубу; на другія палубы я не пошелъ, а Киселевичъ съ моими племянницами побывалъ и на двухъ верхнихъ палубахъ, съ которыхъ, какъ говорилъ онъ, открывается необозримый видъ на Финскій заливъ. Матросы предлагали намъ проплыть на яликѣ за стѣнку гавани, но такъ какъ тамъ море сильно волновалось, то я не согласился на такую неприятную прогулку. Въ Кронштадтѣ я былъ въ смущенномъ состояніи духа, потому что передъ отправленіемъ въ него я получилъ изъ Кіева отъ Ростовцева печальное извѣстіе о болѣзни сына моего Ивана, почему и спѣшилъ въ обратный путь.

XII.

Смерть сына моего Ивана.—Директоръ Слѣпушевичъ и жена его.—М. И. Шохъ.—
Семейство Монаховыхъ.—Рядъ лишеній. Жизнь моя въ домѣ Киселевича.

По возвращеніи въ Новгородъ-Сѣверскъ я черезъ нѣсколько дней поѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ нашель сына моего начинающимъ выздоравливать послѣ болѣзни. Впослѣдствіи я нѣсколько разъ пріѣзжалъ въ Кіевъ и долго проживалъ въ немъ, оставаясь на хозяйствѣ въ квартирѣ моего сына, когда онъ уѣзжалъ на Кавказъ лѣчиться тамошними водами.

Насталъ роковой для меня 1871 годъ, въ которомъ свирѣпствовавшая въ Кіевѣ холера отняла и послѣдняго моего сына Ивана. Никакія медицинскія средства не могли помочь ему, и онъ, заболѣвши поутру, вечеромъ попросилъ у меня благословенія и, сказавши: „такъ Богу угодно“, скончался. Я самъ закрылъ ему глаза и палъ духомъ. Смерть сына моего случилась 15 Августа 1871 года въ самый смертоносный день, когда тахіитъ умирающихъ простирался до 400 человѣкъ. Тѣло сына моего погребено на Байковомъ кладбищѣ недалеко отъ церкви, подлѣ могилы сына моего Михаила; надъ могилами обоихъ поставлены памятники. Положеніе мое тогда было самое безутѣшное и беспомощное, но Богъ послалъ мнѣ свою помощь въ лицѣ чужихъ людей, принявшихъ во мнѣ теплое участіе, за что я никогда не забуду этихъ добрыхъ людей. Директоръ 2-й Кіевской гимназіи Иванъ Ивановичъ Слѣпушкинъ и жена его Александра Ивановна, находившіеся въ дружескихъ отношеніяхъ съ покойнымъ моимъ сыномъ, оказали и мнѣ полное свое состраданіе; опасаясь, чтобы во время холеры, которою заболѣлъ находившійся при мнѣ слуга, мнѣ не повредила неудобная по тому времени пища, во все время, пока я оставался въ Кіевѣ, они звали меня къ себѣ на обѣдъ, приготовленный по правиламъ нужной діеты. Въ квартирѣ покойнаго сына моего, который вмѣстѣ съ должностью инспектора 2-й гимназіи исполнялъ и обязанности дѣлопроизводителя комисіи, учрежденной для собиранія древнихъ актовъ Юго-Западной Россіи, находилось много книгъ по изданію этихъ актовъ, а также и бумагъ

по дѣлопроизводству, которыя я долженъ былъ разобрать и сдать въ комиссію, чего самъ не могъ сдѣлать въ моемъ печальномъ положеніи. На помощь мнѣ явился пріѣхавшій вмѣстѣ со мною въ Кіевъ родственникъ мой, студентъ университета Михайль Ивановичъ Шохъ и объявилъ мнѣ, что онъ готовъ перебраться ко мнѣ на квартиру и вмѣстѣ со мною заняться приведеніемъ въ порядокъ книгъ и бумагъ, чѣмъ весьма много облегчилъ мнѣ этотъ трудъ. Кромѣ того, для очищенія казенной квартиры, я долженъ былъ убраться съ имуществомъ сына моего, состоявшимъ изъ мебели и библіотеки. И въ этомъ дѣлѣ много помогъ мнѣ Михайль Ивановичъ Шохъ: онъ составилъ списокъ книгъ библіотеки и выставилъ его въ университетѣ для желающихъ купить ихъ; но такъ какъ неудобно было продавать книги порознь, то я долженъ былъ за безцѣнокъ продать всю библіотеку шкафами одному профессору семинаріи съ трудомъ согласившемуся и на такую дешевую покушку. Въ числѣ людей, принявшихъ во мнѣ свое участіе въ Кіевѣ, я не могу забыть семейства Монаховыхъ, всегда оказывавшаго дружеское расположеніе къ сыновьямъ моимъ и ко мнѣ. Жена генерала Монахова Теофілія Ивановна, утѣшавшая меня по смерти сына моего Михаила, утѣшала меня и по кончинѣ сына моего Ивана; она впоследствии взяла на себя трудъ получать въ Кіевскихъ кредитныхъ учрежденіяхъ и высылать мнѣ проценты съ хранившагося въ нихъ капитала покойнаго моего сына и не задолго до смерти своей передала этотъ трудъ своей дочери, которая недолго его исполняла; послѣ нея взялся по этому предмету хлопотать для меня давній мой пріятель Михайль Корнѣевичъ Чалый, который изъ Нѣжина простиралъ мнѣ руку помощи, приглашая меня переѣхать къ нему изъ Кіева для успокоенія отъ моихъ душевныхъ тревогъ; я не могъ воспользоваться его дружескимъ предложеніемъ, потому что долженъ былъ тогда заняться дѣлами моими въ Кіевѣ и по окончаніи ихъ ѣхать въ Новгородъ-Сѣверскъ, гдѣ ожидали меня новыя безпокойства и лишенія, одно за другимъ послѣдовавшія.

По возвращеніи въ Новгородъ-Сѣверскъ, я узналъ, что дальніе родственники моей покойной жены начали судебный искъ,

желая овладѣть оставшимся небольшимъ капиталомъ послѣ сына моего и даже моимъ домомъ; они успѣли уже въ Кіевской палатѣ получить утвержденіе въ правѣ наслѣдства; родной братъ въ опроверженіе этого иска заявилъ свое право на наслѣдство; ему въ этомъ дѣлѣ помогли знакомые, и въ Кіевской палатѣ рѣшено было предоставить ему и дѣтямъ его получить означенный капиталъ послѣ моей смерти, а мнѣ до смерти моей пользоваться процентами. Хотя такое рѣшеніе явно противорѣчило закону, по которому благопріобрѣтенное имѣніе дѣтей исключительно принадлежитъ ихъ родителямъ, но я остался доволенъ рѣшеніемъ палаты, потому что, если-бы капиталъ сына моего и достался мнѣ, я завѣщаль-бы дѣтямъ моего брата, которыми по смерти сына моего я переслалъ все наше серебро и цѣнныя вещи и при томъ выслалъ имъ же деньги на уплату за труды ихъ адвокату. Во время этихъ непріятныхъ для меня хлопотъ сгорѣлъ въ Новгородъ-Сѣверскій мой домъ, построенный на мои деньги, пріобрѣтенныя мною въ Черниговѣ. Къ довершенію моихъ лишеній въ глазахъ моихъ открылся катарактъ, происшедшій отъ ихъ напряженія при частомъ писаніи нотъ, которыми я слишкомъ много занимался. По этому случаю я, въ сопровожденіи Киселевича, ѣздилъ въ Кіевъ посоветоваться съ извѣстнымъ окулистомъ Ивановымъ, который нашель, что катарактъ еще не созрѣлъ, и что я долженъ пріѣхать для операціи черезъ нѣсколько мѣсяцевъ; но я уже не рѣшился на эту операцію, опасаясь, чтобы при неудачномъ исполненіи совсѣмъ не лишиться глазъ, которыми еще вижу свѣтъ солнца или свѣчи, хотя не могу уже различать предметовъ. Возвратившись въ Новгородъ-Сѣверскъ, я остался въ немъ навсегда уже безвыѣздно.

Пятнадцать лѣтъ живя въ домѣ Киселевича, я нахожу въ немъ покойный для себя пріютъ и благорасположеніе ко мнѣ всего его семейства. Два сына его Василій и Алексѣй, мои крестники, много оказывали мнѣ услугъ, пока учились въ гимназіи, они же первые подъ диктовку мою начали писать мои воспоминанія. Къ счастью моему во флигель дома Киселевича поселился бывший мой по гимназіи ученикъ, Михаилъ Алексѣевичъ Водень, оказывающій мнѣ въ случаѣ болѣзни медицин-

ское пособіе и своими со мною бесѣдами доставляющій мнѣ много удовольствія. Обучающійся въ гимназіи сынъ его Алексѣй и другіе ученики, живущіе въ домѣ Киселевича, а именно—Петръ Коваленко и Михайль Стойковъ, продолжали писать мои воспоминанія, которыхъ безъ этихъ усердныхъ помощниковъ я не могъ бы передать на бумагу.

Упомяну и о находящемся при мнѣ слугѣ Михайлѣ Бунаковѣ, который ежедневно читаетъ мнѣ газеты и книги. Вообще обстановка моя въ домѣ Киселевича для меня весьма благопріятна; благодарю Бога, что нахожу близъ себя людей, оказывающихъ мнѣ пособіе въ настоящемъ моемъ положеніи.

Надѣюсь и увѣренъ, что добрые мои хозяева, Василій Демьяновичъ и жена его Ефросинья Захарьевна Киселевичи, по неизмѣнной ко мнѣ дружбѣ своей всегда оказывавшіе ко мнѣ свое благорасположеніе, присмотрятъ за мною и тогда, когда наступитъ смертный часъ мой, что они проводятъ тѣло мое до могилы и помолятся о грѣшной моей душѣ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Заключаю воспоминанія мои тѣмъ, чѣмъ я ихъ началъ. Онѣ говорятъ мнѣ, что милость Божія, спасающая меня отъ смерти послѣ моего рожденія и даровавшая мнѣ возможность дожить до глубокой старости, во время моего сиротства и во все продолженіе долготѣнейшей моей жизни оказывала мнѣ свою помощь въ лицѣ людей, благотворившихъ мнѣ наставленіями, совѣтами и участіемъ. Никогда не имѣя никакого богатства, я не терпѣлъ никогда и крайней нужды и трудомъ моимъ могъ снискивать себѣ и семейству моему потребное для жизни; не достигъ я на службѣ моей особеннаго почета, который, можетъ быть, былъ бы мнѣ не по силамъ и не по моему характеру; часто не исполнялись мои желанія, въ предотвращеніе вредныхъ для меня послѣдствій, если бы эти желанія исполнялись; не имѣлъ я въ жизни моей враговъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, а если получалъ отъ кого оскорбленія, то и самъ часто бывалъ неправъ предъ моими ближними; иногда я находилъ

себѣ искреннихъ друзей въ людяхъ мнѣ сочувствовавшихъ. Въ послѣдніе годы моей жизни я претерпѣлъ тяжкія лишенія и скорби для моего вразумленія, что въ этомъ мірѣ все измѣняется, и за радостью скоро наступить горе, что посылаемая сердцу нашему отъ Бога печали зовуть насъ туда, гдѣ нѣтъ уже никакихъ печалей и гдѣ вѣчно будутъ радоваться достойные такой радости. Теперь, когда лишенный зрѣнія при ослабленіи тѣлесныхъ моихъ силъ, я приближаюсь къ концу дней моихъ, и когда по милости Божіей сохраняется во мнѣ сила разумѣнія и памятованія о полученныхъ отъ Господа Бога благодѣяніяхъ, мнѣ остается желать и молить, да сохраняется во мнѣ и память смертная вмѣстѣ съ вѣрою и упованіемъ на милосердіе Божіе, не оставлявшее меня во время моей жизни.

1886 годъ, 23 іюня.



АКАДЕМИЧЕСКІЙ КОМИССАРЪ ¹⁾.

(Окончаніе).

ГЛАВА XIV.

Комиссарскіе доходы и благотворительность Семеныча.

Экономическое обиліе Академіи придавало должности комиссара большой интересъ. Лѣтъ десять службы обеспечивали комиссару безбѣдную старость; а прослуживъ лѣтъ двадцать, умный комиссаръ имѣлъ полное право рассчитывать на самую теплую признательность своего потомства, какъ добрый и заботливый семьянинъ, а у согражданъ могъ стяжать себѣ глубокое уваженіе, какъ человѣкъ обстоятельный.

Переговоры съ подрядчиками, поставлявшими для Академіи разные припасы, давали комиссару порядочный доходъ. Хотя комиссаръ въ этихъ переговорахъ и не принималъ прямого участія—это дѣло эконома,—но все таки могъ имѣть нѣкоторое вліяніе на исходъ ихъ, а потому доходъ этотъ считался безгрѣшнымъ въ смыслѣ риска. Затѣмъ слѣдовали доходы отъ приемки припасовъ, отъ взвѣшиванія на безмѣнѣ, который никогда и нигдѣ правильно не показывается, отъ экономной выдачи студентамъ чаю и сахару; не стануть же студенты перевѣшивать и не захотятъ поднимать возни изъ за того, что вмѣсто 5 фунтовъ сахару они получили $4^{15}/_{16}$ фунта. Да и взгляды тогдашняго общества на предметъ „доходовъ по службѣ“ были не

¹⁾ См. „Кіев. Стар.“ 1894 г. № 8.

таковы, какъ въ нынѣшнее время, что доказывается уже тѣмъ, что жалованье комиссара было всего 5 рублей въ мѣсяцъ. Дали тебѣ теплое, хлѣбное мѣстечко—проживешь и безъ жалованья не худо.

И нашъ герой своего не упускалъ, „доходами по службѣ“ не брезгалъ; но куда же онъ дѣвалъ ихъ, если жилъ скромно, не имѣлъ привычки копить и о своемъ потомствѣ, по нежеланію обзаводиться семьей, не имѣлъ надобности заботиться?

Какъ уже было сказано, онъ, слѣдуя примѣру своего патрона, архипастыря Дмитрія, всѣ свои доходы и свое жалованье раздавалъ нуждающимся.

Разъ пришлось мнѣ быть свидѣтелемъ такой сценки. Во дворъ Академіи забрела нищенка дѣвочка лѣтъ восьми. Была холодная осень, и дѣвочка топталась своими озябшими босыми ногами. Увидѣлъ ее Семенычъ.

— Эхъ ты, сопливая! Ступай на кухню, обогрѣйся! Да чего ты, дура, боишься? Иди за мной.

Дѣвочка нерѣшительно пошла за Семенычемъ.

— Дай ей, лысый, борщу.

Поварь—видно это ему не впервые—захватилъ добрый кусокъ говядины, налилъ въ миску борщу и подставилъ дѣвочкѣ. Семенычъ между тѣмъ отхватилъ кусище фунта въ три хлѣба и положилъ предъ дѣвочкой.

Дѣвочка и четверти всего этого не съѣла и стала креститься на образъ.

— Ну, что-жъ не доѣдаешь? кто-жъ послѣ тебя сопливой станетъ ѣсть?

Съ этими словами Семенычъ кладетъ въ бумагу недоѣденные хлѣбъ и говядину и отдаетъ дѣвочкѣ. Обрадованная подачкой дѣвочка спѣшитъ уйти. На дворъ догоняетъ ее Семенычъ и суетъ что-то въ руку ей, говоря:

— Скажи своей маткѣ, чтобъ купила тебѣ башмаки. Если другой разъ увижу тебя босую, то задамъ такъ, что ты будешь у меня помнить. А какъ прійдешь въ башмакахъ, то получишь отъ меня на пряники. Слышишь? Ну, ступай!

Въ другой разъ я встрѣтилъ Семеныча на базарѣ, окруженнаго дѣтьми: онъ раздавалъ имъ яблоки и при этомъ велъ съ ними такой разговоръ:

— У тебя дома есть братья или сестры?

— Есть три брата и одна сестра, отвѣчаетъ дѣвочка, къ которой обратился Семенычъ съ вопросомъ.

— Вотъ тебѣ четыре яблока еще. Отдай своимъ братьямъ и сестрѣ. А у тебя?

— У насъ нѣтъ, а у тетки, что живетъ съ нами, есть мальчикъ и дѣвочка.

— На тебѣ еще два яблока для теткихъ дѣтей. А у тебя?

— У насъ есть одно, да такое маленькое, что еще и зубовъ нѣтъ; оно только сосеть.

— Сосеть? Постой я куплю ему конфетку.

Такъ одблялъ Семенычъ на базарѣ дѣтвору, которую привлекаютъ сюда разложенныя у торговекъ лакомства.

Въ числѣ знакомыхъ Семеныча было одно семейство консисторскаго чиновника. Не выслуживъ пенсіона, чиновникъ этотъ умеръ. Осталась болѣзненная, нервная вдова съ двумя маленькими дѣтьми безъ всякихъ средствъ къ существованію. Осиротѣвшая семья всѣмъ, рѣшительно всѣмъ обязана щедрости Семеныча. Онъ отдавалъ вдовѣ свое жалованье, свои доходы, свой трудъ; помогалъ ей и натурою: свѣчи, чай, сахаръ, мыло— все, все получала вдова отъ Семеныча.

Каждый человѣкъ вправѣ разсчитывать на признательность тѣхъ, кому онъ оказываетъ помощь. Непріятно и обидно, когда, кромѣ равнодушія, вы ничего не можете ожидать отъ пользующагося вашимъ добромъ; но и съ этимъ можно еще примириться, а извольте примириться, когда тѣ, которые ѣдятъ вашъ хлѣбъ, носятъ ваше платье, которымъ отдаете всего себя, для которыхъ вы готовы даже красть,—не только не выражаютъ вамъ своей признательности, а еще постоянно оскорбляютъ васъ, третируютъ, какъ послѣдняго. Семенычу суждено было испытать это удовольствіе.

Болѣзненная вдова была крайне раздражительна и, какъ большая часть нервныхъ, эгоистична. На благодѣяніе Семеныча

глядѣла она, какъ на нѣчто обязательное для него, и становилась въ отношеніи къ нему все требовательнѣе. Ничѣмъ, бывало, не могъ онъ угодить ей. Свои неудовольствія она выражала въ самой грубой формѣ: швыряла то, что приносилъ Семенычъ, прямо ему въ лицо, ругала его на чемъ свѣтъ стоитъ, когда онъ осмѣливался возражать ей. Впродолженіе многихъ лѣтъ нашъ герой безропотно сносилъ ея капризы, какъ капризы больной, и только по смерти ея могъ вздохнуть свободно.

Посторонніе истолковали такую покорность Семеныча по своему. Говорили, что между Семенычемъ и вдовой существовалъ романъ, но смѣю утверждать, что ничего подобнаго не было и не могло быть. Семенычу было за пятьдесятъ лѣтъ; а главное, что вдова, какъ существо больное, для романа совсѣмъ не годилась.

А кто изъ студентовъ Академіи не перехватывалъ у щедраго комиссара рубль—другой, но впоследствии никто изъ нихъ не вспомнилъ и даже не поинтересовался узнать, что случилось съ ихнимъ комиссаромъ? На бѣломъ свѣтѣ не мало должниковъ нашего героя, а онъ, какъ старый, беззубый левъ, залегъ въ свою берлогу умирать голодной смертью, да еще при этомъ, не задолго до смерти, хитрилъ пріютить у себя и кормить одну дѣвочку, круглую сироту.

Жить для другихъ у Семеныча было, какъ видите, органической потребностью.

ГЛАВА XV.

Семенычъ окончательно разстается съ Академіей, становится управляющимъ имѣніемъ и корреспондентомъ у деревенскихъ бабъ.

Какъ экономистъ, какъ толковый распорядитель по хозяйственной части Академіи, Александръ Семенычъ былъ на высотѣ своего призванія. Но у каждаго героя бываетъ своя Ахиллесова пята. При всей своей геніальности, Семенычъ никакъ не могъ справиться съ веденіемъ экономическихъ книгъ.

Въ старину, когда контроль былъ слабѣе, на книги мало обращалось вниманія. Кухня въ порядкѣ, всѣ довольны, жалобы нѣтъ—чего же больше? Впослѣдствіи же, когда контроль сталъ строже, слабая сторона комиссара, какъ бухгалтера, обнаружилась весьма рельефно, и къ тому же имѣла характеръ неизлѣчимаго недуга.

Купилъ Семенычъ на базарѣ у мужика два воза сѣна, а по комиссарскимъ книгамъ выходитъ, что сѣно отпущено изъ гастрономическаго магазина. Капуста и огурцы по книгамъ оказывались купленными изъ магазина канцелярскихъ принадлежностей. Бабы, нанятые для рубки капусты, оказывались проданными изъ мясной лавки. Бондарскія, лудильныя, стекольныя работы по записямъ Семеныча исполнены были какимъ-нибудь приказчикомъ чайной торговли. Въ этихъ курьезныхъ записяхъ строгій контроль усмотрѣлъ безпорядочность комиссара, и Семенычъ вынужденъ былъ выйти въ отставку.

Такъ закончилось двадцатилѣтнее служеніе нашего героя въ Академіи.

Можно было-бы ждать, что цѣлое состояніе нажилъ за это время Семенычъ; но перенесемъ въ тотъ моментъ, когда нашъ герой выѣзжалъ изъ академическаго двора и, отбросивъ всякую скромность, пошаримъ въ его повозкѣ. Кромѣ неразлучныхъ съ нимъ трубки и бритвы, да еще байковаго одѣяла, коимъ прикрыто сѣно, ничего въ ней не видно: ни сундука, ни чемоданчика, ни даже узелка съ необходимымъ запасомъ платья и бѣлья; въ карманахъ-же комиссара не было ни гроша, а находилось тамъ метрическое свидѣтельство да аттестатъ, выданный Семенычу академическимъ начальствомъ, правда, весьма лестный, но только для одного Семеныча¹⁾.

Куда же держалъ путь нашъ герой и на что онъ рассчитывалъ, не имѣя ничего за душой?

Къ счастью нашего героя, фортуна еще не совсѣмъ покинула его и предоставила ему не только даровую подводку, но даже и мѣсто управляющаго имѣньемъ.

¹⁾ Этотъ аттестатъ находится у автора.

Въ с. Гореничахъ, въ двадцати верстахъ отъ Кіева, было имѣніе помѣщицы С—ской. Помѣщица давно знала Семеныча, встрѣчая его у мѣстнаго священника, моего дѣда, къ которому нашъ герой иногда пріѣзжалъ въ гости. Роль гостя нисколько не мѣшала Семенычу принимать дѣятельное участіе въ хлопотахъ хозяевъ. Дѣдъ былъ хлѣбосоломъ, и помѣщица удостаивала его своимъ посѣщеніемъ. Здѣсь-то она увидала нашего героя въ его настоящей сферѣ дѣятельности: онъ и въ гостяхъ былъ комиссаромъ. Расторопность его, безъ всякой при томъ суетливости, очень понравилась помѣщицѣ.

— Вотъ бы такого ко мнѣ въ управляющіе! говорила помѣщица; но пока Семенычъ состоялъ на службѣ въ Академіи, она не осмѣливалась предложить ему мѣсто у себя; Гореничи—имѣніе маленькое, а стало быть и мѣсто управляющаго не важное. Когда же помѣщица узнала, что Семенычъ оставляетъ свою комиссарскую должность, она немедленно послала за нимъ подводу, приглашая его къ себѣ на службу.

Какъ уроженецъ города, нашъ герой имѣлъ весьма смутное представленіе о сельскомъ хозяйствѣ и агрономіи, однако не задумался принять предложенное ему мѣсто въ томъ разсужденіи, что „не святые горшки лѣмятъ“.

Какъ онъ справлялся съ обязанностями управляющаго, я не знаю, но думаю, что и тутъ онъ оправдалъ возложенныя на него помѣщицей надежды, такъ какъ прослужилъ онъ у нея два года и оставилъ мѣсто по своей собственной волѣ. Благодаря своей величественной осанкѣ, а еще болѣе богатырской глоткѣ, онъ былъ достойнымъ представителемъ помѣщичьей власти, которая въ ту пору (въ шестидесятыхъ годахъ) потеряла свою силу и очень нуждалась въ хорошихъ представителяхъ, способныхъ замѣнить вышедшую изъ моды палку потюкомъ крѣпкихъ, дѣйствующихъ на натуру мужика, словъ.

Жилъ онъ въ одномъ съ владѣлицею домѣ, ѣлъ за ея столомъ и получалъ за свою службу маленькое вознагражденіе. Что же касается доходовъ по службѣ, то увы! вся эксплуататорская часть этого имѣнія застряла въ жидовскихъ рукахъ. Да и зачѣмъ ему въ деревнѣ посторонніе доходы? Вѣдь въ деревнѣ поле благо-

творительности не такъ широко, какъ въ городѣ; для этого достаточно ему было и его скромнаго жалованья. А вотъ ученость его очень и очень пригодилась темному деревенскому люду.

Такъ какъ въ деревнѣ грамотныхъ людей не много, то къ Семенычу перѣдко обращались крестьяне за составленіемъ писемъ къ родичамъ-солдатамъ, и онъ съ большимъ успѣхомъ исполнял роль корреспондента. Нужно отдать полную справедливость этому таланту нашего героя: краснорѣчіе въ его писаніи было внѣ всякаго подражанія; никто не могъ такъ трогательно изливать свои чувства на бумагѣ, какъ изливалъ ихъ Семенычъ въ письмахъ солдатокъ къ своимъ далеко отсутствующимъ мужьямъ.

Во время прочтенія Семенычемъ написаннаго, какая-нибудь солдатка Мотря проливаетъ слезы умиленія и развязываетъ узелокъ своей хусточки, соображая, какою бы монетою достойно возблагодарить Семеныча. Но Семенычъ за свой корреспондентскій трудъ платы не бралъ; а тѣхъ, кто старался насильно всунуть ему въ руку какую-нибудь мѣдяшку, выталкивалъ вонъ.

ГЛАВА XVI.

Нашъ герой снова служитъ Минервѣ въ качествѣ педагога, исполняя въ тоже время обязанности церковнаго пономаря.

Помѣщица не раздѣляла гуманныхъ наклонностей нашего героя. По поводу штрафа, назначеннаго помѣщицей за потраву, между ею и Семенычемъ произошла размолвка, окончившаяся тѣмъ, что Семенычъ отказался отъ службы управляющаго и переселился къ священнику.

Такъ какъ гореницкая школа нуждалась въ учителѣ, а при церкви пономарское мѣсто было свободно, то нашъ герой и занялъ эти двѣ должности. Объ этомъ времени сохранились два письма Семеныча къ волостному старшинѣ, характеризующіе его заботливость о школѣ.

Письмо первое:

Федоръ Макаровичъ!

Имѣю честь покорнѣйше просить Васъ, прикажите кому слѣдуетъ купить для школы кадущку у два ведра неболѣе, а также одно ведро и кружку деревянную.

Ибо школьники часто бѣгаютъ пить воду до колодезя, тягаютъ бутылкою и глеками, гдѣ могутъ сдѣлать для себя несчастный случай, пострадать утопленіемъ въ колодецѣ. Я вотвѣтственности тогда небуду. Я уже говорилъ старостѣ не одно кратно прошедшій годъ, и теперь не надѣюсь его исполненія. А воспритить мальчикамъ пить воду я этого не могу сдѣлать, ибо сказано священномъ писаніи жаждущаго на пой, алчущаго на корми. Такъ какъ выше сказано ту посуду необходимо нужно имѣть при школѣ именно кадущка ведро и кружка. О чемъ прошу Вашего распоряженія о значенныхъ вещахъ приказать купить овую посуду. Симъ имѣю честь до вести до свѣдѣнія Вашего Повелѣнія и исполненія старосты немедленнаго, потому что школьники чрезъ эту воду теряютъ много времени и не успѣваютъ учить Лекціи бѣгающіи до колодезя пить воду.

Вашъ покорнѣйшій слуга и проситель Вашего усмотрѣнія и безъ порядка законнаго исполненія особенно въ оплошности старосты Гордія обратите вниманія все это прописано мною Дабы болѣе Васъ этими пустяками не безъ покоили не доводя до свѣдѣнія Вашего и неимѣлибы послушанія, какъ начальника поставленнаго по закону Государственному по Высочайшему Повелѣнію должны они выполнять строго Ваше приказаніе.

Остаюсь уважающій Васъ Исполнителя Божіею волею

Учи. с. Гореничъ А. Д. Ноября 5 дня 1866 г.

Школа еще и теперь не обмазана о чемъ я просилъ и прошу.

Письмо второе:

Милостивый Государь

Федоръ Макаровичъ!

Гореницкая школа нуждается дровами, давно уже терпитъ холодъ; писаніе прекратилось, не за имѣніемъ теплоты къ ручному направленію пера; ученики теряютъ способность къ приготовленію на будущей жизни и Государственной потери, также для семейнаго безпорядка отъ недоумѣнія.

Вашъ проситель по должности Законнаго требованія прошу возьмите во вниманіе приказать кому слѣдуетъ доставить дровъ въ с. Гореничи для отопленія школы.

А. Дорог.

Языкъ этихъ отношеній къ старшинѣ нѣсколько страненъ для васъ, читатель: вы, пожалуй, готовы воскликнуть: и это учитель! Но, представьте себѣ—Семенычъ былъ прекраснымъ учителемъ. Правда,—онъ не придерживался никакого метода, такъ какъ о методахъ обученія и самъ не имѣлъ никакого понятія, а училъ по старому, по православному букварю лаврскаго изданія, и мальчишки выучивались читать.

Сколько получалъ Семенычъ жалованья за свою педагогическую службу, намъ неизвѣстно; знаемъ только, что харчи ему полагались отъ всего села, какъ и пастуху, съ той лишь разницей, что пастухъ самъ являлся въ хату, которой наступала очередь кормить его, а Семенычу приносили въ школу. И кормили же его такъ, что у него круглый годъ была масляница: то блины, то вареники въ сметанѣ, и при этомъ полубутылка водки, не въ счетъ абонеента, а отъ усердія очередной хозяйки. Гореницкія бабы души въ немъ не чаяли и старались угодить ему.

Исполняя въ то же время и службу церковнаго пономаря, нашъ герой вполне оправдывалъ на себѣ поговорку: не мѣсто красить человѣка, а человѣкъ мѣсто. Для сельской церкви такой пономарь, какъ Семенычъ, былъ, пожалуй, даже роскошью, но дѣло въ томъ, что гореницкая церковь, имѣющая у себя чудотворную икону, посѣщается богомольцами изъ горожанъ, и представительный пономарь тамъ—вещь далеко не лишняя. Принимая же во вниманіе, что на обязанности пономаря лежали и заботы о богомольцахъ—нужно отвести имъ пріютъ, снабдить ихъ самоваромъ,—то ясно, что въ Гореничахъ такой пономарь, какъ Семенычъ, былъ даже необходимъ.

Въ квартирѣ Семеныча—онъ жилъ при школѣ—богомольцы находили для себя самый радушный пріемъ. За трапезой (закуски привозятся богомольцами съ собой) Семенычъ былъ для своихъ гостей интереснымъ собесѣдникомъ. Темы бесѣдъ бого-

мольцевъ всегда одни и тѣже: вспоминаются замѣчательные архіереи, громогласные протодіаконы старыхъ временъ и ихъ легендарные подвиги, необыкновенные октависты въ хорахъ. Семенычъ поражалъ гостей своихъ громаднымъ запасомъ свѣдѣній изъ этой области.

ГЛАВА XVII.

Семенычъ снова погадаетъ въ комиссары и женится на одинъ мѣсяць.

Эхъ, Семенычъ, Семенычъ! Жилъ бы да поживалъ себѣ въ Гореничахъ безъ горя, безъ заботъ; преподавалъ бы мальчишкамъ букварь и часословъ, сочинялъ бы солдаткамъ трогательныя письма, подавалъ бы кадило, велъ бы съ богомольцами душеспасительныя бесѣды, ѣлъ бы „гречаные“ вареники со сметаной,—такъ нѣтъ, захотѣлось ему въ городъ, захотѣлось еще покомиссарствовать...

Узналъ какъ-то Семенычъ, что въ Кіево-Софійской бурсѣ освободилось мѣсто комиссара. Бросилъ все: и школу, и пономарство, не внялъ слезнымъ мольбамъ гореницкихъ бабъ, которыя души въ немъ не чаяли, и полетѣлъ, какъ мотылекъ на свѣчку. Ну, благо бы мѣсто важное, а то въ бурсу... Статочное ли дѣло, бывши академическимъ комиссаромъ, комиссарствовать въ бурсѣ?

Почему-же такъ захотѣлось Семенычу комиссарствовать въ бурсѣ?

А вотъ почему. По сосѣдству съ Софійской бурсой жила одна вдова, съ которой Семенычъ имѣлъ несчастье познакомиться. Пусть не думаетъ читатель, что эта вдовица, подобно другимъ, эксплуатировала великодушіе Семеныча и обирала его. О, нѣтъ! Вдова была со средствами и немалыми къ тому же: у ней былъ домъ, стоившій тысячъ пятнадцать. Но теперь, пожалуй, читатель готовъ впасть въ новое заблужденіе и подумать, что богатство вдовы соблазнило нашего героя. И тутъ нѣтъ!

Безъ обиняковъ скажу прямо: эта вдовица посягнула на свободу Семеныча и, къ сожалѣнію добилась, своего:—она женила его на себѣ.

Вдовѣ было подѣ пятьдесятъ лѣтъ. Совершенно одинока и бездѣтная, она хотѣла найти себѣ опору въ мужѣ. Аккуратный, бережливый и воздержный Семенычъ вполне подходилъ къ ея идеалу.

Семенычу стукнуло пятьдесятъ пять лѣтъ; онъ вступилъ въ тотъ почтенный возрастъ, когда человѣкъ по естественнымъ законамъ становится свободнымъ отъ увлеченій и ошибокъ въ матримоніальномъ вопросѣ. Кажись бы, что бракъ такихъ двухъ существъ, какъ Семенычъ и его невѣста, долженъ быть дѣломъ строго обдуманномъ: ему бракъ этотъ обезпечивалъ покойную старость, а ей, вдовицѣ беззащитной, давалъ опору, если бы не странная оговорка Семеныча, дѣлающая бракъ этотъ бессмысленнымъ.

— Вы настаиваете, чтобы я женился на васъ? Ну, извольте! Я женюсь; но знайте, что я женюсь на одинъ мѣсяць.

Такъ послѣ долгаго упорства Семенычъ выразилъ вдовѣ свое согласіе. Тоже самое говорилъ онъ и всѣмъ своимъ знакомымъ. Но, конечно, никто не принималъ въ серъезъ его оговорки, и всѣ считали ее просто за милую шутку.

Каюсь, и я подумывалъ въ то время, что стоицизмъ Семеныча не устоялъ предъ заманчивой перспективой хорошо обезпеченной старости, и его долгое упорство я считалъ тонкимъ съ его стороны расчетомъ, ограждавшимъ его особу отъ упрековъ супруги на случай вспышки у домашняго очага.

— „Годи уже по чужихъ кухняхъ исты прусаеивъ; пора и своими завестысь“,—говорилъ старый бурсацкій поваръ по поводу сватовства комиссара.

— Да я только на одинъ мѣсяць, оправдывался Семенычъ.

Послѣдствія показали, какъ мы всѣ ошиблись. Семенычъ своею простотою всѣхъ насъ одурачилъ. Всѣ наши мудрствованія, тонкія предположенія и догадки по поводу женитьбы Семеныча—все пошло прахомъ.

— Думали, что Семенычъ хотя разъ въ жизни поступилъ умно, воспользовавшись такимъ прекраснымъ случаемъ. Шуткали, таковой домина самъ въ руки залѣзъ? Такъ нѣтъ—взялъ и отшвырнулъ, какъ выѣденное яйцо,—говорили чрезъ мѣсяць знакомые.

Но расскажем все по порядку.

Порѣшивъ сдѣлать Семеныча своимъ мужемъ, вдова пустила въ ходъ всѣ средства. Подсылала къ нему искусныхъ для такого дѣла застрѣльщицъ, попросту свахъ; тѣ выкладывали предъ Семенычемъ весь запасъ своего краснорѣчія; порицали холостяцкое положеніе человѣка, какъ нѣчто противозаконное, и выставляли несравненные преимущества, какими пользуются женатые.

— Неравно, храни Боже, заболѣешь—есть кому и походить за тобой; а холостякъ—помирай, какъ собака!—говорили свахи.

Однако, какъ ни убѣдительно были ихъ доводы, Семенычъ не поддавался. Бѣднымъ свахамъ оставалось только плюнуть на это дѣло. Тогда вдова рѣшилась на послѣднее средство, это—слезы. Нашъ герой не могъ равнодушно видѣть слезъ, да еще вдовьихъ, и, тронутый ими, далъ, наконецъ, свое согласіе жениться, но съ извѣстной уже читателямъ оговоркой „на мѣсяць“. Эту оговорку вдова-невѣста пропустила мимо ушей.

Наступилъ день свадьбы, который у Семеныча ничѣмъ не отличился отъ всѣхъ прочихъ дней. Какъ и всегда, въ этотъ день провелъ онъ утро въ заботахъ о бурсацкомъ обѣдѣ; послѣ обѣда вздремнулъ; затѣмъ выдалъ повару, что требовалось на ужинъ; а въ 7 часовъ вечера, одѣвъ сюртукъ, пальто и фуражку, отправился къ невѣстѣ, чтобы вмѣстѣ съ нею ѣхать „къ вѣнцу“.

Глядя въ это время на шагавшаго по улицѣ Семеныча, никто бы не подумалъ, что онъ дѣлаетъ важнѣйшій въ жизни шагъ; да и самъ онъ, вѣроятно, объ этомъ не думалъ. Караульщикъ брамы Софійскаго собора, привыкшій къ частымъ вечернимъ отлучкамъ Семеныча, въ этотъ разъ, выпуская его за ворота, подумалъ только: „а куда отправляется комиссаръ се-

годня—въ гости или въ кіятръ? Если повернетъ направо, то стало-быть въ кіятръ. Нѣтъ, повернулъ налѣво; значить пошолъ въ гости и раньше утра его не жди, не вернется.“

Свадьба Семеныча была скромная, но не безлюдная. Быть въ числѣ гостей удостоился и вашъ покорнѣйшій слуга. Пировали до утра; а утромъ женихъ откланялся гостямъ и пошолъ въ бурсу къ своимъ обязанностямъ.

— Не могу, никакъ не могу остаться, говорилъ Семенычъ.—Пора уже на базаръ, а то бурсаки останутся сегодня безъ обѣда.

Въ продолженіе мѣсяца Семенычъ ежедневно по вечерамъ навѣщалъ звою супругу, ходилъ съ нею въ гости или въ театръ, но ни разу не оставался у ней ночевать, а уходилъ къ себѣ въ бурсу.

ГЛАВА XVIII.

Семенычъ срываетъ съ себя цѣпи Гименея. Отставка его отъ должности бурсацкаго комиссара.

Въ концѣ „медоваго“ мѣсяца между нашими „молодыми“ супругами произошла первая и въ то же время послѣдняя размолвка.

Это было въ гостяхъ. Сѣли играть въ стуколку; Семенычъ нѣсколько разъ сряду заремизился. Это вывело изъ терпѣнія его жену, и она заявила, что послѣдняго ремиза она не признаетъ, а ремизъ былъ больше трехъ рублей. Другіе партнеры запротестовали: на какомъ, моль, основаніи она не желаетъ признать этотъ ремизъ?

— Да вѣдь Александръ Семенычъ ремизится пятый разъ сряду; это ни на что не похоже! Онъ не имѣлъ права идти четвертымъ, да еще въ разрѣзъ,—говорила Семенычева жена.

— Это его дѣло, и мы не видимъ основанія не разыгрывать этого ремиза.

— А! Вы, я вижу, хотите обыграть насъ! Рады, что попался вамъ такой... случай. Такъ поступать не честно!.. Алек-

сандръ Семенычъ! идемъ домой; а то досидимся, что насъ чисто оберуть...

— Вы насъ и нашъ домъ оскорбляете... заявили было хозяева, но страшный голосъ разгнѣваннаго Семеныча заглушилъ все.

— Вонъ откуда!!.. Чтобъ и духу твоего не было!.. Ты не умѣешь держать себя между порядочными людьми! Вонъ пошла!.. И никогда, слышишь? нигдѣ и никогда не смѣй со мной встрѣчаться! Отъ сего часу ты мнѣ не жена и я тебѣ не мужъ!

— Александръ Семенычъ,—заговорила виноватымъ голосомъ жена,— что вы?... да я, право, такъ...

— Молчать!!.. рывкнулъ нашъ герой.—Мѣсяцъ уже прошелъ; забудь и думать обо мнѣ! Съ этими словами Семенычъ вынулъ изъ кармана звено цѣпей Гименея, кольцо, и выбросилъ его за окно.

Такъ просто и безъ лишнихъ затѣй нашъ герой вернулъ себѣ свободу.

Повидимому, эта необыкновенная въ своемъ родѣ женитьба „на мѣсяцъ“ не измѣнила ни сколько положенія Семеныча,—какъ былъ бурсацкимъ комиссаромъ до женитьбы, такимъ и остался; какъ жилъ, ѣлъ и спалъ въ бурсѣ, будучи холостякомъ, такъ все это осталось при немъ и послѣ женитьбы. Однимъ словомъ, эта женитьба, такъ скоро окончившаяся разрывомъ между супругами, не внесла въ жизнь Семеныча никакой перемѣны ни съ внутренней, ни съ внѣшней стороны. Почему же авторъ считаетъ несчастьемъ женитьбу своего героя?

А потому, что съ момента женитьбы Семеныча въ жизни его совершился крутой поворотъ къ худшему: фортуна поворачивается къ нему спиной.

Послѣ исторіи за стуюлкою наши „молодые“ супруги каждый порознь разошлись по домамъ. Прошли сутки, прошли и другія; напрасно жена ждетъ, что мужъ явится съ повинной. Она не могла примириться съ мыслью, что Семенычъ серьезно рѣшилъ порвать съ ней все. Мало ли чего не случается между супругами?

На третій день къ Семенычу отъ имени жены его явились парламентареры, и повторилась такая же процедура, какъ и при сватовствѣ. Парламентареры, какъ истые дипломаты, стали доказывать ему всю непрактичность его разрыва съ женой, убѣждали его вернуться подъ ея мирную сѣнь. Не вдаваясь ни въ какія объясненія и препирательства съ парламентарерами по поводу его разрыва съ женой, онъ объявилъ имъ, что, женившись на мѣсяцъ, онъ выдержалъ свой срокъ и считаетъ себя совершенно свободнымъ отъ какихъ бы то ни было обязательствъ.

Наконецъ, явилась къ нему жена самолично во всеоружіи убитой горемъ женщины, надѣясь, какъ давича, до брака, тронуть его слезами. Какъ только завидѣлъ Семенычъ входящую къ нему жену, такъ, словно котъ, застигнутый въ воровствѣ, скрылся чрезъ окошко.

Не смотря на всѣ старанія жены, не смотря на всю тонкость дипломатіи со стороны знакомыхъ, вернуть Семеныча къ мирному семейному очагу не удалось. Оставалось ждать благоприятнаго случая; такой случай представился скоро.

Чрезъ мѣсяцъ послѣ этого въ Софійской бурсѣ совершился большой переворотъ. Извѣстно, что никакой переворотъ не обходится безъ жертвъ. Въ число жертвъ бурсацкаго переворота попалъ и нашъ герой. Наравнѣ со всѣми духовно-учебными заведеніями Софійская бурса подверглась преобразованію. Престарѣвшій 6-ти лѣтній курсъ ея сократился въ 4-хъ лѣтній. Прежде въ каждомъ классѣ обязательно высиживали по два года, при неудачѣ же—по четыре и по шесть лѣтъ, съ преобразованіемъ же двухгодичный срокъ замѣненъ однолѣтнимъ. Старый, многовѣковой спартанскій духъ бурсы подъ фѣрулою розги, ирать, общей субботней порки, и проч. и проч., что такъ благотворно дѣйствовало на укрѣпленіе нервовъ, уступилъ мѣсто новымъ современнымъ вѣяніямъ. Безчеловѣчную порку благотворная реформа замѣнила болѣе гуманной мѣрой, исключеніемъ.

Съ введеніемъ реформы старый смотритель бурсы, незабвенный Степанъ Романовичъ Турчинскій, съ незапамятныхъ временъ, чуть ли не съ самаго основанія Софійской бурсы, управлявшій ея судьбами, вышелъ въ отставку. Старый коло-

стякъ—онъ всю душу отдавалъ вѣренному ему училищу и оставилъ о себѣ между своими воспитанниками воспоминаніе, какъ о любвеобильномъ отцѣ и мудрому наставникѣ.

Бурсацкая реформа коснулась и нашего героя. На перелицованномъ кафтанѣ осталась одна старая, потертая пуговица. Хотя обязанность свою выполняла она, какъ слѣдуетъ и даже лучше новоѣ, но своимъ потертымъ видомъ не гармонировала съ общимъ, свѣжимъ видомъ кафтана. Эта пуговица—Семенычъ, бурсацкій комиссаръ-бухгалтеръ. Какъ комиссаръ, Семенычъ не оставлялъ желать лучшаго, а бухгалтерія, какъ была, такъ и осталась у него неизлѣчимой язвой. Старый смотритель С. Р. Турчинскій отлично зналъ больное мѣсто комиссара и предпочиталъ заглядывать въ кухню, въ погребъ и въ кладовыя, а не въ экономическія книги, гдѣ и самъ авторъ ихъ не разобрался бы. При первой же ревизіи бухгалтерская несостоятельность нашего героя выплыла наружу, и онъ вынужденъ былъ оставить свой комиссарскій постъ.

Вышелъ онъ изъ бурсы, какъ когда-то изъ академіи, безъ всякихъ средствъ къ существованію. Разница въ положеніи его тогда и теперь была лишь та, что тогда онъ былъ моложе, а теперь ему за 55 лѣтъ; тогда его, полного силъ, помѣщица приняла охотно къ себѣ на службу, а теперь могли принять его лишь изъ милости.

Этимъ затруднительнымъ въ положеніи Семеныча обстоятельствомъ воспользовалась жена его, чтобы вернуть себѣ бѣглеца-мужа; при этомъ предлагала даже свой домъ переписать на имя мужа. Не согласиться и отвергнуть такія выгодныя условія, находясь при томъ въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ и не видя другаго сколько-нибудь сноснаго выхода, могъ только Семенычъ.

Честь оказать Семенычу гостепріимство послѣ выхода его изъ бурсы досталась моимъ родителямъ. Незадолго предъ этимъ они купили себѣ въ Кіевѣ домъ и предложили Семенычу вести подворную книгу за вознагражденіе въ три рубля въ мѣсяцъ и комнату съ отопленіемъ.

ГЛАВА XIX.

*Какъ Семенычъ ухитрился жить на 3-хъ рублевое жалованье.
Нечаянно свалившійся большой кушъ въ 700 р.*

Сперва Семенычу предложено было моими родителями ѣхать къ нимъ „на хлѣба“ въ деревню; но Семенычъ такъ освоился съ городомъ, что отъ деревни отказался рѣшительно. Къ тому же онъ еще питалъ надежду найти для себя подходящую должность, на что, живя въ деревнѣ, рассчитывать труднѣе.

Какъ же ухитрился онъ съ тремя рублями въ мѣсяцъ сводить концы съ концами? При его изобрѣтательномъ умѣ и это оказалось возможнымъ.

Прежде всего Семенычъ эксплуатировалъ свободный уголь своей маленькой квартирki, впустивъ къ себѣ одного канцеляриста въ сожители за два рубля въ мѣсяцъ; а затѣмъ, осмотрѣвшись хорошенько, занялся дѣломъ чисто комиссарскимъ.

Квартировавшимъ здѣсь холостымъ чиновникамъ Семенычъ предложилъ устроить у него общую чайную, гдѣ за три рубля въ мѣсяцъ каждый могъ пользоваться утромъ и вечеромъ чаемъ съ булками. Холостяки охотно согласились на такое предложеніе Семеныча. Окно его комнаты выходило въ палисадникъ; тамъ онъ соорудилъ живую бесѣдочку, поставилъ столъ, скамьи, и чайная вышла такимъ поэтическимъ уголкомъ, что привлекла въ число кліентовъ Семеныча не только всѣхъ холостяковъ, но даже и женатые примкнули къ этому кружку, предпочитая его своему семейному очагу. Увлекательно веселый, балагуръ, проворно дѣйствующій ножомъ, салфеткой, ложками, чашками, блюдами, руками, языкомъ—онъ былъ кумиромъ своего „чайнаго“ кружка. Процессъ чаепитія въ этомъ кружкѣ производилъ впечатлѣніе веселой комедіи. Нерѣдко посѣтители приносили съ собою и водочку, а Семенычъ приготавливалъ завтракъ, состоявшій изъ печенаго картофеля съ лукомъ.

Отъ „чайной“ операціи, какъ называлъ Семенычъ свое дѣло, ему перепало весьма немного, за то самъ онъ могъ пить чаю, сколько хотѣлъ, и такимъ способомъ обманывать свой желудокъ, требовавшій чего либо посущественнѣе.

Иногда Семенычъ по порученію судебного разсыльного, находившагося въ числѣ его чайныхъ кліентовъ, разносилъ повѣстки суда по городу, за что получалъ по пятнадцати копѣекъ отъ каждой врученной повѣстки.

Въ такихъ полезныхъ и пріятныхъ занятіяхъ провелъ Семенычъ лѣтъ пять или шесть, ожидая, что для него откроется гдѣ-либо подходящая должность. Небогатый гардеробъ его изнашивался. Какъ ни бережливъ былъ Семенычъ, какъ ни старался при помощи иглы и латокъ продлить вѣкъ брэннаго своего платья, все было напрасно: оно требовало полной замѣны его новымъ. На такой экстраординарный расходъ у Семеныча не было средствъ.

Въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ судьба послала Семенычу мѣсто, нельзя сказать, чтобъ хорошее, но и худымъ считать его не можемъ. Въ Кіевѣ проживала тогда вдовая, пожилая генеральша Ротъ. Мужъ ея началъ свою служебную карьеру еще при Екатеринѣ II и женился на склонѣ лѣтъ. По смерти генерала вдовѣ досталось громадное состояніе и почтенная пенсія. У ней то и довелось Семенычу послужить немного. Какъ же онъ туда попалъ?

Въ числѣ приживальщицъ генеральши была родная племянница нашего героя. Генеральша, окруженная приживальщицами и большимъ количествомъ слугъ, чувствовала, что не въ силахъ сладить съ этой оравой и что для порядка нуженъ въ домъ распорядительный мужчина. Слово по слову, и Семенычъ получилъ у ней мѣсто.

По своей скуности генеральша не назначала никакого жалованья Семенычу, но одѣвала его весьма прилично и хорошо кормила. Вирочемъ и служба его, состоявшая изъ прикрикиванія на лакеевъ да на дворника, безъ всякой при томъ отвѣтственности съ его стороны, была самая скромная.

Въ пальто съ бобровымъ воротникомъ и такой же шапкѣ Семенычъ выглядѣлъ, если не графомъ, не барономъ, то по меньшей мѣрѣ главноуправляющимъ. Видный и осанистый къ тому же отъ природы, онъ наводилъ страхъ на жидковъ, имѣвшихъ къ генеральшѣ дѣло; они торговали у нея лѣсъ на весь-

ма значительную сумму. Известно, что дѣла такого рода, какъ покупка лѣсу, требуютъ со стороны заинтересованныхъ большой осторожности. Вмѣшательство-какойнибудь даже мелкой сошки, обойденной просто по забывчивости или не замѣченной, благодаря ея миниатюрности и мизерному виду, разрушаетъ подчасъ самыя хитрѣйшія комбинаціи и губить совсѣмъ уже налаженное дѣло. Предусмотрительные комерсанты, прежде чѣмъ приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, стараются устранить всѣ видимыя и невидимыя препятствія.

Въ лицѣ нашего героя жидки усмотрѣли нѣчто гораздо большее, чѣмъ мелкую сошку, а въ его ворчаніи почувствовали угрозу, которая казалась имъ тѣмъ страшнѣе, что Семенычъ ни разу не обмолвился объ интересовавшемъ ихъ дѣлѣ, и вопросъ о томъ, какую цѣною можно купить благоволеніе такого важнаго пана, для нихъ оставался открытымъ.

Между тѣмъ Семенычъ далеко былъ отъ мысли пожить-ся отъ жидковъ чѣмъ-нибудь, и даже болѣе того: рѣшительно не зналъ и не интересовался знать, ради чего жидки осаждаютъ квартиру генеральши, не зналъ даже о существованіи лѣса у генеральши. Если и выражалъ имъ свое неудовольствіе ворчаніемъ, то единственно потому только, что они своими посѣщеніями производили нѣкоторый беспорядокъ въ домѣ.

Когда между генеральшей и покупателями установилось уже нѣкоторое соглашеніе относительно цѣны за лѣсъ, въ комнату Семеныча входитъ прилично одѣтый еврей и послѣ краткаго привѣтствія суетъ въ руки нашего героя пачку кредитныхъ билетовъ. Семенычъ въ недоумѣніи, глядитъ вопросительно въ глаза еврею и только что собрался было спросить: не передать-ли генеральшѣ эту пачку, какъ еврей, понявшій по видимому нѣмой вопросъ Семеныча по своему, поспѣшилъ проговорить успокоительно:

— Будьте покойны относительно цифры. Ваше благосклонное участіе къ намъ и нашимъ интересамъ оцѣнены по достоинству. Не трудитесь провѣрять, а положите просто въ карманъ,

Съ этими словами еврей взялъ вѣжливо ту руку Семеныча, въ которой лежала пачка, и направилъ ее къ боковому карма-

ну. Пачка безпрепятственно опустилась въ пустой карманъ сюртука нашего героя, а еврей продолжалъ уже съ оттѣнкомъ фамилярности:

— Мы другъ друга должны понимать безъ словъ, по одному взгляду; не такъ-ли? Позвольте пожать вашу благородную руку и быть увѣреннымъ, что съ вашей стороны я, такъ сказать, вправѣ надѣяться на дружественное отношеніе къ себѣ, а главное — по вопросу, болѣе всего интересующему меня.

О чемъ толкуетъ еврей, какой такой вопросъ интересуетъ его, Семенычъ рѣшительно не понималъ. Не находя словъ для отвѣта на вѣжливое обращеніе еврея, Семенычъ почувствовалъ неловкость. Носъ его по обыкновенію сталъ вилять направо и налево. Не зная такихъ свойствъ носа Семеныча, еврей нѣсколько встревожился; это виляніе показалось ему подозрительнымъ, а потому онъ поспѣшилъ вынуть изъ своего бумажника одну крупную депозитку и проговорилъ закивающимся тономъ.

— Виновать! Вы не обидитесь, если я позволю себѣ предложить эту бездѣлицу на игрушки для вашихъ милыхъ внучатъ. Вы знаете, какъ они любятъ игрушки! Нельзя, возрастъ такой... Затѣмъ я направляюсь къ ея превосходительству вершить свое дѣло. Надѣюсь вы намъ не помѣшаете?

Послѣднія слова еврей проговорилъ торжественнымъ, серьезнымъ тономъ. Семенычъ радъ, что можетъ, наконецъ, сказать что-либо.

— Да я... чтожъ... ничего. Я собирался было отдыхать, когда вы вошли ко мнѣ; ну, да это пустяки, можно и потомъ.

Еврей снова встревожился и поспѣшилъ промолвить:

— Какъ можно? въ вашъ почтенный возрастъ мѣнять привычки вредно. Отдыхъ для васъ долженъ быть важнѣе всякихъ дѣлъ. Ложитесь сейчасъ же.

— Да я ничего... еще успѣю. Есть для этого и ночь...

— Безъ разсужденій ложитесь и отдыхайте, строго проговорилъ еврей. — А я чрезъ часъ или два зайду разбудить васъ еще кое-чѣмъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, я лучше отдохну.

По уходѣ еврея, Семенычъ поспѣшилъ развернуть бывшую у него въ рукѣ „бездѣлицу“, оказалась радужной. Вынулъ онъ изъ кармана пачку, а въ ней двадцать штукъ двадцати пяти рублевыхъ. Такой суммы денегъ у Семеныча отродясь не бывало.

Черезъ часъ снова явился еврей, уже сіяющій, и вручилъ Семенычу еще одну радужную.

Правда, еврей совершилъ съ генеральшей выгодную сдѣлку, которая дала ему много тысячъ барыша: но при чемъ тутъ былъ Семенычъ и за что свалилось къ нему семьсотъ рублей, одному Богу извѣстно.

XX.

Отставка Семеныча у генеральши. „По старости лѣтъ голодаю“. Куда дѣвалось бобровое пальто. Тщетныя вождельнія приобрѣсть новое пальто. Конецъ.

Вотъ теперь-то поправился Семенычъ, получивъ такую уйму денегъ, подумаетъ читатель. Ни мало! Даже многолѣтній опытъ голодовки не послужилъ для него урокомъ. Черезъ три дня отъ 700 руб. не осталось ничего, кромѣ пріятнаго воспоминанія; онъ всѣ денежки роздалъ, а кому—и самъ, я думаю, не помнилъ. По крайней мѣрѣ я достовѣрно знаю, что даже въ „минуты самыя трудныя“ онъ не заикнулся ни объ одномъ своемъ должникѣ.

Пристроивъ такимъ образомъ свои денежки, Семенычъ вскорѣ послѣ этого вынужденъ былъ разстаться съ своимъ мѣстомъ у генеральши, которая на склонѣ лѣтъ пожелала жить въ оградѣ Фроловскаго женскаго монастыря, гдѣ Семенычъ, какъ мужчина, хотя и не очень молодой, не могъ уже оставаться въ штатѣ генеральши.

Куда жъ было ему дѣваться? Припелся снова на старое мѣсто, въ усадьбу моихъ родителей, и снова принялся за подворную, книгу гдѣ прежде всего вписалъ себя и въ графѣ занятіяхъ и положеніи начерталъ: „по старости лѣтъ голодаю“. Иначе не могъ онъ опредѣлить своего положенія. Вѣдь такое занятіе,

какъ веденіе подворной книги, нельзя и считать занятіемъ. Принимая во вниманіе свой 65-лѣтній возрастъ, Семенычъ не могъ рассчитывать на что-либо лучшее, не могъ обманывать себя несбыточной надеждой найти благопріятный исходъ изъ своего голоднаго положенія. Горбъ нашего героя ясно свидѣтельствовалъ, что все, что человѣчество могло извлечь изъ него, уже извлечено, и на рынкѣ труда Семенычу прописана чистая отставка, но безъ пенсіона...

Прибыль онъ къ намъ отъ генеральши настоящимъ франтомъ. На немъ была суконная сюртучная пара, пальто съ бобромъ (не знаю настоящимъ ли) и мѣховая шапка. Генеральша, какъ было сказано выше, одѣвала его хорошо. Черезъ недѣлю я обратился къ Семенычу съ просьбой сходить куда-то по дѣлу.

— У меня теперь не во что одѣться, отвѣтилъ Семенычъ. — Одолжите развѣ свое пальто и шапку, такъ я схожу.

— А гдѣ-же ваше бобровое пальто?

Помялся, помялся Семенычъ, наговорилъ мнѣ цѣлую кучу разной безлѣпицы, пришелъ было и портного-мошенника и свои опасенія касательно моли, воровства; привелъ даже нѣсколько примѣровъ изъ газетъ и въ концѣ концовъ сознался, что пальто и шапку онъ заложилъ у ростовщика, такъ какъ Нина Петровна временно нуждалась въ деньгахъ, но что Нина Петровна скоро получить деньги, и онъ выкупитъ заложенное.

Нина Петровна, вдова, была сосѣдкой Семеныча; она занимала въ нашемъ домѣ комнату рядомъ съ келіей Семеныча. У вдовы была дочь лѣтъ 7 и никакихъ средствъ къ существованію. Этихъ двухъ обстоятельствъ достаточно было для того, чтобы Семенычъ обратилъ на нее свое милостивое вниманіе. А такъ какъ денегъ у Семеныча уже не было, то онъ представилъ въ распоряженіе Нины Петровны свое пальто и шапку.

Кстати скоро наступила весна; теплая одежда оказывалась лишней и о заложенныхъ пальто и шапкѣ забыли. Осенью Семенычъ хотя и вспомнилъ о своемъ бобровомъ пальто, но какъ-то вскользь, робко, словно о чемъ-то недосыгаемомъ. Затѣмъ въ продолженіе многихъ лѣтъ у Семеныча было завѣтной мечтой сколотить нѣсколько рублей для покупки себѣ пальто,

не боброваго конечно, а какого-бы то ни было, попроче, но разныя побочныя обстоятельства препятствовали ему осуществить свою мечту. Года черезъ три эта его завѣтная мечта была уже близка къ осуществленію; нужная сумма собрана, даже намѣчено было и самое пальто, продававшееся по случаю весьма сходно. Всѣ знакомые заранѣе поздравляли Семеныча съ обновкой и, шутя конечно, напрашивались на магарычъ или на вспрыски. Но, извольте видѣть, какую штуку сыграла съ нимъ злая фортуна?

Захожу я какъ-то къ Семенычу рано утромъ.

— Тихе, тихе! шепчетъ мнѣ Семенычъ, самъ ступая на цыпочкахъ.

— Что такое?... спрашиваю я въ недоумѣніи.

— У меня тутъ на время поселилась Полина; она теперь еще спитъ.

— Зачѣмъ-же она тутъ, когда ей нужно быть въ мастерской?

— Она убѣжала отъ своей мадамы и вся въ синякахъ. Мадамъ ее чуть не убила. Такъ вотъ до пріисканія другого мѣста поживетъ пока у меня.

Полина тринадцатилѣтняя дѣвочка, раньше жила въ нашемъ домѣ съ своей сестрой, молодой вдовушкой. Билась, билась молодая вдовушка съ нуждой и въ концѣ концовъ нашла себѣ покровителя въ лицѣ нѣкоего господина среднихъ лѣтъ, который принялъ вдовушку къ себѣ, а маленькую Полину помѣстилъ въ первую попавшуюся мастерскую. Вдовушка съ господиномъ среднихъ лѣтъ укатила въ Одессу, а Полину оставила на произволь ея хозяйки. Каково жилось бѣдной дѣвочкѣ, видно было по синякамъ.... Нечего было и спрашивать. Сбѣжала дѣвочка отъ злой мегеры и по старому знакомству прибилась къ доброму дѣдушкѣ, который не разъ баловалъ ее ласкоствами, когда она жила съ сестрой.

Вотъ тебѣ и пальто!... Куда уже тутъ и думать о немъ! Самому голодать можно, а дѣвочку, дитя, которое растетъ, морить голодомъ никакъ нельзя. Изъ экономіи Семенычъ отказывалъ себѣ въ чаецитіи, а если пилъ, то не у себя, а у кого

либо изъ добрыхъ сосѣдей: теперь-же, съ прибытіемъ къ нему Полины, пришлось раскошелиться: купить и сахару, и чаю, брать булочку, либо пеклеванивъ въ лавкѣ. Въ одномъ лишь Семенычъ не измѣнилъ экономіи: какъ раньше, такъ и съ прибытіемъ Полины вечера просиживалъ безъ свѣта въ комнатѣ. Пріотворить на половину дверь и пользуется полусвѣтомъ коридорной лампочки.

Для пополненія своихъ убогихъ ресурсовъ Семенычъ клеилъ бумажные кулечки для сосѣдней лавочки, но это занятіе мало доставляло ему прибыли; много-ли кулечковъ требуется для мелочной лавочки? И такъ, собранныя путемъ многихъ лишений 12 рублей Семенычъ вмѣсто того, чтобы купить на нихъ пальто, истратилъ на содержаніе Полины, которая прожила у него мѣсяца четыре, пока онъ не отыскалъ ей подходящее занятіе.

Но какъ-бы то ни было, а отсутствіе теплой одежды по временамъ давало таки Семенычу чувствовать себя. При наступленіи осени вопросъ о пріобрѣтеніи пальто всегда всплывала наружу. Съ теченіемъ времени этотъ вопросъ у Семеныча сталъ жгучимъ вопросомъ. При строгомъ воздержаніи можно было-бы кое-что собрать, но сберечь собранное и не впасть въ искушеніе, не расчувствоваться при видѣ нужды другого—для Семеныча было дѣломъ труднымъ.

Наконецъ ему удалось разрѣшить эту дилемму, благодаря ловко придуманной имъ комбинаціи, гарантирующей ему и образованіе нужнаго для пальто капитала, и, что всего важнѣе, неприкосновенность его. Изъ слѣдующаго ему жалованья, Семенычъ предложилъ удерживать по полтиннику въ мѣсяцъ до тѣхъ поръ, пока не составитъ необходимая для пальто сумма. Семенычу въ то время шелъ 72-й годъ, и по расчету выходило, что на 75-мъ году онъ непременно будетъ щеголять въ пальто. Комбинація безусловно блестящая. Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Семенычъ усугубилъ воздержаніе, сталъ отказывать себѣ въ самомъ необходимомъ: курилъ рѣже и дошелъ до того, что могъ откладывать уже не по полтиннику, а по рублю въ мѣсяцъ. Черезъ годъ съ чѣмъ-то у него образовалось сбереженій около

12 р.; мечта о пальто была весьма уже близка къ осуществленію; но тутъ случилось обстоятельство, рѣшившее многолѣтній жгучій вопросъ о пальто окончательно; обстоятельство это— смерть Семеныча.

Мѣсяца за два до смерти Семенычъ сталъ чувствовать какую-то внутреннюю слабость, отсутствіе аппетита, одышку, отвращеніе къ табаку и чаю, но не обращалъ на это никакого вниманія; далѣе спазмы въ желудкѣ стали сильно его донимать. Излюбленное лекарство его, сенесь, не приносило ему облегченія. Наконецъ нестерпимыя боли понудили его обратиться первый разъ въ жизни къ помощи врача. Приглашенный докторъ С—ій опредѣлилъ у него окостѣніе артерій и сообщилъ мнѣ, что дни Семеныча сочтены. Между тѣмъ больной и не помышлялъ еще о томъ, чтобы слечь въ постель, а все бродилъ по квартирамъ, записывая въ подворную книгу прибывающихъ, и только за четыре дня до смерти улегся въ постель.

Сильныя боли заставляли его искать помощи у врачей, и спасибо докторамъ Р—ому и С—ому, которые безвозмездно посѣщали больного, принося ему, если не облегченіе, то хоть утѣшеніе. Единственной пищей служило ему 6-ти коп. пиво, которое во время болѣзни онъ пилъ по рюмочкѣ. На мой вопросъ, не вредно-ли пиво больному, докторъ отвѣчалъ, что ему уже ничто не вредно.

Не желая тревожить постороннихъ уходомъ за собою, Семенычъ потребовалъ, чтобы прицѣпили къ вѣшалкѣ бичевку и при помощи ея привставалъ и поворачивалъ свое исхудавшее и почернѣвшее тѣло.

17 марта 1893 г. въ полдень душа нашего героя покинула изстрадавшуюся оболочку свою земную. Смерть его была тиха. Глаза его, устремленные на икону, благословеніе его матери, какъ будто спрашивали о чемъ-то и изумлялись чему-то.

Умеръ нашъ герой, не оставивъ по себѣ никакого портрета. Сколько ни уговаривали его знакомые сняться, онъ ни за что не соглашался, отговариваясь тѣмъ, что тогда онъ не жилецъ на бѣломъ свѣтѣ.

За двѣ недѣли до смерти одинъ изъ его академическихъ „воспитанниковъ“ протоіерей Ф—ій напутствовалъ его и приобщилъ св. Таинъ, при чемъ долго съ нимъ бесѣдовалъ о тѣхъ блаженныхъ временахъ, когда они составляли съ академіей и ея незабвеннымъ свѣтильникомъ, ректоромъ Димитріемъ, что-то неразрывно-общее. Живой струей лилась ихъ бесѣда съ восторженными воспоминаніями о событіяхъ и лицахъ за полъ-вѣка назадъ; но главнымъ центромъ этихъ воспоминаній была дорогая для нихъ *Alma Mater*.

А скажите, къ кому-же, какъ не къ комиссару, болѣе всего подходитъ симпатичный эпитетъ—*alma*? Кого только во время своего комиссарства не кармливалъ Семенычъ!...

Н. Равитинъ.



„ПОПОКЪ“.

Повѣсть изъ быта донскихъ малороссовъ¹⁾.

XXI.

Долго тянулся этотъ годъ тюремнаго житья, и много воды утекло за это время. Судьбѣ угодно было въ теченіе этого года вырвать у Хведька многое, что могло-бы современемъ укрѣпить его опять на грунтѣ сельской жизни.

Началось съ того, что въ августѣ пріѣхавшіе въ казначейство сборщикъ и староста Андреевскіе оповѣстили Хведька о смерти его матери, при чемъ сказали, что присланныя отъ отца по почтѣ деньги въ количествѣ 25-ти рублей, частію удержаны въ видѣ подати, а остальные 14 рублей съ копѣйками отданы его сестрамъ, Полькѣ и Машкѣ. Кромѣ того, изъ прочитаннаго въ расправѣ письма извѣстно, что его отецъ останется на низахъ и на осеніе сплавы плотовъ, чуть не до Казанской (22 октября). Затѣмъ дивчата, т. е. сестры, спрашиваютъ его, можно ли пустить въ хату квартирантовъ, бондари съ женой съ винокуреннаго завода, и продать корову, такъ какъ имъ за присмотромъ хаты и коровы нельзя будетъ отлучиться и на конку свеклы, а это наилучшій заработокъ.

Понурившись, выслушавъ Хведько всѣ эти новости и еле слышно промолвилъ: Що жъ! нехай! якъ знають...

¹⁾ См. „Кіевск. Стар.“ 1894 г., № 8.

Къ матери своей никогда онъ не относился съ особою нѣжностію, а въ послѣднее передъ постигшей его катастрофой время онъ даже все больше и больше отрознился отъ нея, какъ бы въ силу того, что близокъ былъ для него часъ, когда онъ долженъ былъ „оставить отца и мать свою“, но теперь, когда ея не стало, когда онъ такъ неожиданно узналъ о ея смерти, когда ему пришло на память, что не онъ ли самъ со своими похождениями причина ея преждевременной смерти,—ему такъ стало жаль ея, что онъ еле могъ окончить свиданіе съ вѣстниками о ея смерти и сейчасъ же, закусивши нижнюю губу, чуть не бѣгомъ прошелъ дворъ, лѣстницу и корридоръ и, добравшись до наръ, упалъ на нихъ и далъ волю слезамъ.

Шляховой, который только и былъ одинъ въ камерѣ около своей шевской табуретки, оглянулся на Хведька и, увидавъ его лежащаго ничкомъ съ покрытою халатомъ головою, подошелъ къ нему...

— Эге-ге! Такъ ты що жъ, хлопче, такъ тоскуешь? Пора, парень, вже обтерпитися. Усе гараздъ будетъ! сталъ утѣшать его, предполагая, что это обычный приливъ тюремной тоски.

— Иди сюда! тутъ у мене есть чимъ тоску залить,—и, открывъ потайную похоронку въ толстой ножкѣ наръ, досталъ оттуда плоскую бутылочку съ водкой.

— Ось на, лишень, ковтны! Усьо горе забудешь!

Хведько опомнился, что онъ въ камерѣ не одинъ, рукавомъ грязной сорочки отеръ слезы, сѣлъ и на вторичное приглашеніе подошелъ къ Шляховому, взялъ поданную ему бутылочку и залпомъ почти всю ее выпилъ. Шляховой только цмокнулъ, увидавъ такую нецеремонность Хведька въ потребленіи дорогой въ острогѣ водки, но въ силу особаго покровительства къ затосковавшему Хведьку онъ промолчалъ.

Не залила однакожъ выпитая Хведькомъ водка его горя, а, напротивъ, оно у него какъ-то еще яснѣе обрисовалось въ душѣ. Возбужденный хмѣлемъ мозгъ отчетливѣе восстанавливалъ себѣ его сиротливость, его оставленіе матерью, которой онъ больше не увидитъ.

— Все это послѣ водки еще больше его растрогало, и онъ опять еще пуще залился слезами.

Шляховой, очевидно пріобыкшій къ этимъ проявленіямъ тоски, только вздохнулъ, мотнулъ головою и продолжалъ тачать голенище сапога, а когда съ коридора послышался голосъ надзирателя, вызывающаго Хведька на дровотню, то онъ заявилъ, что Хведько лежитъ больной въ лихорадкѣ.

Проводивъ надзирателя, Шляховой, остановившись надъ лежащимъ на нарахъ Хведькомъ, сказалъ ему.

— Ты жъ уже такъ и лежи, якъ що спытають, то скажи, що голова болыть. Та гляды, не повертайся лицемъ и не дыхны, а то зразу розберуть... Заснешь, воно и полегшае...

Дѣйствительно, возбужденіе стало уступать отуманенію, и скоро благотворный сонъ успокоилъ несчастнаго парня.

Къ обѣду Шляховой не велѣлъ его будить, а только когда въ три часа дня стали собирать партію на тюремный огородъ, тогда проснулся Хведько съ головою болью и пошелъ со всѣми.

На огородѣ собственно и работы то уже не было никакой, такъ какъ капуста и другія овощи не требовали поливки, а арестантовъ водилъ смотритель больше для ихъ и для своего удовольствія. Въ тюрьмѣ невыпускъ на огородъ считался своего рода мѣрою наказанія, которая изрѣдка примѣнялась добрякомъ смотрителемъ къ арестантамъ, въ болѣе рѣзкой формѣ проявлявшимъ свою строптивость.

Шляховой вошелъ въ роль покровителя и Ментора Хведька. Онъ сумѣлъ упросить смотрителя, чтобы Хведька дали ему въ помощь въ качествѣ перешивальника. Постепенно онъ обучалъ своего протеже сапожному мастерству, и это мастерство спасало послѣдняго отъ овладѣвающей большинствомъ арестантовъ лѣни и затѣмъ многихъ иныхъ послѣдствій этой лѣни.

Хведько сталъ усерднымъ и сверхъ чаянія даже умѣлымъ помощникомъ Шляхового, чѣмъ вполне вознаграждалъ его покровительство, такъ какъ заказы стали исполняться значительно скорѣе.

Между тѣмъ еще одно горе посѣтило его, какъ бы въ оправданіе той поговорки, что напасть всегда ходитъ въ компа-

ни: пришло извѣстіе, что отецъ его, ушибленный рычагомъ ворота на плотѣ, умеръ. Извѣстіе это не вызвало въ немъ такой жалости, какъ вѣсть про смерть матери, можетъ быть и потому, что вѣчно отсутствующій, всегда на заработкахъ, отецъ его не былъ къ нему такъ близокъ, какъ мать. Но онъ созналъ себя единственнымъ представителемъ семьи и поддержкою оставшихся на его рукахъ двухъ сестеръ дѣвиць.

Теперь тюрьма стала тѣсною для него не въ силу свойственнаго всѣмъ узникамъ чувства стѣсненія и не въ силу тѣхъ неопредѣленныхъ порывовъ на волю, въ коихъ стремленіе къ Мелашкѣ играло немаловажную роль, а по причинамъ чисто практично-житейскимъ: онъ понималъ, что дома нужно хозяйничать, нужно распорядиться.

По его переказу уже въ филипповку по снѣгу посѣтили его сестры, Польшка и Горпына. Заранѣе обдумавъ все, онъ далъ имъ наставленія, какъ сохранить какъ деньги, оставшіяся послѣ отца въ количествѣ 56 рублей, такъ и небольшіе запасы зерна на весенній посѣвъ, а равно и тотъ кормъ, который остался непотребленнымъ за продажею коровы. Онъ понималъ, что за этотъ кормъ можно будетъ весною вспахать и засѣять поле.

Это свиданіе Хведька съ сестрами такъ и ограничилось этою дѣловитостію, и хотя у него и вертѣлось на мысли спросить про сосѣдей, а значить и про Мелашку, но такъ онъ и не спросилъ, а только выслушалъ о томъ, какъ квартирантъ бондарь обставилъ сѣверную стѣну избы коноплями и какъ трудна была получка денегъ изъ экономіи Лутнева за кошку свеклы.

Теперь онъ уже цивилизовался на столько, что сумѣлъ разчислить, сколько именно времени ему еще оставалось сидѣть въ тюрьмѣ, что впрочемъ давалось ему при помощи Шляховаго, которому онъ не переставалъ помогать въ сапожничествѣ. По расчету выходило, что срокъ содержанія въ тюрьмѣ оканчивается ему какъ разъ въ Петровку.

Далеко еще! Еще только наставала зима съ ея холодными короткими днями и нескончаемо длинными ночами, когда узни-

камъ приходилось томиться запертыми въ камерахъ—сезонъ самый скучный для тюремныхъ обитателей.

Короткій зимній день скоро проходилъ въ обычной сутолокѣ—уборкѣ камеръ, носкѣ воды, въ разныхъ обыденныхъ событіяхъ, иногда разнообразящихъ тюремную жизнь,—а затѣмъ наставалъ вечеръ и безконечная ночь. Духота, вонь въ камерахъ, общая какая-то пригнетенность—все это или заставляло арестантовъ до одури спать, или отводить душу въ картежной игрѣ. Немногіе были такъ счастливы, какъ Хведько: имѣли опредѣленное дѣло, спасавшее ихъ отъ тоски и развитія лѣни.

Хведько помогалъ Шляховому и, повторяемъ, все больше и больше усваивалъ себѣ это умѣніе сапожничества. Нужно при этомъ сказать, что и самъ маэстро Шляхой сему искусству научился, просидѣвъ раньше около года въ этой-же тюрьмѣ. Теперь онъ по приговору Окружнаго Суда отсиживалъ уже второй годъ въ тюрьмѣ взамѣнъ арестантскихъ ротъ, куда его не послали вслѣдствіе его болѣзни грыжею и благоволенія къ нему смотрителя тюрьмы, сзумѣвшаго упросить мѣстное начальство оставить ему Шляховаго, какъ нужнаго человѣка.

Рождественскіе праздники мало чѣмъ украсили осторожную жизнь. Усиленная приборка, чистка острога, усиленное подаваніе отъ благочестивыхъ горожанъ, да нѣсколько посѣщеній—только и отличали отъ скучныхъ будней сѣрый обиходъ тюрьмы, сквозь намерзшія окна которой нельзя было даже путемъ посмотрѣть на праздничное движеніе въ городѣ.

Хведька тоже провѣдали сестры, при чемъ онъ узналъ, что Польку сватаютъ на Бемовку, а Машкѣ совѣтуютъ наняться въ горничныя въ семейство Бемовскаго конторщика. Какъ выйти замужъ, такъ и наняться въ люди совѣтуютъ не только сосѣди, но и „титка Горпына“, родная сестра ихъ отца, которая обѣщала и сама побывать у него и обо всемъ уговориться, если только онъ „подастъ слово“, т. е. изъявитъ согласіе на это.

Что-же Хведьку оставалось дѣлать? Разумѣется, онъ изъявилъ согласіе на выходъ замужъ сестры Польки, тѣмъ болѣе, что сватающіе ее брали на себя всѣ свадебные расходы и давали невѣстѣ на покупку кожуха восемнадцать рублей. Само

собою, что послѣ выхода замужъ старшей сестры, меньшей Машѣ ничего иного не оставалось, какъ наняться въ люди.

Все это было условлено при свиданіи съ прибывшею нарочно для того теткою Горпыною съ Полькою, при чемъ на совѣтѣ порѣшили, что хата останется занятою квартирантомъ—бондаремъ, а худоба, какая останется въ ней, будетъ заперта въ чуланѣ.

Хотя всѣ эти распоряженія естественно вытекли изъ обстоятельствъ и хотя поступить иначе и нельзя было, тѣмъ не менѣе, устроивая все это, Хведько чувствовалъ, хотъ и неясно, что вмѣстѣ съ этимъ у него уничтожается что-то связующее его съ селомъ, съ сельскою жизнью, что онъ что-то теряетъ.

Нѣсколько разъ порывался онъ спросить посѣщавшихъ его сестеръ про Мелашку, но такъ и не спросилъ.

XXII.

А между тѣмъ одновременно со сватаньемъ Польки шло сватовство и Мелашки.

Ее сватали за неособенно виднаго жениха. Какъ уже послѣ оказалось, жениха этого уже сватали два мясоѣда, да никакъ не могли найти ему невѣсту, и вотъ допытались о Мелашкѣ, надежда на отдачу которой зиждилась на томъ, что она уже (по обычаямъ села) засидѣлась въ дѣвкахъ и что намѣченный ей женихъ Хведько сидитъ въ острогѣ.

Расчетъ оказался вѣрнымъ: мать и отецъ Мелашки не долго отнѣкивались и скоро сказали:

— Що жъ! Мы хлиба-солы не цураемся и добрымъ людямъ ради. Тильки отъ якъ дивка скаже?—ій зъ нымъ викуваты...

Мелашка, между тѣмъ узнавшая уже отъ молодежи о старостахъ, ни жива ни мертва сидѣла у Сохвы, рвала неладившуюся пряжу и прислушивалась къ малѣйшему шуму на улицѣ.

Дѣйствительно, скоро послышался скрипъ мерзлаго снѣга, и изъ-за облака пару въ отворенныхъ дверяхъ хаты Сохвы показалась фигура Ивашка, подростка—брата Мелашки, который, какъ-то изъ подлобья смотря, сказалъ:

— Иды, тамъ тебе вьлчуть!

И Сохва, и Мелашка, и еще бывшія тамъ-же на „попрядкахъ“ двѣ дивчины—всѣ хорошо знали, что значить этотъ по-солъ, но тѣмъ не менѣе съ особымъ любопытствомъ устремили глаза на Ивашка, когда онъ на понурый вопросъ Мелашки—зачимъ?..—отвѣтилъ.

— Тамъ сама побачишь...

— Иды! я прійду—сказала приглашаемая.

— Заразъ иды—маты прыказувала! повторилъ Ивашко и вышелъ.

Мелашка, блѣдная, съ опущенною съ концомъ нитки рукою, молча сидѣла около остановившейся прялки. Остальныя пряхи тоже пріостановились съ работой. Въ хатѣ стало тихо, только слышно было, какъ вѣтеръ завывалъ въ печномъ дымарѣ, да слегка потрескивалъ фитиль каганца.

Сохва первая прервала молчаніе.

— Що-жъ, дивко, иды! що небудь скажи!—обратилась она къ Мелашкѣ, которая, не подымая рѣсницъ, благодаря любопытнымъ взорамъ сопрядильницъ и Сохвы и отхлынувшей отъ сердца крови, покраснѣла, что называется, до корня волосъ.

— Не пійду! хай ему бись! отозвалась она почти шепотомъ.

— Чому не пійты? пійты треба, що-жъ людей водыть?—совѣтовала Сохва.

Но Мелашка вдругъ какъ-бы въ подтвержденіе своего рѣшенія, поплевала на пальцы, энергично смыкнула съ гребня кудели и привычною ногою завертѣла прялку.

Всѣ послѣдовали ея примѣру и тоже начали прясть, какъ-бы ни въ чемъ не бывало, хотя на лицѣ каждой изъ молча прядущихъ пряхъ можно было ясно прочесть вопросъ: Ну, ну! посмотримъ, что изъ этого выйдетъ?...

А вышло то, что обыкновенно должно было выйти и что выходить въ этихъ случаяхъ въ крестьянской средѣ, гдѣ суровая дѣйствительность сплошь и рядомъ беретъ верхъ надъ сердечными порывами и заглушаетъ всякую нѣжность.

Мать Мелашки хорошо понимала, что ея дочь по обычаямъ села должна была быть отдана замужъ еще прошлую зиму, а

такъ какъ она пересидѣла и осенній мясоѣдъ, то неотдача ея замужъ въ этотъ сезонъ угрожала ей возможностью остаться въ дѣвкахъ, что, разумѣется, было крайне нежелательно. А потому...

Не смотря на то, что Мелашка прямо и наотрѣзъ отказалась выходить замужъ, что этотъ отказъ ея въ рѣзкой формѣ высказанъ былъ ея жениху, и не смотря на ея слезы и плачъ, ее выругали, два раза побили и въ концѣ концовъ ни живую, ни мертвую свезли въ церковь и повѣнчали. Ея противленіе только стало причиною попрековъ новой семьи и неласковости молодого мужа.....

Уже на масляной одинъ изъ водоносовъ арестантовъ—воду носили съ рѣки Дона—полусерьезно, полупуштя сказалъ Хведьку.

— А тамъ на ричци роспытувавъ про тебе одынь чоловікъ, такъ ще молодой парняга—коней напувавъ—и переказувавъ, що твоя невеста вийшла замужъ.

Хведько сразу даже и не вдумался въ эти слова—ему почему-то даже показалось, что рѣчь идетъ про его сестру, вышедшую замужъ на всеядной недѣлѣ, но послѣ, когда сообразилъ, ему стало болѣе понятно это извѣстіе.

Сейчасъ же кинулся онъ внизъ искать этого вѣстника, но на бѣду онъ съ прочими былъ взятъ для очистки базарной площади. Пришлось дожидаться обѣденной поры.

Не сидѣлось Хведьку за шевскимъ столикомъ; онъ то и дѣло срывался съ мѣста и выбѣгалъ изъ камеры, что даже обратило вниманіе Шляхового.

— Це, чи не жывить въ тебе болыть?—спросилъ его Шляховой.

— Ни, це я такъ!—мрачно отвѣтилъ Хведько, держа въ рукахъ шило, но не работая имъ, а смотря въ сторону.

Шляховой уже попривыкъ къ неблагополучнымъ вѣстямъ изъ дома Хведька, а потому, замѣтивъ его задумчивость и хмурость, опять спросилъ.

— Хиба що таке почувъ зъ воли?

— Ни, це я такъ!—отвѣтилъ Хведько опять.

Когда зазвонили на обѣдъ, Хведько, обыкновенно ходившій на кухню за пищею для себя и для Шляхового, на сей разъ побѣжалъ внизъ безъ всякой посуды съ намѣреніемъ разспросить Лазебнаго—такъ звали того водоноса—поподробнѣе „про переказъ“; но когда онъ очутился въ кучѣ, столпившейся около дверей кухни, гдѣ староста раздавалъ хлѣбъ и гдѣ въ числѣ прочихъ былъ и Лазебный,—вопросъ, съ которымъ онъ протѣснился къ послѣднему, замеръ у него на губахъ, и онъ по особому чувству совѣстливости не рѣшился спросить его о томъ, какъ именно и кто такой передалъ ему эту горькую вѣсть, а только стоялъ около него, стыдяся даже посмотрѣть ему въ глаза.

Арестанты поочередно входили въ кухню, гдѣ кухари наливали имъ въ миски и шайки жиденькія щи, брали у стоявшаго у дверей старосты порціи хлѣба и удалялись по камерамъ.

Уже почти всѣ разошлись, остались только такіе, которые особо для себя стряпали на кухнѣ свое; уже и для женскаго отдѣленія взяли два надзирателя пищу, уже и Лазебный давно ушелъ, а Хведько стоялъ задумавшись, втиснувшись въ уголокъ около дверей:

— Ты что-жъ это, Хведоръ, стоишь? Нѣшто свое что готовилъ съ Девисычемъ?—такъ звали Шляхового—спросилъ повернувшійся Николенко и этимъ вопросомъ какъ-бы разбудилъ Хведька, который тутъ только сообразилъ, что наверху Шляховой ожидаетъ по обыкновенію обѣда и что у него нѣтъ чашки для щей съ собою. Отряхнувшись отъ этого отупѣнія, онъ побѣжалъ на верхъ за чашкой.

Шляховой уже ожидалъ его, помылъ руки и стоялъ около накрытой какою-то ветошкою табуретки, но, увидѣвъ Хведька, вошедшаго безъ всего, крайне удивился и только что хотѣлъ спросить, что это значитъ, какъ увидѣлъ, что Хведько преспокойно сѣлъ на нары, устремивъ въ одну точку задуманный взоръ.

— Эге, онъ воно що!—промолвилъ про себя, мотнувъ головою, Шляховой и, взявъ чашку, отправился внизъ за пищею для себя и для Хведька.

— Вернувшись, онъ уже не засталъ его на нарахъ, прошелъ по корридору, заглянулъ въ другія камеры и, не нашедши Хведька, сѣлъ обѣдать самъ, раздумывая о томъ, что бы такое особое могло случиться съ его ученикомъ.

Всѣ размышленія о Хведькѣ сводились у его Ментора на то, что онъ, Хведько, тоскуетъ, а рѣзкость проявленія этой тоски клалась въ счетъ уже обнаружившейся порывистости его характера и молодости.

Между тѣмъ тоскующій Хведько безъ шапки, въ одномъ только халатѣ и въ опоркахъ на босу ногу шагаль вдоль задней стѣны тюремнаго корпуса, гдѣ никого, благодаря обѣденной порѣ, не было, и тутъ никто его не могъ видѣть, такъ какъ въ ту сторону зданія выходили два совершенно закопченныя окна кухни, два цехаузныя окна, окна заброшенной на зиму ради экономіи отопленія мастерской и окно задней комнаты тюремной конторы, гдѣ днемъ тоже никого не бываетъ.

Полученное Хведькомъ извѣстіе какимъ-то гвоздемъ, тормозившимъ всякія иныя размышленія, стояло у него въ мозгу. Сомнѣніе, которое онъ хотѣлъ было разяснить разпросомъ Лазебнаго, теперь почему-то совершенно исчезло, и онъ былъ увѣренъ, что Мелашка выдана замужъ, такъ увѣренъ, какъ-бы это все произошло при немъ, на его глазахъ.

Наконецъ его увидали; одинъ за другимъ обратили вниманіе на неестественность его прогулки въ такую холодную погоду безъ шапки, въ опоркахъ и въ развѣвающимся халатѣ, и кто-то объ этомъ сказалъ Шляховому.

— Що се ты? Одуривъ, чи що?—обратился къ Хведьку выбѣжавшій Шляховой.—Це можно здоровья соби збавить! Ходимъ у каморь! Господь зъ тобою!—мягко заговорилъ онъ, воочію убѣдившись, что съ нимъ приключилось что-то неладное.

Хведько безпрекословно повиновался своему ментору, пошелъ за нимъ и, приведенный въ камеру, молча, свалился на нары.

Арестанты, узнавшіе отъ Лазебнаго причину этого ошеломленія Хведька, съ соболѣзнованіемъ отвеслись къ нему.

— Эхъ-ма!—Жаль парня!—кое-кто отозвался.

Къ вечеру Хведько разгорѣлся весь, а ночью сталъ бредить и метаться, безпокоя своихъ соузниковъ. Явившійся на другой день фельдшеръ сказалъ, что у него горячка, и послѣ осмотра докторскаго его взяли въ городскую больницу, гдѣ имѣлось особое отдѣленіе для арестантовъ, охраняемое особо наряжаемымъ карауломъ.

Хведько такъ ослабъ, что идти въ больницу не могъ, и его пришлось перевезти на истребованной съ пожарнаго двора лошади.

У него оказался форменный тифъ, и только черезъ двѣ недѣли въ тюрьмѣ черезъ фельдшера узнали, что есть надежда на его выздоровленіе, такъ какъ кризисъ болѣзни миновалъ, въ чемъ не мало помогла молодая, здоровая его натура; но въ больницѣ еще долго пришлось ему пролежать.

Шляховой умудрился провѣдать Хведька, пристроившись къ посылаемымъ для очистки больничныхъ ретиратовъ арестантамъ. Но это посѣщеніе ухудшило только состояніе здоровья больнаго, такъ какъ посѣтитель-менторъ проявилъ свою сердобольность принесеніемъ провѣдываемому селедки со шкаликомъ водки.

Хведько, начинавшій было уже поправляться и, значить, „алкать“, какъ всѣ выздоравливающіе, съ удовольствіемъ выпилъ водку и сожралъ всю до косточки большую селедку—бѣшенку. Сейчасъ-же у него появился жаръ, бредъ и, не смотря на огромную приставленную фельдшеромъ къ его затылку мушку, состояніе его много ухудшилось, и тѣмъ затянулось пребываніе въ больницѣ.

XXIII.

Такъ для него и свѣтлый праздникъ прошелъ въ больницѣ, и только уже къ концу апрѣля онъ опять, какъ выздоровѣвшій, былъ доставленъ въ тюрьму.

Шляховаго уже тамъ не было. Онъ былъ выпущенъ по окончаніи срока высѣдки и принятъ обществомъ своего села въ

свою среду. Старшій ключникъ передалъ Хведьку оставленные для него Шляховымъ три шила, источенный сапожный ножикъ, доску и „потягачъ“—ремень и двѣ пары колодокъ.

Настала уже весна. Окрестности города зазеленѣли; лугъ, хотя еще не совсѣмъ освободившійся отъ залившей его весенней воды, зеленѣлъ блѣдною зеленью распустившихся подмоченныхъ половодьемъ лозъ; даже песчаная базарная площадь зеленѣла выбившейся изъ-подъ песку и навозу растительностию, не соженою еще солнцемъ и невытопанною еще нелюдными въ эту пору базарными сборищами.

Въ открытыя окна тюрьмы, особенно ночью, вливался свѣжій и влажный воздухъ весны, доносилось щелканіе соловьевъ и кваканье лягушекъ.

Все это усугубляло тягость заключенія, вызывало въ душахъ узниковъ порывы, стремленія куда-то въ даль, въ поле, въ степь... на волю.

Никто изъ арестантовъ не сидѣлъ въ камерахъ—всѣ по-вылазили на ясное солнышко, на пригрѣтыя имъ каменные плиты двора; всѣхъ какъ то разнѣжило, поразомлѣли всѣ...

И чѣмъ моложе лѣтами и срокомъ знакомства съ тюрьмою былъ арестантъ, тѣмъ тяжелѣе переносилъ онъ это томленіе, это пригнетеніе пробудившихся съ новою силою порывовъ.

Хведько, точно вновь народившійся, съ нѣжною, заново выросшею бородкою и усами и съ облѣзлою отъ горячки головою, особенно какъ-то затосковалъ: въ немъ явился необычайный приливъ жизни, порывы къ чему-то ему непонятному, къ чему-то такому, на что, кажется, онъ не пожалѣлъ бы всего себя, всего своего естества...

И всѣ эти порывы сдерживались этими желѣзными воротами, этимъ мизернымъ солдаткомъ съ ружьемъ, этими стѣнами, рѣшетками, этою всею обстановкою тюрьмы—затвора.

Съ какимъ удовольствіемъ отправлялся онъ на работы внѣ тюремнаго двора, на чистку базарной площади, на носку воды и на снукъ отстроенныхъ на берегу Дона суденъ, куда обыкновенно брали изъ тюрьмы за особую плату арестантовъ. Огородъ былъ еще залитъ водою, и работы тамъ начались только

въ концѣ мая... Съ какою неохотою возвращался онъ въ тюрьму! Какъ его подманивало не разъ бѣжать, особенно когда онъ находился внѣ стѣнъ, но за желѣзными воротами и рѣшетками удерживала его отъ исполненія этого желанія не боязнь стражи, которая ему почему-то казалась вовсе не страшною, и не боязнь послѣдствій бѣгства, которыхъ онъ не зналъ и о которыхъ не думалъ, а попросту своего рода чувство совѣстливости. Какъ это онъ будетъ бѣжать, люди будутъ тюлюкать, гнаться за нимъ, какъ онъ будетъ прятаться, какъ неловко ему было-бы передъ тѣмъ же ключникомъ Тарасевичемъ и предъ тѣмъ же, всегда къ нему ласковымъ, смотрителемъ Лошадкинымъ! И онъ подавлялъ въ себѣ порывы, хмурился, тосковалъ и впадалъ въ апатію.

Вѣстей изъ Андреевки, какъ нарочно, не было, и онъ какъ то мало даже порывался туда. Тамъ у него ничего не было, чтобы тянуло его къ себѣ. Одна сестра была замужемъ, другая жила у кого-то въ услуженіи. Мелашка... онъ только разъ было и вспомнилъ ее, когда увидѣлъ простыхъ деревенскихъ женщинъ, пришедшихъ посѣтить кого то изъ его соузниковъ. Она ему вспомнилась, какъ будто кто изъ умершихъ, безвозвратно утраченныхъ. Такъ вспомнилась ему его мать. Все село, вся обстановка сельской жизни послѣ его болѣзни какъ будто улетучились изъ его памяти, и онъ, стараясь иногда вспомнить все это, никакъ не могъ представить себя самого въ иной обстановкѣ.

Но разъ ему пришлось обстоятельнѣе вспомнить слободу, ея обывателей и все случившееся съ нимъ передъ постигшей его бѣдою.

Его вызвалъ городской Мировой Судья для спроса въ качествѣ свидѣтеля по дѣлу обвиненія кабатчика Жердева въ покупке завѣдомо краденнаго, т. е. тѣхъ злосчастныхъ бурячныхъ сѣмянъ. Допросъ этотъ производился по просьбѣ Андреевскаго мирового судьи и долго откладывался по причинамъ болѣзни Хведька.

Въ сопровожденіи двухъ конвойныхъ, отправился онъ, одѣтый въ нарочно для него выданный ему смотрителемъ халатъ, въ

камеру мирового судьи. Стараясь не смотрѣть на людей, шель онъ черезъ базаръ, мимо мелочныхъ лавочекъ и ряда торговыхъ. Одна изъ нихъ подала ему два бублика.

Въ передней камеры, гдѣ пришлось ему дожидать прихода судьи, Хведько увидалъ Жердева, который поздоровался съ нимъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, сталъ уговаривать его, чтобы онъ показалъ на допросѣ, что сѣмена онъ ему продалъ за свои

— Вотъ какъ пришлось, другъ любезный! Всѣ подь Богомъ ходимъ—говорилъ онъ шопотомъ.—Вѣдь я тебя не искалъ, самъ ты мнѣ принесъ ихъ и самъ же ты взялъ у меня деньги, или все равно—водки бутылку? Вѣдь ты же говорилъ, что это твои сѣмена? А?! Всѣ умирать будемъ! Тебѣ что за польза меня топить?! Пригожусь вѣдь еще, да смотри еще какъ! Такъ, какъ было, такъ и говори, на одномъ стой—свои моль сѣмена продавалъ, а не экономическія. Хведько слушалъ всѣ эти уговариванія и иначе, какъ это ему рассказывалъ Жердевъ, онъ не могъ себѣ представить въ памяти всего съ нимъ случившагося. Почему то онъ затвердилъ себѣ, что ему слѣдуетъ говорить, что сѣмена, принесенныя Жердеву, были его собственныя. Все остальное, сопровождавшее его осужденіе и арестъ, онъ положительно забылъ. И когда судья, продѣлавъ непонятую Хведькомъ процедуру составленія заголовка протокола, допроса и отобранія подписки и присяги, приступилъ къ допросу его, то онъ, предупреждая послѣдовательность вопросовъ, началъ говорить:

— Я семена свои йому прынисъ...

— Подождите. Все по порядку будетъ записано—остановилъ его судья и началъ съ вопроса о его званіи, имени, отчества и фамилии, а также объ отношеніяхъ къ обвиняемому.

При разъясненіи послѣдняго вопроса Хведько вдругъ вспомнилъ все то, что происходило въ кабацкѣ Жердева, и объяснилъ, что этотъ послѣдній „пидводывъ начальныкивъ“, подразумѣвая подь этимъ прежде всего волостного старшину.

Судья ничего не понималъ изъ объясненій Хведька и, не добившись обстоятельнаго рассказа, записалъ въ протоколъ

только то, что „сѣмена Жердеву онъ продавалъ свои и не говорилъ ему, что они экономическія.“ Этимъ и окончился допросъ Хведька, въ памяти коего однакожь возстановились всѣ обстоятельства передачи сѣмянъ и судъ надъ нимъ, и бывшанное этими воспоминаніями раздраженіе стало уже вывѣляться наружу.

— Вони мене были, пидводили начальныкыивъ—все твердилъ онъ. Судья, закончивъ дѣло допроса, приказалъ увести его изъ камеры.

На крыльцѣ подошелъ къ нему Жердевъ и, сунувъ въ руку двугривенный, сказалъ:

— Прости, братъ Хведоръ! Всѣ мы грѣшныя, всѣ подь Богомъ ходимъ! Смотри—пригожусь!

Съ опущенною головою и съ зажатымъ въ рукѣ двугривеннымъ прошелъ Хведько опять черезъ базаръ въ тюрьму и тамъ ничего не могъ отвѣтить и объяснить вопрошающимъ его союзникамъ.

Въ первый разъ теперь онъ сталъ объяснять все съ нимъ случившееся. Ошеломленный арестомъ, заключеніемъ у Бычкова, а послѣ въ тюрьмѣ, опечаленный смертями матери и отца и наконецъ вызвавшею продолжительную болѣзнь вѣстію о выходѣ замужъ Мелашки, Хведько какъ-то мало обсуждалъ все съ нимъ случившееся, довольствуясь сложившимся на первыхъ порахъ убѣжденіемъ, что все это устроено за что-то злымъ на него старшиною. Теперь у него мысль о случившемся работала въ иномъ направленіи. Сидѣнье въ тюрьмѣ дало ему возможность понимать, разумѣется по своему, соразмѣрность наказанія, и рассказы союзниковъ о разныхъ судахъ и судьяхъ выяснили ему, что годъ тюремнаго заключенія далеко не соотвѣтствовалъ его винѣ, если бы даже и можно было считать его виновнымъ въ кражѣ сѣмянъ. Эта несоразмѣрность, въ силу установившагося въ тюрьмѣ мнѣнія о жестокости мирового судьи 2 участка, всецѣло въ умѣ Хведька клалась на счетъ этого судьи и волостного старшины, а самое обвиненіе его въ томъ, въ чемъ онъ не сознавалъ себя виновнымъ, складывалось на общую враждебность людей состоятельныхъ къ бѣднымъ, а особенно къ

острожнымъ сидѣльцамъ. Онъ, разумѣется, не соображалъ, что враждебность эта выразилась въ осужденіи его раньше, чѣмъ онъ попалъ въ число тюремныхъ жильцовъ.

Всѣ эти разсужденія далеко не миротворно настраивали его по отношенію ко всему въѣострожному міру, появиться въ которомъ однакоже приближалось для него время.

Прошелъ май, настала Петровъ постъ и близьокъ стала день выхода Хведька изъ тюрьмы.

В. Познанскій.

(Конецъ I-ой части.)

ВОСПОМИНАНІЯ М. К. ЧАЛАГО ¹⁾.

Житейское попеченіе.

Другіе дни—другіе сны,
Смирись въ моей весны
Высокопарныя мечтанья,
И въ поэтической бокаль
Воды я много подмѣшалъ.

(Пушк.).

Изъ предыдущихъ очерковъ можно было видѣть, что вся наша ученая братія до мозга костей пропитана была жаждой наживы. Подъ вліяніемъ удушливой атмосферы, зараженной міазмами гнилого болота, именуемаго Немировомъ, и я обратился къ практической сторонѣ жизни, задавшись цѣлію обезпечить свое существованіе, скопивъ малую толику, какъ говорится про черный день.

Оглядѣвшись кругомъ, я не могъ не прійти къ убѣжденію, что жить изо-дня въ день однимъ жалованьемъ, не имѣя никакого обезпеченія, по меньшей мѣрѣ, неблагоприятно. Находиться всю жизнь въ зависимости отъ поденной платы за работу, не имѣя лишняго рубля въ карманѣ—положеніе весьма непривлекательное. „Да я, наконецъ, могу лишиться должности и остаться безъ куска хлѣба (продолжалъ я размышлять самъ съ собой); чего нельзя ожидать отъ такого пакостнаго человѣка, какъ нашъ директоръ? Вѣдь уже не одного труженника унекъ онъ своими доносами, да и мнѣ уже пригрозилъ недавно“:

¹⁾ См. „Кіев. Стар.“ 1894 г. № 8.

— Вы знаете, говорить, кто у насъ теперь попечителемъ? Въ Сибирь можете сослать собственною властію. Будьте-же осторожнѣе!

Получивъ первое предостереженіе, могу получить и второе, а третьяго, вѣроятно, и не будетъ. До Сибири-то, пожалуй, и далеко, а просто выгнать изъ службы да и шабашъ! Или какъ казеннаго воспитанника соплютъ въ Остеръ или Кобеляки приходскимъ учителемъ, какъ услали, по проискамъ того-же З—го, Чугаевича и Стронина. Почти всѣ мои сослуживцы, за исключеніемъ развѣ отпѣтаго Чунишки, имѣютъ въ банкѣ деньги, одни меньше, другіе больше; всѣ хлопочуть о томъ, какъ-бы въ теченіе года сберечь какую-нибудь сотнягу да отправить въ государственный банкъ; одинъ лишь я до сихъ поръ не помышлялъ объ этомъ, называя деньги, за одно съ Адуевымъ младшимъ, „презрѣннымъ металломъ“. Да и не мечталъ о томъ, чтобы когда-нибудь сдѣлаться богатымъ: съ моими пуританскими правилами большихъ капиталовъ не соберешь, да и Богъ съ ними! Изъ-за денегъ люди дѣлаютъ другъ другу столько гадостей!.. Репанъ гдѣ-то сказалъ: „человѣкъ трудомъ достигаетъ только довольства; если-же онъ достигаетъ богатства, то достигаетъ его трудомъ другихъ“.

Директоръ нашъ, съ отеческою заботливостію непрерывно хлопочеть о томъ, чтобы всѣ его подчиненные имѣли деньги, смотря иногда сквозь пальцы на тѣ неблаговидныя средства, къ какимъ прибѣгаютъ вѣкоторые изъ нашихъ капиталистовъ, какъ напр.—оба математика и географъ. Онъ даже придумалъ что-то въ родѣ сберегательной кассы, пригласивъ учителей вносить ежемѣсячно по 10 рублей при полученіи жалованья. Охотниковъ набралъ онъ 9 человѣкъ и каждое первое число отправляетъ въ контору банка 100 рублей, откуда высылался на предъявителя билетъ, поступавшій въ собственность того, кому онъ доставался по жребію, такъ что черезъ 10 мѣсяцевъ каждый изъ вкладчиковъ, не исключая и самого изобрѣтателя такой финансовой операціи, имѣлъ одинъ сторублевый билетъ. Выдумка, несомнѣнно, хорошая, она дѣлаетъ честь комерческому уму директора, но она не лишена была комизма. При 300—400

рублевымъ окладѣ преподавателей, едва-ли возможно семейному человѣку отложить въ годъ 120 рублей, не подвергая себя крайнимъ лишеніямъ. Послѣдствіемъ этого было такое явленіе: внесши, въ уgodу начальству, 1 числа 10 рублей, нѣкоторые господа уже съ 15 числа жили съ семьей впроголодь и дѣлали долги, платя жидовскіе проценты. Конечно, для такихъ тузовъ, какъ самъ директоръ, Юрко и Барилко, или для такого Плюшкина, какимъ былъ сатиръ - географъ, питавшійся акридами и обладавшій несносимой и несмѣняемой одеждой,—для нихъ, считавшихъ свой годовой доходъ тысячами, внести 120 рублей—плевое дѣло, но для бѣдняковъ, подобныхъ безсребреннику Шведову, не имѣвшихъ ни частныхъ уроковъ, ни пансіонеровъ,—директорская выдумка была очень тягостной.

Пока я виталъ въ эмпирахъ идеализма и пока мой бюджетъ ограничивался лишь однимъ казеннымъ гонораромъ, для меня было немыслимо сберечь что-нибудь къ концу года, да если какая-нибудь малость и оставалась, то она расходовалась на каникулярныя поѣздки на родину, что составляло для меня какъ физическую, такъ и моральную потребность, послѣ каторжной немировской моей службы впродолженіе цѣлаго года.

Но вотъ, благодаря счастливой случайности, и мнѣ улыбнулась фортуна. Помѣщикъ ближайшей деревни Лещинскій, имѣя въ гимназіи сына, предложилъ мнѣ принять на себя обязанности тьютора, на весьма выгодныхъ для меня условіяхъ: полное содержаніе и 200 рублей деньгами. Самъ онъ постоянно оставался въ деревнѣ, а жена его съ дѣтьми всю осень и зиму жила въ Немировѣ. Нанята была прекрасная квартира, съ садомъ, подлѣ самой гимназіи—и я зажилъ припѣваючи, не издерживая на свое продовольствіе ни гроша. Кромѣ шестиклассника сына, у Лещинскаго были двѣ маленькія дочери, при нихъ гувернантка и бона. Не взирая на питаемое поляками недоувѣріе къ русскимъ, меня въ семействѣ полюбили, какъ родного, особенно сильно привязались ко мнѣ дѣвочки: Марина и Климця (12 и 8 лѣтъ). Все свободное отъ службы время я проводилъ въ кругу этого милаго семейства. Сожительство мое съ гимназистомъ ни мало меня не стѣсняло. Онъ былъ малый

неиспорченный, но взбалмошный и разсѣянный до нельзя; занимался неохотно, не выходя изъ посредственностей, хотя крупныхъ проказъ за нимъ не водилось. Характерные рассказы почтенной хозяйки, за которую, по ея словамъ, въ оное время, когда была она дѣвицей, приволакивался въ Тульчинѣ извѣстный декабристъ Пестель; сантиментальничанье гувернантки, не молодой уже особы, а больше всего эта неистощимая веселость, немолчный дѣтскій смѣхъ и вѣчныя проказы живыхъ и бойкихъ дѣвочекъ Климци и Марини—все это способствовало къ тому, что я совершенно отсталъ отъ своихъ сослуживцевъ, сталкивался съ ними лишь въ урочные часы въ гимназіи. Замѣтивъ, что я еще больше прежняго сталъ чуждаться раболѣпствующаго предъ начальствомъ товарищескаго кружка, Е. Я—чѣ весьма прозрачными намеками напоминалъ мнѣ уже не разъ, чтобы я не очень-то дружилъ съ поляками. Однажды онъ мнѣ конфиденціально замѣтилъ:

— Извѣстно-ли вамъ, что вашъ Лещинскій, за участіе въ мятежѣ, въ 31 году сидѣлъ въ казематѣ и до сихъ поръ состоитъ подъ надзоромъ полиціи?

— Съ п. Лещинскимъ, отвѣчалъ я, о польской революціи мы никогда еще не говорили, да врядъ-ли и придется говорить, потому что всякому поляку-патріоту о такихъ вещахъ вспоминать непріятно. Что-же касается сближенія моего съ его семействомъ, то этого я не скрываю ни отъ кого: я, дѣйствительно, подружился съ нимъ и дорожу его расположеніемъ ко мнѣ, что также рѣдкость въ этомъ краѣ. Не думаю, чтобы въ этомъ заключалось что-нибудь такое, что могло-бы повредить мнѣ по службѣ.

— То-то же, смотрите, будьте осторожныѣ!

Съ наступленіемъ весны, передъ Пасхою, пани моя съ дочерьми переселилась въ деревню, а мы съ Ясемъ остались полными хозяевами немировской квартиры. Но на страстной недѣлѣ и мы уѣхали. Всѣ праздники и каникулы я проводилъ въ деревнѣ, гдѣ гостепріимная хозяйка закармливала меня разными деревенскими благодатями. Одною только моя хохладкая натура не могла выносить: это, когда бывало подадутъ въ ап-

рѣлѣ мѣсяцѣ п. Клеменсу жареныхъ жабокъ—самое любимое блюдо моего хозяина весною, когда онѣ бывають такія зелененькія. Я просто не могъ усидѣть за столомъ, а онѣ ихъ кушаетъ да похваливаетъ. Да вотъ еще по временамъ подаваемыя отвратительныя слимаки, приготовленныя подь соусъ—гадость!

Наканунѣ Пасхи въ Воробіевку ожидали ксендза Гордницкаго—святить бабы. Праздники случились ранніе; цѣлый день въ субботу валила мятель, а къ вечеру занесло всѣ дороги. Сидимъ мы съ п. Клеменсомъ подь окномъ и видимъ: плетется по двору старенькій священникъ о. Николай, весь засыпанный снѣгомъ, въ людскую святить пасхи; я и говорю хозяину: „а что если-бы батюшка освятилъ и ваши пасхи, а то, пожалуй, придется вамъ разговляться людскимъ свяченымъ, потому ксендзъ навѣрное не рѣшится ѣхать въ такую завирюху“.

— *A dobrze mówisz!*—отвѣчаетъ п. Клеменсъ, который при всякомъ удобномъ случаѣ старался выказать передо мною свой либерализмъ: *to wszystko jedno*—що пипъ, то батько! „А заволай—но отца благочиннаго!“ обратился онъ къ лакею. Къ великому огорченію хозяйки, хлоцкій поць освятилъ ея пышныя бабы и мазурки, приготовляемыя съ такимъ усердіемъ въ продолженіе трехъ дней. Но едва о. Николай успѣлъ выйти изъ комнаты, какъ къ крыльцу подбѣгилъ ксендзъ. Пани хотѣла было скрыть отъ него, что пасхи уже освящены, но я не могъ удержаться, чтобъ не подразнить фанатика-ксендза, открывъ ему истину. Какъ только онъ услышалъ отъ меня, что приглашали схизматикаго попа святить пасхи, то, не простясь ни съ кѣмъ и поднявши свою реверенду, далъ тягу и потомъ, со злости, раззвонилъ и всей околицѣ между католиками сплетню: *że panstwo Leszczynscy na ruske wiare przechodzą!*

Имѣніе Лещинскихъ—селеніе Воробіевка—находилось въ 10 верстахъ отъ Немирова въ очаровательной мѣстности. Рѣка Бугъ, лугъ, лѣса, скалистые берега, прогулки, охота, купанье—это такія для меня удовольствія послѣ сидячей жизни, что, проведя каникулы въ деревнѣ, я набирался свѣжихъ силъ на цѣлый годъ. Каковы-бы ни были личныя заботы человѣка, онъ всегда подчинялся неотразимому вліянію окружающей его при-

роды: веселые виды дѣлають его веселымъ, мрачный пейзажъ наводитъ на него тоску. Благословенная земля, счастливая Подоля! Кому хоть разъ въ жизни удалось насладиться прелестями твоей богатой природы, подышать ароматическимъ воздухомъ, ухнуть благоуханіемъ твоей неистощимой растительности, заглядѣться на твои роскошныя равнины-поля, засѣянные колосистой пшеницей, при тихомъ дуновеніи вѣтерка сверкающей на солнцѣ золотистыми отливами, на эти зеркальные пруды, окаймленные яркою зеленью, обильные рыбой и дичью, на эти сады, богатые сочными фруктами,—тотъ не забудетъ тебя, благословенная Подоля, до самой смерти... Да, не даромъ поляки называли заднѣпровскую украину житницей Посполитой речи, не даромъ за обладаніе ею пролито столько козацкой и польской крови!

Пріятель мой Лещинскій съ виду казался хорошимъ человекомъ и довольно пріятнымъ собесѣдникомъ; но лишь только, бывало, коснешься его соціальныхъ и политическихъ возрѣній—дружеская бесѣда съ нимъ становилась невозможной: мы оба начинали терять самообладаніе. Не слѣдовало-бы, конечно, и дотрогиваться до этого больного мѣста каждаго патріота-поляка; но читая вмѣстѣ иностранныя газеты и наталкиваясь на жгучіе вопросы о переустройствѣ европейскаго общества, возбуждаемые французскими ораторами и публицистами, мы принимались судить и рядить о примѣненіи ихъ утопій къ русской жизни и совершенно расходились съ нимъ во взглядахъ. Да и кто въ памятный для Европы 1848-й годъ не увлекался соціальными теоріями „друзей народовъ“?

Меня всегда приводили въ негодованіе эти невѣжественные, своекорыстные польскіе либералы, проповѣдывавшіе съ легкой руки Ламартина о свободѣ, равенствѣ и братствѣ, громко заявившіе о томъ, что они готовы дать крестьянамъ волю *choć zagaz...* (*nota bene*—безъ земли)—только правительство не позволяетъ имъ этого сдѣлать. Но какую цѣну можетъ имѣть свобода, если она дастъ одно лишь право—свободно умереть съ голоду? Да имъ-ли разглагольствовать о свободѣ и равенствѣ, когда они не въ состояніи были переварить даже „Инвентар-

ныхъ положеній“ Бибикова, въ сущности весьма умѣреннаго покушенія ограничить панскій произволъ въ нашихъ юго-западныхъ губерніяхъ?

Я былъ невольнымъ свидѣтелемъ самовольной расправы моего либерала, вслѣдъ за обнародованіемъ „Инвентаря“. Приходитъ съ поля эконокъ и докладываетъ пану Клеменсу, что такой-то крестьянинъ самопроизвольно ушелъ съ работъ на томъ основаніи, что онъ наработалъ столько, сколько слѣдуетъ „по положенію“, сказавъ:

— Я роблю такъ, якъ царъ звеливъ, а не такъ, якъ панъ каже.

Нужно было видѣть, какъ закипѣла помѣщичья кровь при докладѣ эконома о продерзостяхъ хлопа. По возвращеніи крестьянъ съ поля, ихъ собрали передъ крыльцомъ. Вышелъ господинъ и неключимаго раба, вопреки инвентарному положенію, потащили на конюшню и всыпали. Чтожь, жаловаться ему? но кому? Таковы всѣ они эти либералы — на словахъ и деспоты — на дѣлѣ. Красно говорятъ они о свободѣ и братствѣ, что твои Лафаеты...

А глядишь—нашъ Лафаетъ,
Брутъ или Фабрицій
Мужиковъ подъ пресь кладеть
Виѣсть съ свекловицей.

(Давид.).

Когда русская армія, для спасенія погибающей Австріи, перешла границу, наши поляки были совершенно увѣрены въ неуспѣшности такого предпріятія со стороны русскаго правительства.

— Zobaczysz, jak oni będą usiekać, твердилъ мнѣ н. Клеменсъ.

Въ ожиданіи неблагопріятнаго исхода венгерской кампаніи, польскіе паны пограничной съ Галиціей Подоліи стали склонять на свою сторону крестьянъ: въ передней помѣщичьяго дома слишкомъ часто стала собираться громада—потолковать о

политическихъ новостяхъ. Изъ немногихъ фразъ, долетѣвшихъ до моего слуха чрезъ растворенную дверь, я понялъ, что п. Клеменсъ до усовъ кормить своихъ крестьянъ обѣщаніями льготъ, если только они помогутъ прогнать москалей: „Якъ намъ буде добре, то ѣ вамъ буде добре“!

„Какъ-бы не такъ! подумаль я: держи карманъ! Вамъ, панове, всегда было добре, а вашимъ хлопамъ — мука мученская“!

Наблюдая за выраженіемъ фізіогноміи окружавшихъ пана крестьянъ, я невольно остановилъ свое вниманіе на одномъ среднихъ лѣтъ мужчинѣ, стоявшемъ въ уголку и прелукаво ухмылявшемся при разглагольствованіяхъ помѣщика. Меня онъ сильно заинтересоваль, и я искалъ случая познакомиться съ нимъ покороче. Случай этотъ не замедлилъ представиться. Бродя съ ружьемъ по лугу, я набрелъ на косарей, во время ихъ отдыха, послѣ изнурительной работы. Тутъ я нашель и Данилу Ткачука, который такъ занялъ меня на митингѣ въ передней помѣщика. Мы разговорились.

Оказалось, что это былъ человекъ себѣ на умѣ. Отлично понимая панскіе затѣи и ихъ льстивыя ухаживанья за хлопами, онъ не вѣрилъ ни одному слову своего пана, возлагая всѣ надежды на облегченіе участи крестьянина на одного Бѣлаго Царя.

— У насъ Даныло—голова на все село! говорили о немъ крестьяне. Когда въ присутствіи исправника прочитаны были въ церкви инвентарныя правила, мой Даныло прямо изъ церкви отправился до дьяка и обратился къ нему съ такою рѣчью.

— Прочитай-но мени, дяде, оте „Положеніе“, нехай я буду знаты що воно есть, а за хватыгу матымешъ квартиру горилки.

Дьячекъ, разумѣется, согласился весьма охотно. Пошли въ садочокъ, сѣли подъ вишнею—и чтеніе началось. Прислушавъ съ величайшимъ вниманіемъ отъ начала до конца все „Положеніе“, лежа подъ вишнею „до горы-черева“, Даныло, по удаленіи дьячка, оставался въ томъ-же горизонтальномъ положеніи

до самаго вечера, стараясь припомнить все слышанное имъ. Дня черезъ два онъ снова зоветъ дьяка: „прочитай мени, каже, дьяче, у друге—матымешъ другу квартиру“.

Опять пришли на прежнее мѣсто—и опять Даныло растянулся подъ вишнею „до горы-черева“ и, закрывъ глаза, прослушалъ еще разъ Инвентарь. Черезъ нѣсколько дней, дьячекъ, разсчитывая на третью квартиру, спросилъ его при встрѣчѣ:

— Може ще разъ прочитать тобі?

— Ни, теперъ, дьяче, уже годи читать! бильшь не треба! Съ этого времени всѣ крестьяне, въ случаѣ неумѣренныхъ требованій со стороны эконома, шли къ Данылу, и онъ имъ, какъ по писанному разъяснялъ „що до чого и якъ“.

Разъ у Лещинскихъ собралось нѣсколько человекъ гостей. Какъ водится, выпили старки, закусили и сѣли съ трубками въ кабинетѣ хозяина. Заговорили о политикѣ. Паны единогласно порѣшили, что москали изъ Венгрии бѣда ꙗсіекаѣ. Вопросъ о возстаніи крестьянъ и присоединеніи ихъ къ польско-венгерскимъ легіонамъ у нихъ былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ. Я слушалъ эти сказки молча, не желая горькой правдой разбивать ихъ радужныя фантазіи. Въ это время, подъ самымъ окномъ въ палисадникѣ очутился голъ; кликнули „стойчика“, чтобы онъ выгналъ его. Преслѣдуя скотину, крестьянинъ въ самое почти ухо пана Клеменса крикнулъ:

— А бисывъ кателькъ, щобъ тебе вовки зъили!

Паны переглянулись и какъ-то ожесточенно потянули изъ чубуковъ...

Послѣ капитуляціи Гѣргея, наши подольскіе паны окончательно повѣсили носы. Возбужденное состояніе умовъ улеглось само собою. Мой храбрый помѣщикъ ступебался и пересталъ звать на митинги крестьянъ. Политика смѣнилась экономическими разсчетами. По прежнему наши машродзѣи стали работать хлопками, какъ скотиной, продавали жидамъ пшеницу, проживали въ свое удовольствіе вырученные за нее дукаты, содержали своры собакъ, и борзыхъ и гончихъ, устраивали шумныя охоты... и по прежнему считали себя угнетенными „россійскимъ жондомъ“ страдальцами...

Чего, чего, подумаешь, не доставало имъ на Украинѣ? Благословляли-бы судьбу, надѣлившую ихъ своими дарами, въ ущербъ миллионнаго коренного русскаго населенія, добывающаго имъ въ потѣ лица неистощимыя средства для празднои и веселой жизни. Но имъ всего этого мало. Они никогда не смотрять на тѣхъ, что стоятъ ниже ихъ, а задирають носы кверху—къ тѣмъ, что стоятъ повыше; всѣ наравня сдѣлаются магнатами!

Панъ Лещинскій владѣлъ отличнымъ имѣніемъ въ 400 душъ. Превосходныя поля, родившія первый сортъ пшеницы, двѣ мельницы, винокурня, довольное количество лѣсу, барская усадьба надъ самой рѣкой, окрестности, живописнѣе которыхъ трудно вообразить—чего-бы, кажется, еще желать ему? Тѣмъ болѣе, что вся эта благодать досталась ему задаромъ.

Носились слухи, что во время повстанья 1831 года подольскихъ поляковъ, панъ Клеменсъ, тогда еще мелкая сошка, былъ избранъ казначеемъ значительнаго отряда повстанцевъ. Когда эту банду козаки разогнали ногайками, мой пріятель съ крупною суммой денегъ далъ тягу за границу, спрятавшись подъ навозъ, который вывозилъ крестьянинъ въ поле, граничившее съ Галиціей, да вмѣстѣ съ навозомъ выбросилъ за границу и пана Клеменса. Оставивъ на родинѣ жену и сына, эмигрантъ сильно затосковалъ за ними; и потомъ, прочитавъ во Львовской газетѣ дарованную ушедшимъ за границу повстанцамъ амнистію, если они добровольно вернуться въ Россію до извѣстнаго срока,—онъ явился въ Камень-Подольскъ и передалъ себя въ руки правосудія. Издержавъ около половины того, что осталось у него изъ повстанскихъ денегъ, панъ Клеменсъ, получивъ свободу, за другую половину той-же общественной суммы купилъ Воробьевку и зажилъ настоящимъ паномъ, повѣсивъ въ гостинной гравированный портретъ матери короля Станислава Лещинскаго, увѣривъ невѣжественную подольскую шляхту, что то была его родная бабушка. Но всего этого новоиспеченному королевскому внуку было мало,—захотѣлось большаго.

Пріѣхалъ въ Воробьевку молодой человекъ, нѣкто Плонскій, племянникъ пани Лещинской. Получивъ по раздѣлу съ братьями,

25 тыс. рубл. отцовскаго наслѣдства, онъ обратился за совѣтомъ къ своимъ родственникамъ, какъ бы выгоднѣе пристроить ему свой капиталъ. Судили да рядили и наконецъ порѣшили совершить такую аферу: Плонскій выстроить на свои деньги на Бугѣ крупчатку, на землѣ п. Лещинскаго, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояла небольшая мельница, приносящая помѣщику 500 р. дохода; затѣмъ Плонскій будетъ пользоваться выстроенной крупчаткой втеченіе 14 лѣтъ, платя Лещинскому по 500 р. ежегодно, по истеченіи же этого срока, крупчатка переходитъ во владѣніе Лещинскаго. Заключивъ такое, повидимому, выгодное для обѣихъ сторонъ условіе, Плонскій приступилъ къ работамъ. Черезъ полтора года мельница о 13 камняхъ была готова; 25 тыс., благодаря прозорливости рабочихъ, которыхъ строитель взялся продовольствовать на свой счетъ, издержаны до копѣйки. Племянникъ пани Лещинской—натура широкая—не жалѣлъ денегъ на довольство артели; ѣлъ, пилъ и спалъ вмѣстѣ съ рабочими, а по праздникамъ задавалъ такія попойки, что и въ будни отъ нихъ трещали головы. Развеселое житье! Пѣсни, шутки, смѣхъ никогда не умолкали. Рабочіе даже пѣсню сложили въ честь своего таровитаго хозяина.

Но вотъ пришла пора пустить въ ходъ крупчатку да загребать денежки. Тутъ-то и заковыка: для того чтобы громадина—мельница о 13 камняхъ дѣйствовала безостановочно круглый годъ, нужно было имѣть постоянно большой запасъ зерна, а чтобы сдѣлать его, необходимы были деньги или широкой кредитъ; но ни того, ни другого у Плонскаго не было. Оставалось одно средство—сдать крупчатку жидамъ въ аренду, а помѣщику больно не хотѣлось напустить въ свое имѣніе эту саранчу.

На выручку молодого афериста изъ бѣды явился другой аферистъ п. Шокальскій. Онъ предложилъ Лещинскому такой проектъ: сплатить Плонскому 25 тыс. и взять крупчатку въ свое владѣніе. Составилось засѣданіе изъ экспертовъ—обывателей. Толковали очень долго, дѣлали подробнѣйшія вычисленія, предусматривали всевозможныя случайности, брали maximum и minimum будущихъ доходовъ—на бумагѣ выходило все отлично. По ихъ расчетамъ п. Клеменсъ лѣтъ черезъ 10 будетъ въ

состояніи приобрѣсть еще двѣ такихъ деревни, какъ Воробьевка. Завѣтная мечта Лещинскаго оставить каждому ихъ троишь дѣтей по деревнѣ растрогала родительское сердце, и онъ рѣшился завладѣть крупчаткой, принявъ въ компанію пана Шокальскаго, у котораго хотя и не было капитала, но онъ взялъ на себя обязанности по управленію мельницъ за извѣстный процентъ изъ доходовъ. Не дождавшись доходовъ, Шокальскій повелъ дѣло на широкую ногу. Подлѣ самой крупчатки, на живописномъ берегу Буга онъ построилъ каменный двухэтажный домъ съ балкономъ, для помѣщенія мельничной администраціи; завелъ отдѣльную контору съ кассиромъ и бухгалтеромъ, написалъ изъ Ельца пузана-крупчатника за 600 р. въ годъ и т. д.

Зажилъ Шокальскій большимъ бариномъ: разъѣзжаетъ себѣ на шпаковатыхъ коняхъ, охотится съ борзыми за лисицами, принимаетъ гостей—словомъ, ни въ чемъ себѣ не отказываетъ.

Двѣ недѣли, проведенныя мною на крупчаткѣ, принадлежатъ къ пріятнѣйшему времени моей немировской жизни. Спалъ я на мезониѣ, подъ самой крышей мельницы, подъ неумолкаемый стукъ мельничныхъ колесъ; проснувшись рано утромъ, слѣзалъ по лѣстницѣ внизъ, освѣжалъ себя холоднымъ душемъ подъ колесомъ; пилъ чай или кофе, обѣдалъ сытно; удилъ рыбу, охотился съ борзыми и съ легавыми; волочился за племянницей п. Шокальскаго, Викторіей, и вель по временамъ, для сваренія въ желудкѣ, нелѣпнѣйшіе дебаты съ кассиромъ Сухіемъ, ярымъ поборникомъ независимости родной Венгріи и заклятымъ врагомъ „подлыхъ австріаковъ“. По временамъ сюда пріѣзжали мои маленькія рѣзвухи, Мариня и Климця—покататься со мной на лодкѣ, при закатѣ солнца, озарявшаго розовыми лучами скалистые берега Буга. Да, такія счастливыя минуты никогда не забываются... Но обратимся къ житейской прозѣ.

Прошелъ годъ—прибылей оказалось меньше *minimum'a*; но п. Шокальскій—великій мастеръ заговаривать зубы. Онъ успокоилъ п. Клеменса исчисленіемъ разныхъ экстраординарныхъ расходовъ по устройству крупчатки, между тѣмъ наличный капиталъ домѣщика весь ушелъ на закупку пшеницы—пришлось обратиться къ займамъ за большіе проценты. Завели по уѣзд-

нымъ городамъ мучныя лавки и учредили главное депо муки въ Одессѣ. А мельница все мелеть да мелеть.

Прошелъ еще годъ—опять итоги неутѣшительные. Третій годъ—бесснѣжная зима, бездорожье: ни зерна доставить на мельницу, ни муку развезить по лавкамъ не было никакой возможности; а долги все растутъ да растутъ въ возрастающей прогрессіи. Четвертый годъ—опять бездорожье, а тамъ нѣсколько прикащиковъ по лавкамъ, разматавши деньги, бѣжали; а тамъ отпущенная одному греку въ кредитъ мука на 10 тыс. руб. не дошла до Константинополя: корабль разбитъ бурей, и купецъ объявилъ себя банкротомъ. А Шокальскій все мелеть да мелеть.

Загрустилъ мой Клеменсъ крѣпко; осунулся, весь почернѣлъ—жалко было смотрѣть на него. Въ томъ же злополучномъ году не замедлила послѣдовать и развязка неудавшейся спекуляціи.

Въ Воробьевку пріѣхалъ изъ Немирова большой пріятель Лещинскаго докторъ Лозинскій; у него п. Клеменсъ занялъ 13 тыс. руб. на извѣстный срокъ. Не получивъ своихъ денегъ, этотъ австрійскій выкрестъ, обругавъ хозяина банкротомъ въ присутствіи дѣтей, прямо отъ него покатишь въ Брацлавъ и предъявилъ ко взысканію вексель, за нимъ послѣдовали и другіе кредиторы, такъ что денежныхъ взысканій по векселямъ оказалось, въ концѣ концовъ, больше чѣмъ на 100 тыс.

Выигралъ п. Клеменсъ справу, якъ *Zabłocki* на *mydle!* Воробьевку продали съ молотка, вмѣстѣ съ мельницей, проклятой мельницей, на которой п. Шокальскій за 4 года промололъ довольство, счастье и благосостояніе милаго семейства, пользуясь довѣрчивостью своего родственника.

Cholera morbus.

Еще задолго до появленія въ предѣлахъ имперіи нашей азіатской гостыи, учитель русскаго языка, поступившій на мѣсто В. А. Донченка *Н. А. Шастовъ*, узнавъ изъ газетъ, что эпидемія начинала свирѣпствовать гдѣ-то въ Персіи и Аравіи, заблаговременно запасся медицинскими книгами, въ которыхъ по-

дробно описаны всѣ признаки и свойства холеры, по наблюденію докторовъ въ 1830—31 годахъ. Начитавшись этихъ книгъ, нашъ почтенный товарищъ, и безъ того человѣкъ до крайности мнительный на счетъ своего здоровья, приготовилъ три запечатанные конверта къ Немировскимъ эскулапамъ, приказавъ своему лакею, на случай если онъ заболѣтъ, бѣжать во всѣ лапчатки къ докторамъ. Страхъ смерти до того обуялъ жизнелюбиваго педагога, что онъ лишился сна и аппетита.

Лежить онъ ночью въ постели и постоянно ощупываетъ свои ноги, не охладѣли-ли они? Но вотъ, дѣйствительно, какъ будто начинаютъ холодѣть—несомнѣнный признакъ начинающейся холеры. Слуга побѣжалъ за докторами. Тѣ всѣ трое рады стараться—явились немедленно, переглянулись между собой, прописали какую-то дрянъ и разошлись: значить, во время захватили болѣзнь. На другой день вся гимназія узнала, что Николай Акимовичъ заболѣлъ холерой, тогда какъ никто и не помышлялъ о ней. Е. Я—чь, любившій, при всякомъ удобномъ случаѣ, высказать свое дешевое остроуміе, пришелъ въ концу уроковъ въ гимназію и пригласилъ всѣхъ насъ, по долгу христіанскому—посѣтить болящаго.

Войдя въ первую комнату квартиры Шастова, онъ пригласилъ насъ сѣсть, а самъ, стоя среди комнаты, сталъ держать рѣчь, посвященную памяти ново-преставленнаго раба Божія Николая, лежавшаго въ другой комнатѣ подъ двумя одѣялами; потомъ, заглянувъ къ нему, пріотворивши дверь и какъ-бы удивившись, что мнимый покойникъ живъ, высказалъ непритворную радость и, поглумившись еще нѣсколько времени надъ трусостью хозяина, ушелъ домой, чрезвычайно довольный своимъ паясничествомъ.

Съ наступленіемъ весны, на окраинахъ Россіи появилась наконецъ настоящая cholera morbus и быстро подвигалась къ нашимъ внутреннимъ губерніямъ. Немировъ, какъ всѣ западныя мѣстечки, представлялъ весьма благопріятную почву для эпидемій, хорошо удобренную экскрементами всяческихъ нечистотъ. Особенно былъ грязенъ и вонючъ его жидовскій кварталъ, со скученнымъ населеніемъ: живя нѣсколькими семьями въ одной

хатѣ, безъ двора и отхожихъ мѣстъ, евреи уже давно заготовили матеріалъ для болѣзней. Естественно, прежде всѣхъ стали умирать жида. А у насъ въ гимназіи, въ самый разгаръ холеры, производились испытанія, какъ будто мы были застрахованы отъ смерти. Но вотъ дошла очередь и до насъ. Умеръ инспекторскій пансіонеръ Бюловъ, единственный сынъ заслуженнаго полковника, любимецъ добряка Беккаревича и его семейства. Смерть юноши до того потрясла старика Якова Омельяновича, что онъ самъ заболѣлъ. Еще не остылъ трупъ покойника-гимназиста, а директоръ нашъ, вступивъ въ союзъ съ холерой, позаботился о другой жертвѣ. Замѣтивъ какой-то безпорядокъ въ гимназіи, онъ послалъ за инспекторомъ. Больной, убитый горемъ старикъ съ большимъ трудомъ дотащился до инспекторской комнаты, думая, что г. директоръ зоветъ его на совѣщаніе относительно похоронъ его пансіонера; да и кому могла придти въ голову мысль, что этотъ каменный человѣкъ зоветъ инспектора для того, чтобы дать ему нахлобучку? Едва показался въ гимназію Беккаревичъ, какъ З—й накинулся на него, какъ бѣшеная собака и чего-чего не наговорилъ онъ бѣдному старику въ присутствіи учителей и надзирателей! Инспекторъ совершенно растерялся отъ такого неожиданнаго нападенія: онъ бормоталъ какія-то невнятные слова, весь дрожалъ и едва устоялъ на ногахъ, а директоръ неистовствовалъ:

— Я знать ничего не хочу, что у васъ тамъ случилось дома—это къ службѣ не относится, а если вы больны, то должны были подать рапортъ о болѣзни.

Отъ страшнаго душевнаго потрясенія Я. О—чъ въ тотъ же вечеръ заболѣлъ сильнѣйшею холерой, а къ утру его не стало. Истинный виновникъ смерти любимца и друга дѣтей не устыдился почтить его погребеніе своимъ присутствіемъ; у него даже достало духу утѣшать осиротѣвшее семейство пошлыми сентенціями у той самой могилы, въ которую онъ безчеловѣчно втолкнулъ свою жертву.

Умерло еще два гимназиста. Экзамены пріостановились сами собой, потому что родители учениковъ самовольно стали развозить дѣтей по домамъ. Большая часть преподавателей тоже

разъѣхалась. Остались одни семейные да я. Директоръ отказалъ мнѣ въ отпускѣ на томъ основаніи, что я, какъ библиотечарь, обязанъ привести въ порядокъ фундаментальную библиотечку, пользуясь каникулами. Но это, разумѣтся, былъ одинъ лишь предлогъ; онъ хотѣлъ, при семъ удобномъ случаѣ, сдѣлать мнѣ пакость, а можетъ быть, кто знаетъ? не желалъ-ли онъ отъ меня совсѣмъ избавиться, рассчитывая на услуги своей родной сестрицы мадамъ Холеры?..

Я остался въ опустѣломъ домѣ одинъ одинешенекъ, тогда какъ семья моего помѣщика въ десяти верстахъ отъ зараженнаго мѣстечка наслаждалась чистѣйшимъ воздухомъ, спокойствіемъ и здоровьемъ. Положеніе мое было крайне незавидное: днемъ жара 30°; духота и зной убивали всѣ мыслительныя способности; не могъ я ни читать, ни заниматься въ библиотекѣ; ночью, едва успѣвъ скрыться жгучее солнце и, пользуясь прохладой, я выйду въ садикъ,—какъ со всѣхъ сторонъ несутся вопли осиротѣлыхъ семей: невдалекѣ отъ моей квартиры находились четыре кладбища—православное, католическое, лютеранское и еврейское; тамъ во всю ночь свѣтились огни и кипѣла страшная работа; оттуда неслись плачь и стоны, способные наполнить ужасомъ душу самаго неустрашимого человѣка. Умирало по 70 человѣкъ въ сутки.

Мѣстечко представляло картину осажденнаго непріателемъ города; торговля и сношенія съ людьми прекратились, а съ тѣмъ вмѣстѣ прекратились источники дневного пропитанія для бѣднѣйшаго класса евреевъ, жившихъ грошовыми заработками. Одинъ полковникъ пріятель Е. Я—ча, роздавъ жидамъ весь свой капиталъ на „тыгоднювки“, совершенно разорился, не получивъ не только процентовъ, но и собственныхъ денегъ¹⁾.

Можно себѣ вообразить, что было въ это время съ Шастовымъ. Онъ бѣгалъ по мѣстечку, весь облитый духами, закрывши ротъ и носъ двумя платками, совершенно мокрыми отъ

¹⁾ Деньги раздавались по мелочамъ—пять, десять рублей—съ обязательствомъ каждую пятницу вносить часть капитала и проценты за недѣлю (tygodni—оттуда тыгоднювки). Полученная т. обр. часть розданнаго капитала отдавалась другимъ на тѣхъ-же условіяхъ. За недѣлю-же взималось 5%.

благовонныхъ жидкостей; не ночеваль дома, ища убѣжища у знакомыхъ, которымъ всю ночь не даваль покоя, непрерывно вскакивая съ постели и натираясь разными снадобьями. Дряность этого животолюбиваго труса обнаружилась во всей силѣ при слѣдующемъ случаѣ: заболѣль холерой преданный ему слуга и едва раскрыль ротъ, чтобы пожаловаться своему барину на нездоровье, какъ тотъ въ одинъ мигъ очутился у становаго съ просьбой отвезти его человѣка въ больницу, откуда, кажется, никто не вышелъ живымъ; между тѣмъ какъ скоро послѣ этого захворала у этого пошляка комнатная собаченка, онъ ее повезъ за 25 версть къ ветеринару и за одинъ рецептъ заплатилъ 3 руб. с.

По сосѣдству со мной, черезъ улицу, жилъ въ казенной квартирѣ К. П. Чарнецкій. Встрѣтясь однажды со мной, онъ, по своей привычѣ, заготоваль и сталъ хвалиться изобрѣтенными имъ антихолерными настойками и совѣтоваль, въ случаѣ надобности, обратиться не къ доктору, а къ нему. Едва успѣли мы съ нимъ разстаться, какъ черезъ нѣсколько часовъ узнаю, что мой Казиміръ заболѣль холерой. Бѣгу къ нему, а онъ и языкомъ не въ состояніи повернуть. Почувствовавъ припадки болѣзни, почтенный педагогъ до того нализался, пробуя разныя специфическія по его мнѣнію средства, что никакой докторъ уже не былъ въ состояніи спасти его.

— Такъ небожчикъ пьяненькимъ и вмерлы!—печаловалась за нимъ старенькая кухарка его.

Скончался еще одинъ педагогъ—учитель нѣмецкаго языка Опперманъ, братъ гимназическаго врача. Зашедши-же въ канцелярію, я узналь, что къ намъ въ Немировъ назначень преподавателемъ французскаго языка на мѣсто Блюкле, Mr Denis, старый нашъ знакомый, забавлявшій насъ гимназистовъ въ Новгородсѣверской гимназіи разсказами про Наполеона. Получивъ бумагу о своемъ назначеніи, онъ счель долгомъ явиться къ начальнику. Но представившись директору въ парусиновомъ пиджакѣ, Denis навлекъ на себя такую грозу со стороны директора за оказанное ему неуваженіе, что на возвратномъ пути въ деревню, гдѣ проживало его семейство, отъ сильнаго душев-

наго потрясенія, послѣ полученной отъ 3—го встрепки, дорогой заболѣлъ и едва добрался домой—отдалъ Богу душу.

Опустошенія, производимыя холерой, были до того ужасны, что жида, не видя никакого спасенія, побросали свои жилища и, забравши свои бебехи, огромнымъ таборомъ стали въ полѣ—бѣдняки подъ открытымъ небомъ, а кто побогаче—въ будахъ, на манеръ кочующихъ киргизовъ. Опустѣвшее мѣстечко стало еще печальнѣе. Тоска давила грудь; тяжело было дышать. Если бы такое состояніе продлилось еще нѣсколько дней, я бы, кажется, съ ума сошелъ.

Наконецъ утромъ, въ одинъ изъ самыхъ удушливыхъ дней іюля мѣсяца, я отправился къ директору съ твердой рѣшимостью уѣхать безъ билета, если онъ меня не отпуститъ. Но Е. Я—чъ, какъ опытный фізіогномистъ, посмотрѣвъ на меня, прочелъ на лицѣ моемъ рѣшимость и, не доводя дѣла до крайности, подписалъ билетъ. Разставаясь въ такое бѣдственное время, мы, конечно, не пожелали другъ другу увидѣться въ добромъ здоровьѣ; я поклонился молча и ушелъ. Не заходя на квартиру, прямо отправился на почтовую станцію, взялъ за тройные прогоны пару лошадей и, забравши свои пожитки, укатилъ въ Воробьевку къ маленькимъ моимъ друзьямъ, давно меня ожидавшимъ.

Дорога лежала черезъ поля, золотившіяся несжатой еще пшеницей; на меня пахнуло здоровымъ воздухомъ, пропитаннымъ ароматомъ полевыхъ цвѣтовъ. Все кругомъ дышало жизнью. Какой контрастъ со всѣмъ тѣмъ, что я оставилъ за собой въ вонючемъ жидовскомъ мѣстечкѣ!

Въ ожиданіи нежеланной гостыи, помѣщикъ принялъ необходимыя мѣры: снабдилъ свою домашнюю аптеку нужными медикаментами, согналъ съ баштана пилицона-кацапа, возвративъ ему арендные деньги за землю и побросавъ въ рѣку незрѣвшіе еще дыни и арбузы; наконецъ пригласилъ жидка фельдшера.

Кровоусканіе было въ то время въ большомъ ходу. Пора была страдная; многіе крестьяне, помимо холеры, заболѣвали въ полѣ просто отъ жары, и имъ услужливый Берко тотчасъ „отворялъ кровь“. Сдѣлавъ свое дѣло, онъ бѣжалъ съ рапортомъ до пани.

А со, раніе Берку, як там slabemu? спрашиваеъ она. А у Берка былъ всегда одинъ и тотъ-же стереотипный отвѣтъ: lżej (легче), за что я и его самого прозвалъ „докторомъ лжей“

Но вообще говоря, санитарное состояніе сельскаго люда въ Воробьевѣ было отлично, хотя импровизированный врачъ, чтобы выказать свою дѣятельность и получить большій гонораръ за свое усердіе, не жалѣлъ хлопской крови и неумоимо розыскивалъ больныхъ между крестьянами.



БОГУСЛАВСКОЕ ДУХОВНОЕ УЧИЛИЩЕ.

(ПО ШКОЛЬНЫМЪ ВОСПОМИНАНІЯМЪ).

Каневскій уѣздъ считается первымъ въ кievской губ. по населенности, плодородію почвы и обилію сахарныхъ заводовъ. Уѣздъ этотъ назывался прежде „Богуславскимъ“. Богуславъ былъ въ свое время зажиточный городъ. Красивое мѣстоположеніе города, масса евреевъ, центръ староства, а послѣ—главнаго управленія имѣніями графа Браницкаго, возвысили этотъ городъ среди другихъ городовъ губерніи; частыя большія ярмарки и бойкая торговля обѣщали въ будущемъ поднять еще больше его благосостояніе; но пожаръ во всемъ городѣ (въ 1826 году) заставилъ правительство, вслѣдствіе скученности народонаселенія, перенести присутственныя мѣста въ Каневъ. Богуславъ, сдѣлавшись мѣстечкомъ, сталъ постепенно оправляться послѣ пожара; экономическое и торговое его значеніе нисколько не ослабѣло. И въ настоящее время Богуславъ можно считать главнымъ торговымъ мѣстечкомъ не только каневскаго, но и другихъ смежныхъ уѣздовъ.

Съ какой бы стороны вы ни подѣзжали къ Богуславу, прежде всего вы невольно обратите вниманіе на высокую гору, на которой теперь возвышается каменная церковь съ колокольнею, и увидите нѣсколько каменныхъ зданій въ садахъ, окруженныхъ каменною оградой,—это Богуславскій Свято-Николаевскій монастырь, въ которомъ съ 1818 по 1884 г. находилось Богуславское Духовное уѣздное училище. Дѣйствительно, трудно найти болѣе живописное мѣсто, какъ мѣстность подъ мона-

стыремъ и бывшимъ училищемъ. Усѣянная камнями, бурная р. Рось, пройдя м. Богуславъ, расширяется и видимо принимаетъ тихое и плавное теченіе; берега ея, за четверть версты до горы, ослѣпляютъ васъ бѣлизной отъ массы песка, которымъ они покрыты. Рось, поворачивая немного отъ горы противъ монастыря, начинаетъ суживаться, и стремительно вся вода ея попадаетъ въ пороги, образовавшіеся отъ дикаго камня. На самой возвышенной сѣверной части горы устроена каменная церковь съ колокольнею, и потому издали церковь и колокольня монастыря обращаютъ на себя вниманіе. Южная часть этой горы не такъ обрывиста, и по менѣе наклонной ея площади проведена, въ западной части горы, чрезъ лугъ дорога изъ Богуслава въ монастырь. Почва южной части этой горы менѣе камениста и даже очень плодородна, такъ что засѣвали тамъ хлѣбныя растенія и разводили огороды и сады. На самой возвышенной южной части горы противъ церкви было устроено духовное уѣздное училище. Зданіе училища было деревянное, обшито досками и потому имѣло видъ „темнаго зданія“; сѣнми раздѣлялось оно на двѣ половины; въ одной половинѣ было двѣ классныхъ комнаты, а въ другой—одна и залъ для собраний. Противъ училища, черезъ дорогу, стояло зданіе, гдѣ жилъ инспекторъ училища: теперь тамъ каменная теплая церковь. По склонамъ горы находилось съ восточной и западной стороны училища пять зданій, въ которыхъ жили учителя и ученики; два изъ этихъ зданій назывались „Монастырскими квартирами“, и монастырь содержалъ здѣсь учениковъ за извѣстную плату; но многіе бѣднѣйшіе ученики жили на квартирахъ у мѣщанъ за монастыремъ.

Каменистая почва и прекрасный черноземъ въ этой мѣстности такъ уживались вмѣстѣ и такъ дополняли другъ друга, что приходится удивляться живописности и роскоши природы. Для живописности и красоты мѣстоположенія бывшій настоятель монастыря и вмѣстѣ смотритель Богуславскаго Духовнаго училища, игумень Ѳеодоръ, въ 50 годахъ настоящаго столѣтія у самой подошвы горы прорылъ по лугу во всю его длину глубокую канаву, которая, обходя монастырь кругомъ,

вмѣстѣ съ р. Росью образовала островъ. Къ Монастырю и училищу за лугомъ прилегали только съ сѣверной стороны усадьбы Богуславскихъ мѣщанъ съ прекрасными садами. Нельзя сказать, чтобы усадьбы были густо населены; свобода была полная, каждый изъ мѣщанъ жилъ, окруженный прекраснымъ огородомъ, садомъ, и имѣлъ болѣе 2-хъ десятинъ земли.

Въ этотъ благодатный и здоровый для дѣтей уголокъ попалъ я девятилѣтнимъ мальчикомъ въ сентябрѣ 1855 г. и опредѣленъ былъ въ низшее отдѣленіе училища. При моемъ поступленіи училище состояло изъ 3-хъ классовъ: высшаго, средняго и низшаго отдѣленій; въ каждомъ нужно было учиться по 2 года, такъ что срокъ ученія продолжался 6 лѣтъ. Богуславское духовное училище открыто 2 февраля 1818 г. на средства, собранныя отъ духовенства Богуславскаго уѣзда. Средства были не особенно обильны: всего собрано было 501 руб. ассигнаціями и 8 к. Принималъ горячее участіе въ сборѣ денегъ протоіерей Ѳеодоръ Андреевскій, и онъ же былъ назначенъ первымъ смотрителемъ училища, Занятія были открыты въ келіяхъ настоятеля Богуславскаго монастыря, въ составѣ двухъ классовъ: высшаго и низшаго отдѣленій; въ высшее отдѣленіе было принято по экзамену 15 учениковъ, въ низшее 14 учениковъ; приходское училище было открыто 6 Мая 1818 въ Богуславѣ въ нанятомъ домѣ ¹⁾.

Кромѣ смотрителя, при училищѣ былъ инспекторъ, два учителя и особо учитель приходскаго—приготовительнаго класса. Жалованья смотрителю полагалось 325 р., учителю высшаго отдѣленія 150 р., низшаго—125, приходскаго—100 р., за исправленіе инспекторской должности 60 р., Въ 1821 г. жалованье было увеличено: смотритель получалъ 350 р., инспекторъ 350 р., учителямъ высшаго отдѣленія по 350 р., каждому учителю низшаго отдѣленія по 300 р., приходскаго—400 р. на двухъ. Въ 1826 г. смотритель Андреевскій былъ уволенъ отъ должности—и на его мѣсто назначенъ іеромонахъ Владиміръ, кандидатъ Академіи и настоятель монастыря. Въ 1828 г. приходское училище было соедине-

¹⁾ Подробности объ открытіи училища см. Киевск. Епархіальн. Вѣдомост. за 1879 г. №№ 18, 22, 23, 46, 47 и 49 и за 1880 г. №№ 31, 32 и 33, стат. преподавателя Екатеринославской семинаріи Королькова.

но съ уѣзднымъ и состояло изъ двухъ классовъ, и изъ 2-го класса ученики переводились въ низшее отдѣленіе. Смотритель Владиміръ получилъ 1 іюня 1830 г. изъ правленія семинаріи строгое замѣчаніе за то, что безъ существенной пользы для учениковъ выписывалъ въ 1830 году „*Московскія Вѣдомости*“ и „*Московскій Наблюдатель*“, и было ему на всегда предписано, „вѣдомостей, журналовъ и другихъ книгъ не *классическихъ*, безъ дозволенія Правленія, ни подъ какимъ видомъ не смѣть выписывать“. Смотритель Владиміръ былъ уволенъ отъ должности 28 іюня 1831 г., а на его мѣсто назначенъ іеромонахъ Пантелеймонъ, послѣ котораго смотрителемъ былъ назначенъ іеромонахъ Григорій (съ 28 Мая 1832 г.) При Григоріѣ устроено было новое зданіе училища, которое открыто было 4 сентября 1833 г. и стоило около 5000 руб. ассигнаціями.—Въ 1835 г. іеромонахъ Григорій оставилъ должность смотрителя, а на его мѣсто назначенъ былъ кандидатъ академіи Игнатій Мацкевичъ.—Въ 1845 г. уволенъ протоіерей Мацкевичъ, и должность смотрителя занялъ игуменъ Θεодоръ.—Замѣчательно то, что ежегодно почти всѣ учителя уходили изъ училища, особенно-же при игуменѣ Θεодорѣ, такъ что правленіе Семинаріи потребовало, чтобы игуменъ Θεодоръ не притѣснялъ учителей, а учителямъ предписано, чтобы они относились съ должнымъ почтеніемъ къ своему начальнику. Причиною бѣгства учителей были недостаточность средствъ содержанія и деспотическое обращеніе смотрителя съ ними. Впрочемъ, какъ мнѣ кажется, и еще одна была причина постоянного ухода учителей, а именно: учителя смотрѣли на эту должность, какъ на временную, переходную, и разъ гдѣ оказывалось выгодное священническое мѣсто, учителя переходили на должность священника, а митрополиты учителямъ училищъ предпочтительно давали хорошіе приходы. Училище находилось подъ непосредственнымъ надзоромъ правленія Кіевской Духовной семинаріи, и правленіе строго слѣдило за учебною, экономическою и другими частями и давало всегда очень строгія указанія; для большей убѣдительности и знакомства съ положеніемъ училища на мѣстѣ посылаемы были ревизоры. Въ 1824 г. ревизовалъ училище рек-

торъ Семинаріи соборный іеромонахъ Владиміръ; въ декабрѣ 1828 г.—ректоръ Семинаріи Архимандритъ Іустинъ; въ 1830 г. посѣщаль училище митрополитъ Евгеній, нашель учениковъ не-свѣдущими въ пѣніи и сдѣлалъ строгій выговоръ учителю Фіалковскому. Отношеніями отъ 28 іюня и 11 сентября 1827 г. правленіе семинаріи обратило вниманіе на то, что, при приѣмѣ въ Семинарію, ученики Богуславскаго училища плохо знали латинскій языкъ, за что сдѣлано внушеніе смотрителю; смотритель же объяснилъ въ своемъ отвѣтѣ незнаніе учениковъ тѣмъ, что въ высшемъ отдѣленіи латинской книги „Корнелія Непота“ приходится по одному экземпляру на 5 душъ, а въ низшемъ отдѣленіи нѣтъ ни одного экземпляра священной исторіи, назначенной для перевода. Правленіе Семинаріи отношеніемъ отъ 18 октября 1828 г. предписало: текстъ переводимаго списывать. Въ 1832 г. съ 14 по 16 іюня была произведена ревизія училища ректоромъ Семинаріи Архимандритомъ Іустиномъ, и все найдено было въ порядкѣ. Затѣмъ періодически черезъ каждые 3—4 года производились ревизіи, при чемъ большею частію служащіе были представляемы къ наградамъ, хотя каждый разъ получались также строгія указанія, какъ вести дѣло образованія, чтобы оно вполнѣ удовлетворяло тому назначенію, которое требовалось высшимъ начальствомъ; экономическая и счетная части были въ строгомъ наблюденіи правленія, и смотрители получали очень часто внушенія за неимѣніе оправдательныхъ документовъ въ израсходованіи суммъ.

Отецъ мой, опредѣляя меня въ Богуславское училище, руководствовался близостью его отъ своего мѣста жительства, а главное—нравилось ему прекрасное мѣстоположеніе училища и возможность не бояться болѣзней. Съ глубокою почтительностью вспоминаю то дорогое время, когда привели меня на экзаменъ къ смотрителю о. игумену Теодору: онъ далъ мнѣ читать псалтирь, но я, не видѣвши никогда начальства, сталъ плакать; между тѣмъ игумень Теодоръ вмѣсто всякихъ утѣшеній сказалъ мнѣ „принять, ступай учиться“, и я стремглавъ бросился въ зданіе училища, гдѣ засталъ учениковъ въ залѣ, при чемъ увидѣлъ между учениками большихъ ростомъ, почти съ бородами

и въ разныхъ костюмахъ: отъ мѣщанской чемерки до сюртука и что-то похожее на настоящіе пиджаки. Скоро въ залъ прибыли: игумень Ѳеодоръ, инспекторъ училища, кандидатъ богословія Алексѣй Ельчуковъ (преподаватель греческаго языка, русской исторіи и священной исторіи), учителя: Комаровскій (русскаго языка), Дмитрій Левицкій (ариѳметики), Георгій Рождественскій (латинскаго языка). Впервые пришлось увидѣть училищную корпорацію и понять, что теперь-то не такъ нужно учиться, какъ учились прежде у малограмотныхъ дьячковъ или въ сельскихъ училищахъ казенныхъ имѣній кievской губерніи. Я водворенъ былъ на монастырской квартирѣ, съ платою 25 руб. *въ годъ*, что въ то время казалось очень дорого: бѣдные ученики у мѣщанъ за годовое кормленіе съ доставкою провизіи платили 5 руб., и того меньше, а учителямъ съ репетиціей платили по 25 руб. Только въ 1860 году плата начала подниматься и доходила до 40 руб., а съ репетиціями отъ 1 руб. за каждый предметъ. Поступивъ на квартиру по отъѣздѣ отца, я остался одинъ, не было съ кѣмъ слова промолвить; но сейчасъ ко мнѣ, какъ къ новичку, подошелъ одинъ изъ *великовозрастныхъ* и предложилъ написать слова: „лей, лей, не жалѣй; Богомъ клянусь, не разсержусь“. Не замѣтилъ я въ рукахъ у него кувшина съ водою, потому сразу не понялъ, что означаютъ эти роковыя слова; написалъ я, и добрый молодецъ вылилъ на мою голову кувшинъ воды,—это означало „посвященіе въ ученики“.

Для вечернихъ занятій осенью и зимою выдавались сальные свѣчи, и ученики приготовляли уроки, а въ 9 час. должны были спать. Учениковъ въ то время было во всемъ училищѣ до 80 человекъ, а на квартирѣ со мною въ 3-хъ большихъ комнатахъ жило человекъ 16. У каждаго былъ свой сундукъ; и у меня былъ свой сундучекъ гдѣ я сохранялъ свое бѣлье, одежду и книги. Однажды, прійдя изъ класса, я увидѣлъ, что замокъ возлѣ сундука отбитъ, бѣлье выброшено, а книги взяты или правильнѣе украдены. Плакалъ я, плакалъ, но ничто не помогло. Безслѣдно пропали мои книги, а жаловаться было некому. Нужно было искать другого выхода изъ бѣды, и одинъ изъ добрыхъ товарищей моихъ по-

совѣтовать мнѣ, по приѣздѣ родителей, перемѣнить квартиру, — перейти къ учителю. Дѣйствительно, въ уѣздныхъ училищахъ очень была замѣтна въ эти годы кража книгъ и вещей. Дѣти въ большинствѣ здѣсь были бѣдныхъ родителей, по большей части церковнослужителей, и тѣ, особенно изъ высшихъ классовъ, пользуясь своею силою, а, значить, и „правомъ“, обирали новичковъ до рубахи. Жаловаться трудно было: во 1-хъ—нельзя указать, на кого именно имѣешь подозрѣніе, а во 2-хъ—украденныя книги сами ученики переплетали въ другія обертки и продавали, такъ что узнать книги нельзя. Я даже послѣ узналъ, кто укралъ мое имущество, но жаловаться боялся. Только по приѣздѣ матери я объяснилъ ей своё горе, что нѣтъ книгъ и учиться не могу. Къ счастью я имѣлъ хорошую память и успѣвалъ въ классахъ до прихода учителя выучивать уроки, а подчасъ пользовался книгами товарищей, и такъ обходился пока безъ книгъ, до присылки мнѣ новыхъ.

Въ низшемъ отдѣленіи учитель Нечай преподавалъ краткую церковную исторію и „нотное пѣніе“ и занимался разборомъ книги „Друзья дѣтей“, заставляя выучивать оттуда стихи; Рождественскій преподавалъ латинскій языкъ, Левицкій—ариѳметику. Смотритель училища, игумень Ѳеодоръ, лично не преподавалъ при мнѣ никакого предмета, но слѣдилъ за преподаваніемъ, очень часто являлся въ классъ и самъ спрашивалъ учениковъ. Когда находилъ плохое знаніе учениковъ по какому-либо предмету изъ болѣе серьезныхъ, то назначалъ иногда время для репетиціи и самъ разъяснялъ все непонятное ученикамъ. Когда кого-либо изъ учителей не было въ училищѣ или была вакансія, (а вакансии были постоянно), то игумень Ѳеодоръ самъ преподавалъ предметъ, и преподавалъ всегда съ пользою для учениковъ. Какъ педагогъ, о. Ѳеодоръ былъ рѣдкій человѣкъ. Относясь строго къ ученикамъ и учителямъ, онъ былъ причиною того, что въ училищѣ не долго уживались учителя. По случаю частыхъ перемѣнъ учителей, до прибытія новаго, самъ смотритель постоянно давалъ намъ уроки, сближался съ учениками, изучалъ ихъ способности и направленія, называлъ виновныхъ и съ полною добросовѣстностью восполнялъ пропущенное учителемъ. Припоминаю наружность этого смо-

рителя: онъ былъ средняго роста, худощавъ, лицо блѣдное съ остатками оспы; глаза небольшіе, закрытые камилавкою и всегда сверкающіе; голосъ чистый, не очень звучный, разговоръ — лаконическій; требовалъ онъ всегда отвѣта „да“ или „нѣтъ“; по жизни былъ полнѣйшимъ анахоретомъ и аскетически смотрѣлъ на все; этого же требовалъ и отъ подчиненныхъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ былъ весьма оригиналенъ. Укажу, напримѣръ, на такой фактъ. Однажды онъ пришелъ въ классъ преподавать ариѳметику, вызвалъ ученика Николая П—скаго, приказалъ ему писать задачу; тотъ написалъ, но онъ обратилъ вниманіе на цифру „5“ и сказалъ „не умѣешь писать цифры „5“. П—скій со всею возможною аккуратностью и тщательностью написалъ „5“; Игумень опять сказалъ: „не такъ пишешь! высѣчь!“ Тотъ еще тщательно написалъ „5“, но опять услышалъ роковое „высѣчь“. Такъ сѣкли 5 разъ; наконецъ надоѣло П—скому это сѣченіе, и онъ въ раздраженномъ состояніи сталъ писать „5“ самымъ небрежнымъ образомъ. И вдругъ игумень Ѳедоръ сказалъ: „такъ, такъ“. Оказалось, что ему хотѣлось, чтобы ученикъ началъ писать „5“ сверху однимъ почеркомъ пера. Въ воскресенье и въ праздничные дни, передъ вечернею и литургіей, ученики собирались въ классъ; приходилъ инспекторъ или его помощникъ, провѣрялъ, всѣ ли ученики на лицо, и затѣмъ попарно шли въ монастырскую церковь,—зимою въ теплую, а лѣтомъ въ большую каменную. По заведенному издревле порядку ученики читали въ церкви во время богослуженія часы, канонъ, псалтырь. Распредѣленіе чтенія въ церкви составлялось заранѣе старшимъ дежурнымъ изъ учениковъ высшаго отдѣленія, утверждалось инспекторомъ и объявлялось ученикамъ, такъ что за недѣлю до чтенія въ церкви ученикъ зналъ, что ему придется читать и могъ приготовиться. Нужно замѣтить, что игумень Ѳедоръ серьезно слѣдилъ за чтеніемъ каждаго ученика въ церкви и послѣ богослуженія призывалъ тѣхъ изъ учениковъ, которые что-либо не такъ прочитали или ошиблись въ произношеніи ударенія. Помню слѣдующій случай: ученикъ средняго отдѣленія читалъ въ концѣ утрени 1-й часъ; игумень Ѳедоръ потребовалъ его вмѣстѣ съ другими и сказалъ ему „читай: при-

дите поклонимся“; ученикъ читаетъ; игумень Ѳеодоръ приказываетъ, высѣчь. Высѣкли,—и „опять читай“. Тотъ другимъ голосомъ, протяжно читаетъ „прійдите поклонимся“; игумень опять сказалъ: „высѣчь!“ Стоять всѣ ученики и недоумѣваютъ, за что сѣчь онъ. Затѣмъ онъ сказалъ ученику: „ты христіанинъ“? Тотъ отвѣчаетъ „христіанинъ“.—„Почему же не крестишься“? Вина ученика оказалась въ томъ, что онъ забылъ перекреститься, когда читалъ „прійдите поклонимся“. Игумень Ѳеодоръ требовалъ при чтеніи въ церкви отъ ученика медленнаго, яснаго и громкаго чтенія, правильности ударенія, изученія на практикѣ церковнаго устава, и потому обязательно было самому ученику разыскать по уставу, какой тропарь читать, какіе каноны, какому святому. И горе было тому ученику, который ошибался въ чтеніи! Особенно было тяжело на первой недѣлѣ Великаго поста вставать по первому звону въ 3 часа ночи, бѣжать въ церковь и читать полунощницу. По первому удару колокола, игумень Ѳеодоръ всегда—въ церкви, ученикъ же долженъ быть уже на мѣстѣ и стоять на клиросѣ. Болѣе ревностные ученики еще до звона колокола бѣжали къ теплой церкви и ожидали звона, чтобы поспѣшить къ чтенію—иначе игумень Ѳеодоръ былъ грозенъ, неумолимъ и не прощалъ такого невниманія къ церкви. Какъ я уже упомянулъ, послѣ каждаго служенія игумень Ѳеодоръ звалъ къ себѣ чтецовъ, заставлялъ въ своемъ присутствіи читать, указывалъ на ошибки, исправлялъ ударенія и требовалъ при вторичномъ чтеніи избѣгать ошибокъ, иначе грозилъ сѣченіемъ; за то лучшимъ чтецамъ высылалъ просфоры и старался чѣмъ-нибудь поощрять учениковъ къ внимательному и осмысленному чтенію. Если принять во вниманіе, что ни одинъ изъ учениковъ, ни подъ какимъ предлогомъ, не освобождался отъ чтенія въ церкви молитвословій, то это имѣло очень хорошую свою сторону, а, при строгомъ надзорѣ смотрителя, пріучало дѣтей къ ясному и правильному произношенію. При выговорахъ за неправильное чтеніе, о. Ѳеодоръ всегда говорилъ: „вы, господа, приготовляетесь къ священническому сану, на васъ будетъ лежать обязанность тяжелая; вы будете проповѣдниками слова Божія,—и какъ же вамъ съ дѣтства не выучиться ясно, громко и

выразительно читать, чтобы всѣ слушающіе богослуженіе могли ясно понимать, что читается и о чемъ говорится въ молитвословіи. Чтобы развить у учениковъ способность къ прекрасному произношенію, онъ установилъ въ 1858 г. лѣтомъ чтеніе молитвъ утреннихъ и вечернихъ возлѣ церкви; для этого въ назначенный часъ, по звонку, ученики собирались возлѣ церкви, и по очереди одинъ изъ учениковъ, начиная съ высшаго отдѣленія и далѣе средняго, читалъ молитвы. Требовалось читать всегда ясно, громко.

Въ монастырской квартирѣ жилось мнѣ плохо. Послѣ присылки книгъ, у меня опять ихъ украли, и я вторично никому не заявлялъ, кромѣ одного своего пріятеля. Кромѣ того, для малыхъ учениковъ было и еще одно неудобство, именно: ночью ученики старшихъ классовъ подносили спящему такъ называемыя „пыхвы“: къ носу подносили свернутую вату и зажигали ее, такъ что приходилось бѣдному долго откашливаться. При всей кажущейся небольшой платѣ, кормили учениковъ, можно сказать, хорошо. Обязательно былъ по утрамъ завтракъ: въ постные дни, въ среду и въ пятницу, супъ, въ понедѣльникъ—супъ съ масломъ, а во вторникъ „лазанки“, въ четвергъ и субботу—блины; даже по улицамъ въ эти дни запахъ блиновъ далеко былъ слышенъ. На обѣдъ давался борщъ, жаркое изъ мяса, вареники съ сыромъ; на ужинъ всегда приготовляли что-нибудь свѣжее. Вообще всѣ ученики были довольны пищею. По мѣщанскимъ же квартирамъ еще лучше кормили: тамъ ученики положительно объѣдались,—и въ день *блиновъ*—безусловно спали въ классѣ. Учителя знали этотъ день и относились не очень строго къ спавшимъ ученикамъ. Въ день заговѣнья на посты ученики ужинали ночью по нѣсколько разъ: поужинають разъ—ложатся спать; встануть—опять ѣдятъ, и такъ до разсвѣта; а предъ разсвѣтомъ насыщаются еще, чтобы приготовиться вполне къ посту.

Для сближенія учениковъ между собою и для поощренія лучшихъ, игумень Федоръ нѣсколько разъ на свой счетъ устраивалъ балы. На балъ приглашались всѣ учителя, лучшіе ученики и пѣвчіе. Давали дѣтямъ чай, орѣхи и закуску; пѣвчіе пѣли

духовные псалмы по нотахъ; и самъ смотритель распоряжался въ качествѣ хозяина: предлагалъ чай, конфекты и пр., и дѣлался совсѣмъ не тѣмъ грознымъ начальникомъ, какимъ его приходилось всегда видѣть въ классахъ. При мнѣ бывало это по большей части зимою. Въ девять часовъ вечера дѣтямъ отдавался приказъ идти домой спать. Бывшіе на балу или на вечерѣ у смотрителя гордились этимъ, рассказывали товарищамъ, какъ имъ хорошо было, какъ угощались ихъ отецъ игумень и какъ ласкалъ. Еще одна прекрасная черта была у смотрителя Ѳедора; это—дѣтей бѣдныхъ родителей онъ принималъ къ себѣ „за келейныхъ,“ т. е. за лицъ, которыя прислуживали ему, подавали самоваръ, обѣдъ; всѣхъ этихъ учениковъ онъ у себя кормилъ, поилъ, одѣвалъ, а работы не было никакой, потому что кромѣ учениковъ были и послушники, а слѣдовательно, ученики изъ келейныхъ носили только это званіе, въ дѣйствительности-же мало прислуживали. А между тѣмъ самъ игумень Ѳедоръ занимался съ ними, объяснялъ уроки имъ, выслушивалъ и такимъ образомъ давалъ возможность многимъ окончить курсъ семинаріи, такъ какъ келейники учились лучше, чѣмъ квартирные ученики. Въ то время предъ праздниками Рождества Христова, Свѣтлаго Воскресенія и предъ каникулами производились экзамены, а послѣ экзаменовъ выдавались билеты. Ученики, по полученіи билетовъ, могли ѣхать домой; на масляную также ѣздили домой, но только ученики ближайшихъ селъ. Экзамены производилъ самъ смотритель, и ужъ каждаго ученика такъ проэкзаменуетъ, что, не учившись въ теченіе года, не отвѣтишь. Экзамены всегда производились въ присутствіи всѣхъ учителей, съ особой торжественностью: ученика вызывали на средину класса, онъ стоялъ предъ учителями, такъ что никто не могъ подсказать. Смотритель Ѳедоръ къ неучившимся былъ неумолимъ; онъ прощалъ дѣтскія шалости, неучившихся уговаривалъ, оставлялъ на второй курсъ и, когда уже ничто не помогало, исключалъ. Но разъ находилъ у ученика желаніе учиться, не смотря ни на возрастъ, ни на бѣдность, давалъ возможность учиться: хлопоталъ предъ семинарскимъ начальствомъ о

выдачѣ пособія, и многіе, благодаря этому, имѣли возможность перейти въ семинарію.

При мнѣ въ училищѣ заведены были двѣ книги, „черная“ и „бѣлая“, и ежегодно на конференціи, при выдачѣ наградъ лучшимъ ученикамъ (наградами были только похвальные листы), приносились смотрителемъ училища обѣ книги. Сначала инспекторъ училища читалъ изъ „бѣлой книги“, гдѣ значилось: кто переводился въ высшій классъ, кому выдана награда; затѣмъ изъ рукъ смотрителя инспекторъ бралъ „черную книгу“. Тяжело было намъ смотрѣть на нее; изъ черной книги читали, „кто оставленъ былъ на второй курсъ, кого совсѣмъ исключали, кого оставляли до усмотрѣнія“. Въ то время оставленія ученика до усмотрѣнія были въ большемъ ходу; даже переводили въ высшій классъ съ отмѣткою „до усмотрѣнія“. Кажется, игумень Федоръ ввелъ это „до усмотрѣнія“; онъ, по крайней мѣрѣ, ежегодно читалъ изъ черной книги, кто и за что оставляется до усмотрѣнія, вызывалъ тѣхъ учениковъ на конференцію, указывалъ имъ проступки и требовалъ исправленія, въ противномъ случаѣ грозилъ увольненіемъ. Вообще онъ желалъ испробовать всѣ средства для исправленія ученика, и когда ничто не помогало, тогда только онъ подписывалъ приговоръ объ исключеніи ученика. Учениковъ Богуславскаго училища въ семинаріи называли „косарями“, т. е. возмужалыми, полными мужчинами, могущими не то что учиться, а и косить хлѣбъ. Это прозвище „косарей“ имѣло въ своей основѣ еще и то, что великовозрастные ученики, ведя дружбу съ послушниками, часто на монастырскихъ поляхъ косили пшеницу, сѣно и помогали послушникамъ просто изъ любви къ искусству, а не по приказанію начальства. Послѣ экзаменовъ ученикъ, получивъ билетъ, считалъ себя независимымъ человекомъ отъ начальства. Многіе бѣдные шли пѣшкомъ домой, а состоятельные родители присылали подводу. Случалось и такъ, что бѣдняки измышляли способы доѣхать безплатно. Помню, въ то время ученики Кіево-Подольскаго училища продѣлали такую шутку съ подводчикомъ. Три ученика добыли старый сундукъ, наложили въ него камня и пошли на житній базаръ искать подводы. Предъ Рождественскими и Во-

скресенскими праздниками крестьяне привозили въ Кіевъ битыхъ кабановъ, сало, птицу для продажи. Ученики стали разыскивать крестьянина изъ смежныхъ съ ними селъ. Разыскали, сговорились на базарѣ о цѣнѣ, при чемъ объяснили, что денегъ нѣтъ у нихъ теперь, а заплатятъ ему по пріѣздѣ домой, а въ обезпеченіе даютъ ему сундукъ съ священными церковными вещами. Каждый изъ учениковъ назвалъ себя по фамиліи, изъ какого онъ села, и указалъ своихъ родителей. Крестьяне всегда съ охотою брали пассажировъ, чтобы не ѣхать порожнякомъ домой, а въ данномъ случаѣ ученики за доставку сундука съ вещами посулили хорошую плату. Крестьянинъ былъ радъ заработку, сундукъ съ вещами принялъ подъ особый свой надзоръ, относился къ нему съ благоговѣніемъ, а паничамъ, какъ неимущимъ денегъ, далъ въ займы на дорогу, платить за ночлеги, за самовары, закуски. Бѣдные ученики рады были на чужой счетъ ѣсть, пить и не жалѣли денегъ крестьянина, а для убѣдительности во время пути не позволяли даже себѣ ногами касаться сундука. Такимъ образомъ, на счетъ того крестьянина ученики ѣхали три дня. Вблизи были тѣ деревни, куда имъ нужно было отправляться, и ученики во время ночлега скрылись, сундукъ же остался при крестьянинѣ. Утромъ крестьянинъ долго разыскивалъ своихъ паничей, но ихъ не оказалось; тогда онъ заплатилъ за ночлегъ и поѣхалъ прямо въ деревню, куда отправлялся сундукъ. Крестьянинъ явился къ священнику, объяснилъ церковному старостѣ, что привезъ для ихъ церкви вещи, при чемъ представилъ имъ счетъ расходовъ на паничей и въ счетъ слѣдующую за провозъ плату. Священникъ и староста удивились заявленію крестьянина и сказали ему, что никто не просилъ для ихъ церкви производить въ Кіевѣ покупки,—никакихъ паничей въ ихъ селѣ нѣтъ; но если церковныя вещи дѣйствительно окажутся въ сундукѣ, они готовы заплатить договорную плату и возратить расходы. Торжественно, при большомъ количествѣ крестьянъ, былъ вскрытъ сундукъ, и увы!— вмѣсто церковныхъ вещей въ сундукѣ оказались каменья. Затѣмъ, бывая въ Кіевѣ, тотъ крестьянинъ нѣсколько разъ ходилъ къ начальству Подольскаго училища жаловаться; опозналъ да-

же одного ученика, но тотъ доказывалъ, что въ то время не ѣздилъ домой, а товарищи удостовѣряли это. Такъ и пропало дѣло. Въ мое время хожденіе пѣшкомъ домой было обычнымъ дѣломъ для учениковъ; ходили и семинаристы домой пѣшкомъ. Бывало и такъ, что, во время польскаго бунта, семинаристы часто, идя домой, въ селахъ называли себя „поляками“; крестьяне брали ихъ на подводы, доставляли въ станovou кватиру. Тамъ они объявляли свое настоящее званіе, предъявляли билеты, и становой отпускала ихъ съ Богомъ; крестьянамъ же за любезность семинаристы только низко кланялись, а тѣ только почесывали затылки.

При смотрителѣ о. Ѳеодорѣ устраивались ежегодно два или три раза въ маѣ мѣсяцѣ „рекреаціи“. Игуменъ давалъ свои деньги на покупку орѣховъ, конфектъ и пр. Обыкновенно съ вечера объявляли ученикамъ, что такого-то числа будетъ „рекреація“. Въ назначенный день ученики, съ утра собравшись въ классѣ, попарно шли въ монастырскій хуторъ, въ разстояніи 3-хъ или 4-хъ верстъ отъ училища. По распоряженію о. Ѳеодора, послушники устраивали на полянѣ въ лѣсу „палатку“ для смотрителя, инспектора и учителей, затѣмъ съ утра везли туда самовары, тарелки, ножи, вилки, купленные продукты; учителя также брали съ собою провизію, равно какъ и ученики, имѣвшіе деньги, могли покупать булки, орѣхи пр. Все это водворялось въ палаткѣ. Ученики, явившись въ хуторъ до пріѣзда смотрителя, инспектора и учителей, бѣгали по лѣсу, шалили, играли. Заранѣе давался приказъ ученикамъ, чтобы они выучили стихи, рассказы; кто лучше и толковѣе прочтетъ стихи, или умѣло передастъ какой-либо рассказъ, тотъ получить орѣхи, конфекты и чай въ палаткѣ. Съ пріѣздомъ смотрителя, всѣ ученики являлись къ палаткѣ. Игуменъ Ѳеодоръ выходилъ на поляну; подносили ему палку и мячъ, онъ первый ударялъ въ мячъ, а ученики ловили; затѣмъ инспекторъ и учителя брали по мячу, и устраивалась тогда игра въ мячъ, въ жгутъ, въ жмурки и пр. Смотритель Ѳеодоръ около часу принималъ участіе въ какой-нибудь игрѣ, а учителя по большей части играли до вечера. Во время игръ всѣ составляли какъ бы одну семью, какъ-бы

что-то родное; даже самъ смотритель Федоръ изъ суроваго и строгаго начальника обращался въ веселаго, любезнаго и щедрараго. Разрѣшивъ игры, онъ затѣмъ спрашивалъ: „кто изъ учениковъ приготовилъ стихи или разсказъ, пожалуйста въ палатку, а остальные играйте“. Ученики входили въ палатку, по очереди произносили стихи, и, смотря по успѣху, получали изъ рукъ смотрителя орѣхи, конфеты, булки, пили чай, а затѣмъ уходили опять играть. Такъ оживленно, весело проходилъ день, что даже и не замѣчали, когда являлся нежеланный вечеръ. Бывали случаи, что „великовозрастные“, пользуясь правомъ сильнаго и имѣя злобу къ какому-нибудь учителю, подчасъ при игрѣ въ „жгутъ“ такъ сильно били учителей по плечамъ платкомъ, что тѣмъ приходилось только морщиться; но это были единичные случаи, а по большей части игра шла, какъ слѣдуетъ, съ должнымъ уваженіемъ къ учителямъ. Также бывали случаи, что ученики вышаго отдѣленія, имѣющіе голосъ, особенно „басъ“, черезъ лѣсъ бѣгали въ с. Хохотву за водкою, а то заранѣе припасали ее въ карманахъ и къ вечеру были немного подвыпивши; но это при общемъ оживленіи и веселости мало было замѣтно, и учителя на такихъ героевъ мало обращали вниманія. За часъ до захода солнца смотритель объявлялъ, чтобъ ученики готовились идти домой; при закатѣ солнца, начальство уѣзжало, и ученики, при помощникѣ инспектора, возвращались пѣшкомъ домой, при чемъ разрѣшалось дорогой пѣть. Была и еще одна симпатичная черта въ дѣятельности игумена Федора, а именно: зная, что не всѣ ученики окончатъ курсъ семинаріи и будутъ священниками, а многіе поступятъ въ гражданскую службу, онъ, будучи самъ знакомъ съ формами дѣлопроизводства въ судахъ по поводу веденія дѣла съ графомъ Браницкимъ за монастырскую землю, по субботамъ послѣ вечерняго богослуженія призывалъ къ себѣ на домъ всѣхъ учениковъ вышаго отдѣленія, заставлялъ писать разныя дѣловыя бумаги, при чемъ объяснялъ, какъ составлять протоколы, рапорты, прошенія, докладныя записки, какава форма каждой официальной бумаги, значеніе каждой бумаги, назначеніе ихъ по формѣ и содержанію, давалъ темы для составленія бумагъ, училъ,

какъ держать себя при писаніи и какъ стоять предъ начальствомъ при докладахъ. Желая видѣть, на сколько ученики усвоили преподаанныя имъ формы дѣлопроизводства, игумень Ѳеодоръ установилъ, чтобы старшіе въ квартирѣ по субботамъ послѣ уроковъ являлись къ нему съ рапортомъ о состояніи квартиръ, поведеніи учениковъ внѣ классовъ на квартирахъ, во время общей молитвы и во время богослуженія въ церкви.

Смотритель Ѳеодоръ, по происхожденію малороссъ, однако всегда говорилъ чисто по-русски и требовалъ того-же отъ учениковъ, которые, будучи дѣтьми сельскихъ священниковъ и причетниковъ, вели бесѣды другъ съ другомъ по-малороссійски. Кромѣ мѣры убѣжденій, что рѣчь русская для насъ необходима, какъ рѣчь государственная, о. Ѳеодоръ прибѣгнулъ и къ нѣсколько странному приему искорененія малорусскаго разговора среди воспитанниковъ. Чтобы заставить учениковъ исполнить его распоряженіе, онъ приказалъ приготовить нѣсколько дощечекъ, выкрасить ихъ черной краской и надписать слово „осель“ во всю длину доски, затѣмъ сдѣлать изъ бумаги длинные уши, подъ названіемъ „ослиные“, и тетрадь, подъ названіемъ „журналъ“, и установилъ, что кто изъ учениковъ скажетъ въ разговорѣ съ другимъ какое-либо малороссійское слово, тотъ сейчасъ-же записывался въ журналъ, на грудь его навѣшивали дощечку съ надписью „осель“ на голову надѣвали ослиные уши, а въ руки давали тетрадь. Провинившійся ученикъ долженъ былъ ходить среди товарищей и прислушиваться къ разговору, чтобы свои наряды передать другому. Я былъ при учрежденіи этой мѣры въ низшихъ классахъ училища; помню, что сначала эта мѣра возбуждала только смѣхъ, но впослѣдствіи стала оказывать дурное вліяніе. Въ первое время не успѣлъ одинъ надѣть наряды, какъ ловко подбѣгалъ къ группѣ товарищей, подслушивалъ разговоръ, схватывалъ на лету сказанное слово, повторяя его, удостовѣрялъ свидѣтелями и передавалъ дощечку и уши провинившемуся, при чемъ вручалъ журналъ, куда вписывалъ: такой-то произнесъ такое-то малороссійское слово при такихъ-то свидѣтеляхъ“. Затѣмъ ученикъ, получившій знаки, при общемъ смѣхѣ надѣвалъ ихъ на себя и отправлялся также шнырять между

учениками, прислушиваться къ разговору, такъ что въ теченіе часа этотъ нарядъ обходилъ весь классъ. Между тѣмъ смотритель строго приказалъ, подѣ страхомъ строжайшаго наказанія, ни подѣ какимъ предлогомъ самому не снимать съ себя наряда безъ передачи другому, даже спать въ немъ. Повторяю, что на первыхъ порахъ это распоряженіе не вызвало особаго протеста; даже заговорили ученики сразу кое-какъ по-русски, но послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ ношенія дощечки на груди и ушей на головѣ, ученики стали уже избѣгать встрѣчи съ лицомъ, имѣвшимъ на себѣ „нарядъ“, при явкѣ ученика въ нарядѣ къ товарищамъ, они прекращали разговоръ; прійдешь бывало въ классъ,—вмѣсто оживленнаго прежде разговора, видишь, что всѣ ученики *прямо онытми*. Если являлась крайняя необходимость что нибудь передать или попросить товарища, то стали уже мимикой передавать свое требованіе и пальцемъ указывать, что нужно; товарищъ догадывался и исполнялъ просимое втихомолку. Просматривая журналъ, однажды о. Ѳеодоръ замѣтилъ, что одинъ и тотъ же ученикъ нѣсколько недѣль ходитъ въ нарядѣ; онъ спросилъ „почему ты такъ долго ходишь съ дощечкою и ушами?“. Ученикъ отвѣтилъ: *„товарищи ничего не говорятъ, онытми, вмѣсто словъ вошла въ моду мимика“*. Учителя, особенно, помню, учитель Нечай обратилъ вниманіе смотрителя, что изъ этого распоряженія врядъ ли можетъ выйти толкъ, что ученики говорить по-русски не научатся, а только совсѣмъ разучатся владѣть рѣчью. Стало также замѣтно, что въ классѣ ученикъ начинаетъ что-нибудь рассказывать своими словами, затрудняется въ выраженіи, не знаетъ, какъ сказать „чисто по-русски“, а высказать по-малороссійски боится,—поэтому совсѣмъ остановится и молчитъ. Всѣ эти неудобства заставили о. Ѳеодора отмѣнить свое распоряженіе, послѣ чего всѣ вздохнули какъ-то свободно. Но при отмѣнѣ этого распоряженія онъ строго-на строго приказалъ, чтобы ученики старались говорить по-русски, а нарядъ приказалъ надѣвать въ классѣ на тѣхъ, кто не зналъ уроковъ. Когда я былъ, кажется, въ высшемъ отдѣленіи, о. Ѳеодоръ распорядился, чтобы ученики по алфавитамъ составляли малороссійскія слова съ переводомъ по-русски; каж-

дый ученикъ, составивъ такой словарь, представлялъ его о. Феодору, и кто больше вписывалъ словъ, тотъ получалъ благодарность.

Помню я еще, что, находясь въ училищѣ, слыхалъ я названіе одного кушанья „Феодоровскій супъ; по рассказамъ учениковъ, исторія этого супа слѣдующая. Игуменъ Феодоръ, вступивъ въ должность смотрителя училища, преподавалъ латинскій языкъ и географію. Однажды онъ замѣтилъ, что всѣ почти ученики во время урока заснули; сталъ онъ дознаваться причины, и оказалось, что на квартирахъ учениковъ ежедневно, кромѣ постныхъ дней, готовились блины, которые очень рано давались ученикамъ на завтракъ. Наѣвшись блиновъ, ученики играли, повторяли уроки и, являясь затѣмъ въ классъ къ 9 часамъ, чувствовали себя со-всѣмъ отяжелѣвшими, благодаря чему незамѣтно, при рассказахъ объ отвлеченныхъ предметахъ, засыпали. О. Феодоръ воспретилъ хозяйкамъ печь блины и приказалъ изгнать это кушанье, доказывая негодность его пословицею „сытое брюхо на ученіе глухо“, а взявъ его распорядился на всѣхъ квартирахъ варить супъ. Ученики стали просить хозяекъ тайкомъ печь блины; хозяйкамъ было даже выгодно не изгонять блиновъ, такъ какъ, наѣвшись блиновъ до сыта, ученикъ, хотя спалъ въ классѣ, но за то не былъ цѣлый день голоденъ и мало уже ѣлъ. Съ обоюднаго согласія хозяекъ и учениковъ было рѣшено, чтобы ученики не ѣли супа, о чемъ вскорѣ узналъ и о. Феодоръ. Послѣ разныхъ просьбъ и ходатайствъ хозяекъ, о. Феодоръ опять разрѣшилъ печь блины, но только два раза въ недѣлю, по *четвергамъ и субботамъ*, а по понедѣльникамъ и въ постные дни ученики обязательно должны ѣсть супъ. На томъ и поконченъ былъ вопросъ о блинахъ и „Феодоровскомъ супѣ“.

Проживъ годъ въ монастырскихъ квартирахъ, я былъ переведенъ на квартиру къ учителю Ивану Августиновичу Буйницкому, который былъ для учениковъ-квартирантовъ настоящимъ отцомъ. Правда, въ монастырскихъ квартирахъ жилось свободнѣе: ученикамъ, особенно старшихъ отдѣленій, можно было въ карты играть, курить; на квартирахъ же учителей надзоръ былъ серьезнѣе, и предаваться развлеченіямъ, не доз-

воленнымъ начальствомъ, положительно нельзя было. Кражи книгъ и вещей на квартирахъ учителей положительно были немислимы. Если же онѣ случались, то всегда украденное находили, а виновнаго могли выгнать изъ училища. При мнѣ лучшіе ученики высшаго отдѣленія назначались старшими, и ученикъ въ этой должности считался уже „начальствомъ“; старшій держалъ высоко свое знамя, онъ во всякое время ученика низшаго и средняго отдѣленія могъ бить, даже сѣчь, а жаловаться на то опасно было, потому что при жалобѣ старшій наговорить инспектору или помощнику.

И. Елебановскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Лирникъ Евдокимъ Мыкитовычъ Мокровизъ. Евдокимъ Мокровизъ родился въ с. Сывкахъ Острожскаго у., Уніевской волости, приблизительно въ 1859 году, но выглядить онъ гораздо старше своихъ лѣтъ. 10-ти лѣтъ онъ ослѣпъ отъ оспы и, будучи вслѣдствіе этого неспособнымъ къ физическому труду, отправился черезъ 5 лѣтъ въ Ямполь учиться къ лирнику Левонтію Михалевичу. Михалевичъ, — тогда уже старикъ лѣтъ 60, — дѣлалъ лиры и бралъ къ себѣ въ науку слѣпыхъ мальчиковъ. Вмѣстѣ съ Евдокимомъ у Левонтія учились еще 4 мальчика: Архипъ Спычка, Андрій, Иванъ и Павло. Въ наукѣ Евдокимъ пробылъ 1 годъ и 2 мѣсяца и заплатилъ за все это время «майстру» 20 р. У него онъ научился играть на лирѣ и пѣть псалмы: 1) Пятницу, 2) Лазара, 3) про Страшный судъ; 4) Мыколая, 5) Спасителя, 6) Гаврыла, 7) Василя, 8) про Адама, 9) про Почаевську Божу Матерь, 10) Алексія, 11) Ивана Богослова, 12) Понедилокъ, 13) «Адама св. писню», 14) про св. Петра и Павла и др., и разныя пѣсни: 1) про панщину, 2) про биду, 3) Сыритку, 4) Тещу....

15 лѣтъ назадъ онъ женился и уже имѣетъ 7 дѣтей; жена присматриваетъ за маленькимъ хозяйствомъ и дѣтьми, а самъ Евдокимъ со старшей дѣвочкой своей Настей ходитъ зарабатывать хлѣбъ своимъ пѣніемъ и игрой на лирѣ.

Встрѣтился я съ Мокровизомъ на ярмаркѣ въ г. Острогѣ весной 1894 г. На мое приглашеніе зайти ко мнѣ, Евдокимъ отвѣтилъ рѣзкимъ вопросомъ: «а шо вы мыни за те дасте?» Подобнаго вопроса

мнѣ не приходилось слышать раньше ни отъ одного лирника, и потому рѣзкость его вмѣстѣ съ угрюмымъ видомъ слѣнца расположили сперва не въ пользу послѣдняго; но это впечатлѣніе, при болѣе близкомъ знакомствѣ съ Евдокимомъ, совершенно изгладилось. Самъ Мокровизъ поспѣшилъ объяснить причину, вызвавшую его вопросъ: за нѣсколько часовъ до нашей встрѣчи его окружила толпа евреевъ съ просьбой спѣть имъ что-либо; почти цѣлый часъ продолжалось пѣніе и, когда послѣ него Евдокимъ попросилъ пожертвовать ему что-либо, евреи осыпали его градомъ насмѣшекъ и разошлись. Подобный-то случай и вызвалъ недовѣрчивое отношеніе пѣвца къ своимъ слушателямъ; но, разъ успокоившись, Евдокимъ охотно прочѣлъ весь свой запасъ пѣсенъ. Я прочелъ ему нѣсколько думъ и пѣсенъ, записанныхъ отъ другихъ лирниковъ и кобзарей. Думы, повидимому, не произвели на него никакого впечатлѣнія, хотя онъ и слушалъ ихъ съ большимъ вниманіемъ; но отъ нѣкоторыхъ пѣсенъ онъ пришелъ въ восторгъ; особенно же понравилась ему пѣсни про Хому и Ярему и про вдову; послѣднюю онъ просилъ прочитать ему нѣсколько разъ и каждый разъ выслушивалъ съ глубокимъ вниманіемъ. — «А, колы-бѣ сю якъ замитыть!... Насте, а Насте!» — кликнулъ онъ зашедшую въ другую комнату дѣвочку; «йды-но сюды, послухай: ты скорійше ии замитышь». Настя также со вниманіемъ выслушала пѣсню, но сразу не замѣтила; послѣ вторичнаго прочтенія ея, дѣвочка сказала, что можетъ уже повторить, но повторить пѣсню громко постѣснялась.

№ I. Про Почаевську Божу Матерь.

Нашли пастыри овцы на гори,
 Увидѣли Матерь Божу на скали.
 На тѣйи скѣли ступки знаты,
 Де стояла Божая Маты;
 Тамъ воду берутъ,
 Усимъ вернымъ дають.
 Причыстая Дѣво Маты,
 Де въ Почаеви икона твоя?
 Чуда твои надъ чудамы
 Показала надъ туркѣамъ;
 Твоя сила усихъ победыла...
 Зразу зъ Баража въ Почаевъ пришли,
 Много хрыстіанъ нашли.
 У Почаеви въ монастыри плачуть-рыдають,
 Крыжемъ упадають,

Руци возносить:
 О, змылуйся, Мату Божа, надъ нами!
 Зійшла зора вечорава
 Надъ Почаевома стала;
 Вышло воево турецькее,
 Якъ чорная хмара.
 Есть то воево—есть то турки.
 Стали воюваты,
 Почаевъ руйнуваты.
 Дозналася Пресвата Дива,
 Вышла, на икони стала,
 Чудо показала:
 Кули вертала,
 Турковъ обывала.

№ II. Про Миколая.

Больши его нѣтъ на земли трона.
 Кто хоче соби за патрона,—
 Обратись къ Миколаю святому.
 Хоть-бы ты былъ потоналъ на мори,
 То буде Миколай вскори;
 И „рягуй насъ!“—заразь дае руци въ помощь
 Духъ святой Миколая на мори.
 А вушь ратуе звязня (?) съ темницы,
 А сироти, вдовци
 Дае способъ, якъ на свити прожыты.
 Досыть ёго свить немалый.
 Люде дозналы:
 Кто ёму помолыть Богу,
 Онъ способъ дасть, якъ на свити прожыты.
 Ходь-бы й былъ у якій напасти,
 Го не дасть Миколай пропасти,
 Сыротама онъ есть опекуны;
 Кто Миколая спросить на помощь,
 Тому вонъ заступныма стаё,
 Сребла и злата у помощь даё.
 Вомвгдемъ (?) главы склоняймо
 Миколаю святому!
 Шо мы будемъ ёго благаты,
 Буде Миколай усихъ души ратуваты.

О святителю, оче Миколаю, ратуй насъ,
 Якъ самъ чудотворецъ,
 На вѣки вѣковъ!

№ III. Про Гаврыла.

Выйду я на високу гору,
 Поднявлюся зъ горы додолу;
 Виду я свой прекрасный домъ,—
 Тамъ стойть прекрасный домъ;
 Виду я свой гробъ.
 Кольбъ я знавъ свой конецъ вѣка,
 То-бъ я душамъ царствіе уготовавъ.
 Первыми служ-божnymi,
 Другими панахыдамы,
 Третьими перестасамы,
 А четверты озапцстамы,
 А пятими молитвамы.
 Ой выйду я на високу гору,
 Зобачу я красную рѣку;
 Тамъ уси грѣшныи идуть,
 И попереду святой Гаврыилъ иде,
 Въ правій руци золотый хрестъ несе.
 Де-жъ вы, души, забарылися,
 Що до царствія не вспишныся,
 Гаврыилови не поклонныся?
 Гаврыиле, ой ты ойче нашъ,
 Пріймы вси души до царствія насъ.

№ IV Про Спасытеля.

Ой выйду я на високу гору;
 Тамъ стойть панъ Спасытель,
 На крыжу прыбытый.
 Пане, за шо терышь раны?
 Черезъ злую долю
 Тече кровь зъ водою:
 Въ образи Хрыста пана
 Есть збоку рана.
 Навозать дровъ зъ темного лѣса,
 Наложать дровъ,— отдадутъ душу къ блусу;
 Наварать пива и розвѣго отрунку,
 На симъ свити зададутъ трасунку.
 О Боже мій, Боже,

Яке смутне ложе!
 Набралася душа гриховъ
 И збутись не може.
 О, ти, гришнйеу, кайся,
 До Господа вдайся!
 Молытвамы да постами
 До Господа вдайся!
 И мы, хрыстіане, Спасытеля прославляймо
 И имя ёго помынаймо
 На вьки вьковъ.

№ V. Про Васылія.

Возъявляйся благодать,
 Уста, очы твойи;
 Альбы си буль еси Васылій добрый пастыръ,
 Словесныя овцы
 Увировали въ Бога въ Тройци.
 Кайся, владію, грихамъ свойимъ,
 Покуты держься,
 Передь свойимъ ойцемъ Васыліемъ слёзамы омыйся.
 Заманувъ Васылій владія въ доми,
 А самъ пошовъ молыцца Богу о доли;
 Вославословяты, пьсни спивають
 И запьсы выдають,
 Въ переву вертають,
 На владія нарекають
 И вельми ёго прокльнають,
 Яко слугу свою,
 О, змылуйся, Боже, надо мною,
 Шо я недостойный передь тобою,
 Сотворителю мойи и спасытелю мойи,
 И Васылію мойи!

№ VI. Про Олексія, Божого чоловіка.

Ой у Бога великая сына!
 Одружывъ же царь по неволи сына,
 Одружывъ и веливъ у пари жыты,
 А винъ пьшовъ по пуци блудыты.
 Блудывъ же винъ трыдцать и тры лита,
 Не йившы, не пившы,
 А прыйшовъ же до отця, якъ земля сторнившы.
 И ёго отецъ въ лыцё не пьзнавъ,

У своему доми за старца принявъ,
 И казавъ слугамъ шпыталецъ збудоваты,
 Йисты-пыты ёму доношаты.
 Ёму слугы шпыталецъ збудовалы,
 Йисты и пыты доношалы;
 А вунъ того ниць-ничого ве еживавъ,
 Усе тое на нищыхъ ровдававъ.
 Пришло Олексію сконченіе виба,
 Пришло помираты,
 Казавъ соби жытня писаты,
 По смерти въ били руци дати:
 —Дайте, слугы, до ода знаты,
 Нехай прыде карты читаты.—
 Прышовъ отецъ, карту чытае,
 Надъ картою горко умливає:
 „Горко окрашенный свиту,
 Олексію, сыну мій, розовый квіту!...
 Дайте, слугы, до матинны знаты,
 Нехай прыде карты читаты.“
 Прышла маты, карту чытае,
 Надъ картою горко рыдае:
 „Горко окрашенный свиту,
 Олексію, мій сыну, розовый квіту!...
 Дайте, слугы, до милой знаты,
 Нехай прыде карты читаты,
 Олексію мужа спознаваты.“
 Прышла мила, карту чытае
 И надъ картою горко рыдае;
 „Горко окрашенный свиту,
 Олексію, мой муже, розовый квіту!
 Я съ тобою въ церкви стояла
 И Богу прысягала;
 Прывивъ Господь у нари жыты,
 А ты пшышовъ у пуши блудыты...
 Кожна птыця пару мае,
 Кожне древо одрески пускае,
 А я съ тобою плоду не мала,
 Черевъ тебе свій выскротала...
 Плыдне древо въ раю прыймають,
 А безплыдне древо зъ раю выедають“..
 Богови на славу, Олексію на охвиру, намъ на здорově.—

№ VII. Про св. Петра и Павла, якъ Господь и воны ходылы по земли.

Ой въ чытверь по вечери
 Ишовъ Господь по беседи;
 Ишовъ Господь дорогою,
 Здыбавъ дивку зъ водою.
 —Ой дай, дивко, воды пыты,
 Смажни уста окропыты.—
 „Ой то, старче, вода нечыстая:
 Изъ гирь писку насыпалось,
 Изъ клена лысту нападало.“
 —Ты, дивко, сама нечыстая;
 То есть вода свята—пречыстая;
 Ты симъ сыновъ породыла
 И въ тій води потопыла.—
 Стала дивка та й зумылась,
 Якъ упала, то й зомлила.
 —Встань, дивко, не лякайся,
 Йды до церквы, сповидайся,
 Зъ оцомъ-зъ маткою попрошайся.—
 Прышла дивка до церквы, стала;
 Пидъ нею земля ростворылася;
 Пошла въ пекло глыбоко.
 Святыи Петре, святыи Павле,
 Подай ключи пекельни,
 Выпусти души спасенны,
 Тylko тийи не выпускай,
 Шо въ неділю рано йила,
 А въ пятницю писни пила,
 А въ субботу не умывалась,
 Зъ оцомъ-зъ маткою валаялась.
 —Я не лаяла, тлько помыслыла.—
 Гирше твое помыслыни.
 Нижъ валаяни.
 Богови на честь и хвалу, намъ на здоровье!

№ VIII. Адама святого писня.

Прийде годына
 Для всихъ йидына;
 Куда ся розлучаты,
 Якъ скажутъ изъ неба
 Усе въ свити покыдаты?
 Судія чтывий,
 Всимъ намъ страшныи

Сядь на своемъ тронѣ.
 Кому глянѣ по ливымъ ст'рѣни,
 Начне судити,
 Добримъ платити,
 А злѣи отдасть на муку.
 Съ лучамы слѣбнѣца
 Тило безъ кѣнца
 Гришнѣи злослѣвѣи
 Дита златѣи.
 Перестанѣмо гришнѣи.
 Пѣсню святую
 Ангѣли будутъ пѣти.

№ IX. Страшный судъ.

Когда часъ придетъ,
 Страшный судъ наступитъ,—
 Кто добре чинилъ,— царствіа доступны.
 Часъ-година уплывае,
 Страшный судъ приближае,—
 Готуймося вси.
 Огня рѣка буде клѣбѣтати,
 Усю землю очищати;
 Когда крикнутъ уси святѣи:
 Идуть одѣ насъ проклатѣи
 Въ пропасть вичваю
 И въ пропасть пекельную;
 Поднесуца пидѣ небеса;
 Вѣгонъ спаде, земля займеца—
 Господне времѣа.
 На Сахватуѣ долини тамъ люде зыѣдуца,
 Тамъ прѣятельство вытатнѣа буде;
 Не заступнѣа ни хто,— а ни отецъ, ни маты.
 Отъ своей смерти
 Будемъ очи закрывати,
 Великѣи страхъ маты.
 Якъ пзыде Христосъ,
 Де янголи въ трубу затрубятъ,
 Усѣихъ умершѣихъ у грѣби збудятъ:
 Уси умершѣи вставайте,
 Лицемъ у неби вглядѣйте,
 Лицемъ у неби и на висѣи.

Л' Х. Понедилокъ святыи (про сыни блудящого).

Якъ шо въ мыри зъявляеця,
 Такъ до конечно;
 Шо чоловікъ жыє въ свити,
 Злыне статечно;
 А гришачы мыслать соби:
 Покаюсь я й не пиду въ гробъ.
 А винъ пошовъ въ яврейскій домъ.
 Хмелю веусувъ;
 Якъ закусувъ,
 Такъ гришты мусувъ,
 Якъ за нимъ злый дьяволь ходыть,
 На грихъ, на блудъ, на забойство прыводыть.
 За нимъ иде вотець его и маты
 На все добре научаты
 Сына блудящого;
 А вонъ водъ йихъ якъ звирь быжыть,
 Якъ звирь блудыть.
 —Якъ идешъ зъ сего свита,
 Будешъ горко тужыть.—
 Пришло время блудящому
 Въ огонь ступаты,
 Наздривъ отецъ и маты
 Сына блудящого.
 А вонъ просыть воща своего:
 „Дайте ратунку!“
 —Иды, сыну, въ огонь вѣчный,
 Зажывай смутку.—
 „Ой Боже мой, ой творче мой,
 Шо я учынивъ,
 Шо я своего оця-матку
 На винъ розгнивывъ.
 Несчастлы той день бувъ
 И тая годна,
 Когда мене несчастного
 Матка уродыла;
 Несчастлы той день бувъ,
 Шо я уродывся;
 Зумивъ-бы,—въ утроба заснитывся.“
 А вънедилью ране-барзо
 Не пййте вина,
 Бо те вино барзо злее
 Зводыть чоловіка зъ ума.
 Остаunte-жъ вы, хрыстяне,
 Да й выслушайте,

Шо то е прописано
 Дванадцать понедѣльнѣвъ;
 А хто же ѣихъ воспостуе
 Воспостами, молятвами
 Той чоловікъ воспасеной буде,
 Ёго душа во царствіи буде.

№ XI. Про сыритку.

Зашумили дуги, забрнрили реки.
 Померъ отець-маты, сырота на вѣки;
 Померлы сестры, померлы браты,—
 Никому сырѣти порадочку дати.
 А пишла сыритеа по свѣти блукаты,
 По свѣти блукаты, мамуни шукаты.“
 Стречавъ іи Осподь, ставъ іи пытаты.
 —Куды йдешъ, сыритко? —„Мамуни шукаты.“
 —Ой вернися, сыротко, бо далеко зайдашъ,
 А своєю мамуви повикы не знайдешъ,
 Бо твоя мамуна на высокій гори,
 На высокій гори у сядящому гроби.—
 А стала сыритеа надъ гробомъ плакаты.
 Озываетъ до ней ея ридна маты:
 —Хто жъ тамъ плаче на моёму гроби?—
 „А я жъ, мамо, сыритка; возьми мене до себе.“
 —Нема жъ тутъ, сыритко, ни йисты, ни пыты,
 А призываъ Господь въ сырій земли гныты;
 Насыпали земли, до тебе не встану,
 Слышылися очи, шо на свѣтъ не гляну.
 А йды ты, сыритко, мачухи просыты,
 Чы ны схоце тоби головеу измыты.—
 „А ще мачуха й головеи не змыла,
 А щасте й здоровья на вѣки вмалыла;
 А йще мачуха мени сорочки недала,
 А вже мене мачуха словами проклѣла.“
 Ссылае Господь ангола зъ неба
 Узяти сыритку до ясного неба.
 Посылае Господь двоухъ пекельныхъ зъ пекла,
 Узали мачуху до вичного пекла,
 Понесли у пекло барзо високо,
 А винули въ пекло барзо глыбоко:
 Плавай, плавай, мачухо, ище будешъ выпиты,—
 Ото тоби кара за сырѣты-диты.
 Уже бидна сыритеа у неби со свѣтыми,
 А невѣрна мачуха у пекли съ проклѣтыми.

№ XII. Про панщину.

Ой летіла зозуленька
 По-надъ горемъ-селамаъ.
 Чогось наша громадошька
 Смутна, невесела.
 Ой летіла, та й летіла,
 Сила спочывати.
 Почекайте, добры люде,
 Щось маю вамъ сказати,
 Маю вамъ казати
 И говорыты:
 Не будете, добры люде,
 Панщны робыты.
 Ой летіла зозуленька,
 Сила въ саду, заковала.
 На трейтій день великодня
 Панщина пропала.
 Выйшла стара пани
 На затыльни дверы:
 —Ой вернися, панщынонько,
 Хоча й до вечѣра.—
 „Не вернуса, стара пани,
 Я съ того невынна;
 Самы того наробылы,—
 Панщина загыла.“

А. Малинка.

Пререканіе кіевскаго магистрата съ губернской канцеляріей по поводу квартирной повинности въ 1759 году. Кіевскій магистратъ, основываясь на Высочайшихъ грамотахъ, считаль обывателей Подола, входившихъ въ составъ мѣщанства, свободными отъ квартирной повинности. Въ старинныхъ грамотахъ, жалованныхъ городу, дѣйствительно, повторяется эта привиллегія: «находящихся въ верхнемъ городѣ Кіевѣ ратныхъ людей и стрѣльцовъ въ здѣшній городъ въ постой никого не присылать»; а въ 1733 г. февраля 26-го послѣдовалъ по этому поводу особый указъ Правительствующаго Сената, въ силу котораго расположенная была временно на Подолѣ инженерная команда выведена была на Печерскъ. Тѣмъ не менѣе привиллегія эта не рѣдко нарушалась, изъ чего и возникли пререканія между магистратомъ и губернской канцеляріей. Любопытнымъ примѣромъ такихъ пререканій можетъ служить дѣло 1759 г. «объ

отводѣ артилеріи г. генераль-маіору Чиркову въ нижнемъ городѣ Кіево-Подолѣ пристойной квартиры».

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1759 г. Кіевская губернская канцелярія предписала магистрату отвести на Подолѣ пристойную квартиру генералу. Магистратъ же въ отвѣтъ на это предписаніе просилъ освободить его отъ этой обязанности давать квартиру названному генералу, такъ какъ городъ, по имѣющимся у него грамотамъ, долженъ отводить квартиры только *пропьюжающимъ* черезъ городъ разнаго рода чинамъ, военнымъ и гражданскимъ, посылаемымъ отъ высшаго правительства, а «артилерійскій департаментъ здѣсь учрежденъ не на время, но навсегда, таковыхъ же навсегда здѣсь учрежденныхъ командъ генералитетъ, штабъ и офицеры имѣютъ квартиры въ Печерскомъ и въ верхнемъ городѣ Кіевѣ». Кромѣ того, магистратъ указывалъ и на крайнее стѣсненіе мѣщанскихъ домовъ существующими уже постоями. Губернская канцелярія не уважила ходатайства магистрата и предписала отвести квартиру генералу Чиркову «безъ замедленія, не принося никакихъ отговорокъ».

Магистратъ, однако, нашелъ нужнымъ привести въ отвѣтъ на это предписаніе весьма обстоятельное «доношеніе», въ которомъ доказывалъ незаконность такого требованія квартиры для генерала Чиркова, а въ заключеніе сообщалъ, что на Подолѣ и нѣтъ подходящихъ помѣщеній: «хотя же зъ чиновническихъ домовъ нѣкоторыя противъ прочихъ мѣщанскихъ домовъ мало и лучшіе показуются, однакъ тѣ дома по высокомонаршимъ грамотамъ всякихъ постоевъ уволены, прочіе жъ мѣщанскіе дома крайне тѣсныя и въ строеніи скудныя, да и тѣ всегда отъ постоевъ не свободны, чимъ и такъ здѣшніе обыватели противъ другихъ малороссійскихъ обывателей излишнее поносятъ отягощеніе, въ дополненіе же того, ежели еще таковымъ навсегда здѣ быти имѣющимъ чинамъ здѣ квартировать, и колыми паче отягощенни и разоренни будутъ». Въ виду всего этого, такъ какъ требованіе губернской канцелярії идетъ «въ отмѣнность» высочайшихъ грамотъ и указовъ, магистратъ «надъ тѣ высочайшіе грамоты и другія предъизображенныя обстоятельства и поступать дерзости не имѣеть».

Но губернская канцелярія во всѣхъ этихъ объясненіяхъ магистрата усмотрѣла, «единныя непристойныя отговорки»: все представленное въ нихъ, «къ настоящему резону не служитъ, но наиболѣе къ ослушанію», такъ какъ де и самый вопросъ о томъ, временно или постоянно придется быть въ Кіевѣ генералу Чиркову, «не только

кіевскому магистрату, но и кіевской губернской канцеляріи къ разсужденію не принадлежитъ». Такъ какъ, по мнѣнію губернской канцеляріи, магистратъ въ отводѣ квартиръ воинскимъ чинамъ «долженъ по опредѣленіямъ и указамъ Губернской Канцеляріи безпрекословно поступать и исполненіе чинить», то и опредѣлено было послать въ магистратъ «третичный указъ, которымъ найкрѣпчайше подтвердить, чтобъ предписанному г. артилеріи генераль-маіору Чиркову на Подолѣ по рангу его пристойную квартиру отвести въ самой скорости, не принося недѣльныхъ ко отбывательству отъ того отговорокъ, а ежели и за симъ по упорству отъ того магистрата таковой квартиры ему, г. генераль-маіору, отведено не будетъ, то принуждено будетъ на оной магистратъ въ ослушаніи представить въ Прав. Сенатъ».

Кіевскій магистратъ этихъ представленій въ Прав. Сенатъ со стороны губернской канцеляріи не боялся и, имѣя своихъ собственныхъ ходатаевъ по городскимъ дѣламъ, весьма упорно отписывался отъ предписаній губернской канцеляріи¹⁾.

А. А.

Нѣсколько словъ о колядкахъ. Въ февральской книжкѣ «Кіевской Старины» сего года помѣщены два варіанта колядки «Дивное народженіе Божого Сына», записанной въ Александрійскомъ уѣздѣ херсонской губерніи. Небезъинтересно сравнить съ этими варіантами ту-же колядку, записанную въ селѣ Будахъ Зеньковскаго уѣзда Полтавской губерніи:

Дивное народженія Божого Сына!...
 Уродился сынъ Божій у Диви Маріи—
 Въ малымъ тилѣ, въ многолиттѣ...
 Сынъ Божій страждался на объявленія (sic).
 Ходимо поклонимось Пречисти Пани!
 Ще-жъ мы не знаемъ Божов тайны...
 Огонь горить, смола кипить,

¹⁾ Въ слѣдующемъ 1760 г. октября 26-го послѣдовалъ указъ Пр. Сената „О вѣданіи кіевскихъ мѣщанъ судомъ и управленіемъ по Магдебургскимъ правамъ въ кіевскомъ магистратѣ, о бытіи оному магистрату подъ апелляціями Пр. Сената и объ охраненіи отъ обидъ, какъ магистрата, такъ и мѣщанъ, кіевскому губернатору“. Этимъ указомъ магистратъ освобождался отъ непосредственной подчиненности губернской канцеляріи, но въ сущности едва ли что либо этимъ выигрывалъ: то, что писалось прежде отъ губ. канцеляріи, стало писаться лично отъ генераль-губернатора, который стоялъ, такъ сказать, во главѣ губернской канцеляріи.

Душа вырывается..
 Отце-жъ тоби, душе моя,
 Що маты проклала.
 Вечерь добрый!...

Приведенный вариантъ, очевидно, представляетъ попытку въ чисто народномъ духѣ осмыслить сюжетъ колядки—рожденіе Сына Божія и связанную съ этимъ событіемъ Божью тайну—другимъ событіемъ, страданіями Спасителя, тогда какъ въ двухъ вариантахъ Херсонской губерніи заключается простое указаніе на важность событія и выраженіе по поводу его радостнаго чувства въ нѣсколько книжномъ духѣ.

Въ той-же книгѣ «Кіевской Старины», подъ № 3, помѣщена колядка о трехъ товарищахъ: красномъ солнцѣ, свѣтломъ мѣсяцѣ и крупномъ дождикѣ. Этотъ сюжетъ вотъ какъ трактуется въ трехъ колядкахъ, записанныхъ въ томъ-же селѣ Будахъ:

1. Прыслалося до Марушки трое гостей,
Трое гостей—трое старостей....

Марушко-пани, говори зъ нами
 Стехенько!

Первіи гости въ конци стола,
 А други гости на порожечкахъ,
 А трети гости въ воротечкахъ;
 А тыкъ, що въ кинци стола,
 Рушнычы дала,
 А що на порожечкахъ,
 Почастувала,
 А що въ воротечкахъ,
 Одказала.

Марушко-пани и т. д.

2. Поухавъ Днннско дивки свататы...

Соколе ясній,
 Молодче красній,
 Днннско!

Зострило ёго три розбійнычы,
 Сталы ёго быты—корыты,
 Батька -- матери пытаты.
 — „У мене батько, якъ ясенъ мисаць,
 „У мене матирь, якъ ясне сонечко,
 „У мене братыкы, якъ буйны витречкы,
 „Въ мене сестрыци—ясни зирныци...
 Бувай здоровъ, молодой Днннско,
 Зъ мылымъ Богомъ и зъ родомъ,

Зъ Сусомъ Хрѣстомъ,
 Зъ святимъ Рождествомъ!
 Вечирь добрій!...

3. Ты, Иванку мій!
 Одчйнай же двирь,—
 Одчйнай двора,
 Застилай стола:

(Славенъ еси, мій мыйй Боже, на небеса!)
 Буде до тебе трое гостенькивъ:
 Первій гостенько, якъ ясенъ мисяць,
 А другый гостенько, якъ ясне сонечко,
 А третій гостенько—дрибный дощякъ.
 Якъ похвалытца ясенъ мисяць:
 Якъ освячу я небо и землю,
 И звирь у поли, и звисть (зис) у дорози....
 Якъ похвалытца ясне сонечко:
 Якъ прыгрю—взрадуецца старе й мале.
 Якъ похвалытца дрибній дощякъ.
 Якъ пиду я—взрадуецца жыто й пшеница,
 Всяка пашыцца, шей рыба въ мори.
 Вечерь добрій...

Собственныя имена въ этихъ колядкахъ произвольно замѣняются другими именами. Припѣвы «Марушко пани...» и «Славенъ еси...» повторяются черезъ стихъ или черезъ два стиха. Всѣ приведенныя мною колядки называются «дівчачыми», въ отличіе отъ «парубоць-ныхъ» и «жиночыхъ».

В. Штененко.

Выходецъ изъ полону Василій Віоленскій. Василій Віоленскій, «казацкій сынъ», уроженецъ г. Ивана (теперешней Подольской губ.) десятилѣтнимъ мальчикомъ былъ выданъ туркамъ жителями м. Торговицы выѣсть съ другими дѣтьми въ видѣ откупа. Пространствовавъ затѣмъ сорокъ лѣтъ по разнымъ странамъ, онъ вернулся въ Россію, желая поступить на морскую службу. Въ Москвѣ, въ приказѣ Малой Россіи, Віоленскій подробно разсказалъ свою біографію, которую въ виду ея интереса, мы здѣсь и приводимъ.

«1702 г. августа въ 12 день въ приказѣ Малыя Россіи явился выходецъ изъ полону и подалъ изъ Кіева генераль-маіора Юрья Фемендина проѣзжій листъ. А въ распросѣ сказался Васильемъ зовуть Степановъ сынъ, прозвище Віоленскій, родомъ литовскаго города Ивана, казацкой сынъ благочестивой вѣры греческаго закона. И тому

ны и ѣ назадъ лѣтъ съ сорокъ остался онъ по смерти отца своего и матери въ сиротствѣ и въ малыхъ лѣтѣхъ. И по взятіи отъ турковъ го рода Каменца Подолскаго въ приходъ ихъ же турецкихъ войскъ по дѣ иные литовскіе облажащіе кругъ того Каменца города перевезень онъ Василій сродники ево въ городъ Торговицы; и когда турецкіе войска подъ тотъ городъ Торговицы пришли и того города мещаня, учиня съ приводцы тѣхъ турецкихъ войскъ договоръ, за избавленіе свое отъ разоренія ихъ собравъ въ томъ городѣ казацкихъ дѣтей, которые туды прибѣгали и привезены отъ приходу тѣхъ же турецкихъ войскъ изъ разныхъ окрестныхъ мѣстъ, отдали Туркамъ всѣхъ мужеска и женска полу человекъ съ 700, въ томъ числѣ и ево Василья, тогда десяти лѣтъ бывша.

И привезли ихъ турки въ Царь-городъ раздѣлили по себѣ, и онъ Василей достался нашѣ Олару Мустаеѣ, которой ево у себя держалъ въ Царѣ-Городѣ зъ годъ; и что онъ православной своей вѣры нарушити и ихъ басурманской приняти не пожелалъ, продалъ его на галанской военной корабль, именуемой Ясвель, капитану Менегу, которой былъ тогда въ Царѣ-Градѣ за торговыми галанскими корабли опаснымъ; а взялъ за него Василья тотъ паша у галанскаго капитана 700 ефимковъ. И купя тотъ капитанъ привезъ ево на корабль своемъ въ Голандію, въ городъ Амстердамъ, и жилъ онъ у того капитана въ хлопцахъ 5 лѣтъ; и давалъ ему тотъ капитанъ по три ефимка на мѣсяць; и ѣздя съ нимъ на корабль по разнымъ государствамъ призналъ пушкарскую службу. Потомъ, когда тотъ капитанъ умре, и онъ сталъ быть свободенъ.

И пошелъ онъ въ Амстердамъ-же на вольной войсковой же корабль капитана Корнила Клауса, которой тогда нанявся у курейстра Бранденбургскаго ходилъ противъ Шведа въ караванѣ съ съ иными наемниками жъ и съ спомогательными даценими корабли и сходясь съ шведскими корабли бились у острова Линдеруи; а онъ служилъ на томъ помяненномъ корабль въ пушкаряхъ 2 года и ималъ жалованья по 5 ефимковъ на мѣсяць.

А по усмиреніи той Бранденбургскаго курейстра со Шведы войны возвратяся онъ паки въ Амстердамъ ходилъ на воинскомъ же оберегательномъ корабль въ Смирнѣ 2 года и служилъ въ матросехъ.

А послѣ того, нанимаясь же, ходилъ въ разные государства на многихъ торговыхъ корабляхъ въ пушкарской же и матроской службахъ, а между тѣмъ было на корабль во Флоренскомъ воинскомъ

караванѣ, которой караванъ ходилъ на море и бился съ Турки и тѣмъ случаемъ былъ онъ Василій на Мальтійскомъ островѣ.

Да онъ же служилъ противъ Турка жъ на венецкнхъ корабляхъ, а именно: былъ онъ на кораблѣ, именуемомъ Ланави—Ѧиницыи капитана Петра Селва, которой ходилъ подъ правительствомъ генерала Александра Мулина, и служилъ онъ на томъ кораблѣ надъ всѣми пушкарями начальнымъ и ималъ по 11 червонныхъ на мѣсяць, и былъ онъ въ случай бою близъ острова Сіа съ турецкимъ караваномъ подъ правительствомъ Метзаморта капитана пашн бывшимъ.

Потомъ будучи онъ нѣсколько въ Венецыи возвращался въ отечество свое въ литовскіе города, и тому нынѣ года зо два былъ въ малоросійскихъ городѣхъ и хотѣлъ итти къ Москвѣ въ службу великого государя и понеже въ Малой Россіи услышалъ онъ, что между великимъ государемъ и салтаномъ турецкимъ учиненъ миръ на многіе годы и для того службы себѣ на Москвѣ быти не чаялъ, не бывъ на Москвѣ ходилъ по обѣщанію въ Баръ-градъ видѣти и поклонитися мощамъ святителя Николая. И бывъ въ Барѣ и въ Римѣ пришелъ въ Вѣну, а оттолѣ хотѣлъ итти въ Галандію, слышалъ, что собираютъ тамо воинскіе корабли и дабы ему на тѣхъ корабляхъ въ службу пристать. И когда онъ пришелъ во Вѣнѣ къ стольнику ко князю Петру Алексѣвичу Голицыну, которой ево до сего времени будучи въ Венецыи зналъ, и онъ князь Петръ Алексѣвичъ говорилъ ему, что если онъ похочетъ служить великому государю и онъ бы шель изъ Вѣны къ Москвѣ и тамо въ службу на корабли онъ принять будетъ. И онъ де Василій, услышавъ такіе слова, чего онъ всегда желалъ, чтобъ ему въ православіи будучи служить, взявъ отъ него князя Петра Алексѣвича пашпортъ, пошелъ къ Москвѣ, и пришедъ въ Кіевъ съ тѣмъ пашпортомъ явился генералу маіору, и онъ давъ ему листъ свой къ Москвѣ ево пропусталъ.

А корабельное де на морѣ хожденіе ему заобычно, и какъ выше сего сказалъ, что на всѣхъ моряхъ, опричь Черного, онъ хаживалъ и пути въ морѣ также карту, по которой познаютъ вѣтры, и всякіе корабельныя оснащиванія онъ знаетъ подлинно, да и дѣлать корабли онъ умѣетъ; и свидѣтельствованные листы у него Василья, что онъ на корабляхъ въ службахъ бывалъ и тому дѣлу исусенъ, отъ всѣхъ капитановъ, у которыхъ онъ на корабляхъ служилъ, были, и изъ тѣхъ листовъ въ хожденіи корабельномъ многіе у него разпропали, а иныя съ пожитки его покрадены, токмо нынѣ имѣетъ онъ у себя проѣзжіе

разныхъ государствъ правительствующихъ господъ листы, а вмѣсто свидѣтельствованныхъ листовъ объявить онъ дѣло свое самъ, гдѣ ему по указу великаго государя велено будетъ.

Да онъ же, бывъ въ тѣхъ государствахъ на корабляхъ, и живучи въ городѣхъ, изучился говорить по гречески, по турецки, по галлански, по италіански.

И бьетъ челомъ великому государю онъ Василей, чтобъ указалъ ево въ свою государеву службу принять и учинить свое великаго государя жалованье, чѣмъ ему питатися».

На это предложеніе послѣдовалъ приговоръ боярина Головина съ товарищи «Исъ полону выходцу козаку Василю Степанову за выходъ дать его великаго государя жалованья въ приказъ противъ иныхъ такихъ къ прежней дачѣ къ шестнадцати алтынамъ къ четыремъ денгамъ полтора рубли, взявъ деньги изъ ратуши, да сукна амбурского пять аршинъ изъ наличныхъ суконъ приказу Малыя Россіи и дать о томъ къ расходу указъ, а ево Василья исъ приказу Малыя Россіи отослать съ памятью въ приказъ Воинскихъ Морскихъ Дѣлъ и велѣтъ ево написать въ томъ приказѣ въ матросы и его великаго государя жалованье давать противъ иныхъ такихъ, а на Воронежъ до его великаго государя указу не посылать¹⁾».

Н. В.

Цѣны на сукна, матеріи, сафьянъ, жемчугъ и проч. въ г. Стародубѣ въ началѣ XVIII вѣка. Приводимый ниже документъ списанъ съ копій архивныхъ дѣлъ Стародубскаго магистрата. Владѣлецъ копій²⁾ не могъ объяснить, кѣмъ и когда она сдѣлана. Копія снята въ нынѣшнемъ столѣтіи должно быть съ цѣлой связки дѣлъ, такъ какъ въ той тетради, которая у насъ подъ руками, внизу по листамъ стоятъ цифры 1221, 1222.....1229, очевидно указывающія на то, какая часть листовъ связки списана. Уцѣлѣла ли эта и другія связки подлинныхъ дѣлъ Стародубскаго магистрата и гдѣ находится магистратскій архивъ, не знаемъ.

Ө. Николайчикъ.

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юст. Дѣло Кіевскаго повѣтыя, кн. 37 лл. 233—242.

²⁾ Учитель Роменскаго реальнаго училища Л. Л. Ижицкій, которому приносимъ здѣсь благодарность за сообщеніе.

Справа его милости пана Спиридона Яковлевича Ширая, войта майстратового Старод. зъ Семеномъ Чорнишовцемъ и его товариши.

Року 1708, февруарія 6 д.

По выразномъ его царского пресвѣтлого величества войскъ заорожсехъ гетмана и кавалера ясне велможного премѣлостивѣишого добродѣя нашего его милости пана Ивана Мазены росказанню, а тудежъ и по злеценню уроженого его милости пана Ивана Скоропадского полковъника Стар., Семена Чернѣговца, Богдана Аванасовича и Матвѣя Мартиновича. Под арештомъ у пана Спиридона Яковлевича Ширая, войта старод., лежачимъ нижей выраженнимъ ихъ товаромъ чиненна была ревѣзия и шацунок. Року Божого 1708, Февруарія 6 дня. На майстратѣ его царского пресвѣтлого величества стародубскомъ перед нами Прокопомъ Силенкомъ, обознимъ старод.: полковимъ, отъ боку его милости пана полковника старод.: для присмотреняся тихъ товаровъ ихъ ревѣзій и шацунку зосланимъ, а Иваномъ Кононовичомъ райцею, Парфеномъ Щербиновичомъ и Семеномъ Тишкевичомъ лавниками майстратовими, кушеческие люде, на товарахъ знающися, были ужитими, именно: панъ Демянъ Григориевичъ, лавникъ майстратовий старод.; панъ Григорій Самуйловичъ, панъ Игнатъ Петровичъ, панъ Яковъ Андрѣевичъ, панъ Ѳеодоръ Сухота, и при бытности Малоросійского приказу поддачого господина Алексѣева сына Жадаева, мѣрили и шацунокъ нижей мененнимъ товаромъ чинили таковымъ порядкомъ.

Поясовъ перскихъ троколотнихъ	8
по таларей 3, чинить зол.	72
Штоны штука перловой локоть	35
по золотихъ 4 чинить зол.	140
Штоны другой дволичной штука локоть 35 и четвертей 3,	
по зол: 4 чинить зол.	143
Штоны другой дволичной зеленой локоть	35
и пол локтя то вс по зол: 4 чинит зол.	142
Материи узористой малиновой едвабной локтей пол.	12
по зол 5 локоть, чинить зол.	57
и шаг	5
Табѣну рожового локтей пол.	9
по таларей 3 локоть, чинить зол.	77
и шаг	5
Табѣну гвоздикового в двухъ портищахъ локот	18
локот по таларей 3 чинит зол.	172

Полутабѣнку желтого локтей	6
и полтора чвер, по золотых 9 чинить зол.	23
и шаг	7
Атласу черного локтей.	43
и четвертка 1 локоть 5 чинить зол.	216
и чеховъ	5
Адамашки двоячной локтей	12
по зол 5 чинит зол	60
Лудану желтого локтей 9 без чвер; копь.	8
Злотоглаву темно кармазинового локоть	9
без четвертки по копь 5 чинить зол.	47
Едамашки зеленой зъ квѣтами серебряными локоть.	19
и полтора чверти по копь 5 чинит зол.	237
и шаг	5
Злотоглаву шекарлатного локоть полчверта по копь 5 чинит зол	14
Злотоглаву зеленого зъ квѣтами злоцѣстными малины локоть тридцят шест без чверти по зол.	4
чинить зол	125
Злотоглаву цеглястого в дробных квѣтках локоть	25
по зол 9 чинить зол	87
и шаг	5
Злотоглаву гвоздневого локоть	6
по талярей 4 чинит зол.	72
Корунокъ марцѣпановыхъ золотниковъ.	11
чинить зол	11

Китайка мосолбаская.

Китайки козолбаской керанатовои двѣ тюмы по зол	40
чинить зол	80
Вишневой китайки штук	5
Бѣлой китайки штукъ пол.	6
чинит зол	40
Штамету власового локтей 25 и четвертка	1
по золотому чинит зол	25
Штамету такой же масти штука зол	40
Штамету зеленого штук двѣ чинить зол	80

Гарусу штукъ двѣ одна зеленая, а другая блакитная по копѣ десятъ чинитъ зол	50
Сумма матеріямъ тысячей	2056

Реестръ суконь.

Сукна тонкого чорного локоть тридцятъ пятъ по талярей.	2
чинитъ зол 207 и шага пол.	8
Сукна вишневого локоть 28 и три четвертки по талярей два чинитъ зол 172 и шаг	2
Трину на плосконномъ полотнѣ в квѣ(т) рубленого локтей. 20 и четвертки 3. Тоей же матеріи трину еще локтей 21, по зол 2—тинъ ободва трини чинятъ зол.	83
и шаговъ	5
Сукна Ишпанского лимонѣвого локтей 8 безъ троухъ чвер- тей по золотыхъ пятъ, чинитъ зол	132
Сукна керонатового тонкого локтей 21 и четвертки 3 по та- лярей 2 чинитъ зол.	119
Тузинку простого локтей 8 безъ чвортки по зол	2
чинитъ зол	25
Сукна Гишпанского локоть 30 безъ чверти по зол.	4
чинитъ зол	119
Тузинку простого локотъ 30 безъ чверти по золотыхъ два чинитъ зол	25
и шаг	5
Тузѣнку блакитного простого локотъ 4 по зол	2
чинитъ зол	8
Сукна зеленого кострижи локтей 25 по зол.	4
чинитъ золотихъ	100
Сукна вгортового тонкого локтей 24 талярей по 2 чинитъ золотихъ	144
Сукна кострижи локоть 35 и пол локтя по зол	4
чинитъ золотихъ	142
Еще сукна тонкого вгорнотового локоть 20 и чверти	1
по талярей 2 чинитъ зол.	151
и шаг	5
Сукна Гишпанского накраяного добраго локоть сорокъ по копѣ 3 чинитъ зол 352 и шаг.	5
Сукна кострижи зеленой локоть тридцятъ и пол 5 локтя по золотихъ 4 чинитъ зол.	138

Такъ войтъ за нхъ Семена, Богдана и Матвѣя долги заплатилъ тысячей тридцать зол. іноземцямъ, якъ з оннихъ кабалъ и листу рейментарского ясно оказалось тое. Писанъ на Мапстратъ его царского пресвѣтлого величества Стар. року и дня вишь писанныхъ.

Завѣщаніе Тимоѳея Щербацкаго, митрополита Кіевскаго, Галицкаго и Малыя Россіи. Копія завѣщанія Тимоѳея Щербацкаго списана нами съ подлинника, хранящагося у одного изъ родственниковъ покойнаго крестянина предмѣстья м. Триполья, церковнаго старосты, *Кисленка*, который состоитъ въ настоящее время владѣльцемъ лаврской мельницы. Получено это завѣщаніе, благодаря любезности мѣстнаго настоятеля прихода, священника І. Ф. Волосного.

Д. А. Сивицкій.

Божію милостію Тимоѳей Щербакій Православный Архієпископъ Митрополитъ Кіевскій, Галицкій и Малыя Россіи. Всѣмъ, кому о томъ вѣдати подлижатиме, а особливо превелебному каедральнаго нашего Кіево-Софейскаго монастыря намѣстнику Іеромонаху Лукъ и всему духовному пречестному собору Божіе Благословеніе желая симъ нашимъ Пастырскимъ писаніемъ извѣстно чинимъ: владѣнія онаго Свято-Софейскаго Каедральнаго нашего монастыря въ дистриктъ Триполскомъ близъ мѣстечка Триполя, на рѣчкѣ прозываемой Красной, имѣется умершаго брата нашего іерея Свято-Николаевскаго Триполскаго Андрея мельница о двухъ колахъ мучныхъ, третомъ ступномъ на греблѣ, прозываемой Чайковской, купленная онымъ покойнымъ братомъ нашимъ Іереемъ Андреемъ въ мѣщанина Трипольскаго Павла Стыгайленка, которая мельница по смерти прописаннаго брата нашего Іерея Андрея опредѣлена была нашей мѣрности во владѣніе брату нашему Максиму. А понеже овъ братъ нашъ Максимъ и жена его настоящаго года волею Божію преставилися, остается же еще въ живыхъ сестра мѣрности нашей при старости лѣтъ и слабости въ безпомощіи; и мы Пастырь, приѣмля въ разсужденіе святого Іоанна Златоустаго о призрѣвіи кровныхъ увѣщательное слово, глаголетъ бо: блаженъ рече, иже рода своего не презритъ; прописанную мельницу съ принадлежащими къ ней, по имѣющимся на то купчимъ, угодіями, и съ оной мельницы собираемые доходы, помянутой сестрѣ нашей Феодосіи в спокойное по смерть ея къ пожиткованію владѣніе опредѣляемъ.

А по смерти ея Θεодосіи съ оной мельницы собираемыхъ доходовъ половинную часть родному сыну ея сестры нашей Θεодосіи Мартину Михайлову Кисиленку зъ дѣтми его ради прокормленія; а другую половинную часть съ оной мельницы доходовъ на имѣющуюся строится въ вышнемъ градѣ Кіевѣ при Трехъ-Святительской приписной къ Каѳедральному нашему Монастырю Церквѣ, болницю и оною опредѣленного отъ насъ половинною частію доходовъ завѣдывать находящимся при оной Трехъ-Святительской Церквѣ начальникомъ, и отдавать тѣ доходы на прокормленіе бѣдныхъ въ той болницѣ больнымъ безобидно, Архіерейски утверждаемъ.

И по сему нашему Архіерейскому завѣщанію якъ вышнему Превелебному каѳедральнаго нашего Кіево-Софійскаго Монастыря Намѣстнику Іеромонаху Лукѣ съ ихъ пречестною о Христвѣ братією, такъ и по немъ будущимъ Превелебнымъ Каѳедральнымъ намѣстникамъ и братіи неотмѣняемое во всемъ, подѣ благословеніемъ Божиимъ чинить исполненіе пастырски упоминаемъ. Тысяча сѣмъ сотъ пятьдесятъ седмаго года ноября шестогонадесять числа.

Свыше именованный мѣтрополитъ Тимоѣей Ш.

Погребеніе на санихъ. Въ «Кіевской Старинѣ» 1893 г. № 4, помѣщена была статья подѣ заглавіемъ „Сани въ похоронномъ обрядѣ“ г. Ник. Бѣляшевскаго, въ которой даются справки о существованіи обычая хоронить въ санихъ какъ въ древнее время на Руси, такъ и въ позднѣйшее. Между прочимъ тамъ указывается существованіе этого обряда сравнительно недавно въ радомысльскомъ уѣздѣ кіевской губ., а въ концѣ 17 в.—на Волини.

Въ дополненіе къ этимъ даннымъ можемъ указать на то, что обычай погребенія на санихъ лѣтомъ существуетъ до настоящаго времени въ подольской губерніи, въ балтскомъ уѣздѣ; такой же обычай и въ сосѣдней херсонской губ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы были свидѣтелями, какъ въ іюлѣ мѣсяцѣ въ 2 ч. дня, въ м. Кривомъ Озерѣ погребали одного изъ мѣстныхъ однодворцевъ, зажиточнаго земледѣльца, на санихъ. Гробъ съ останками покойника уложенъ былъ на обыкновенныхъ дровняхъ, которыя тинули на кладбище три пары воловъ, запряженныхъ цугомъ. Такого торжественнаго погребенія удостоиваются только почтенные старыя хозяева.

Д. А. Синицкій.

Неизданныя стихотворенія К. Думитрашка. (*Къ исторіи г. Одессы*). Столѣтній юбилей г. Одессы, отпразднованный 22 августа настоящаго года, вызвалъ появленіе нѣсколькихъ изданій, относящихся къ исторіи Одессы, и множество замѣтокъ, воспоминаній и разсказовъ изъ прошлаго этого города, которыми въ теченіе цѣлаго мѣсяца пополняются столбцы мѣстныхъ періодическихъ изданій. Все это несомнѣнно свидѣтельствуетъ о пробудившемся живомъ интересѣ одесситовъ къ прошлому своего роднаго города. Думаемъ поэтому, что небезынтересны будутъ и относящіяся къ прошлому г. Одессы, до сихъ поръ неизданныя, стихотворенія покойнаго малорусскаго поэта К. Думитрашка, писавшаго, какъ извѣстно, подъ псевдонимомъ К. Д. Конытько. Стихотворенія эти вызваны знаменательнымъ въ исторіи Одессы событіемъ 10 апрѣля 1854 г., когда сокзпный англо-французскій флотъ, неожиданно появившійся подъ Одессой, въ страстную субботу открылъ пальбу по городу и бомбардировалъ Одессу въ продолженіе 12 часовъ. Одесса, какъ-чисто коммерческій городъ, который находился при томъ въ постоянныхъ и дѣятельныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Англійей и Франціей, и въ которомъ даже въ то время проживало не мало англичанъ и французовъ, имѣвшихъ здѣсь свои конторы и торговыя заведенія, совсѣмъ не ожидала нападенія и была почти не защищена: на всѣхъ 6 батареяхъ было всего 40 орудій, а войско состояло всего изъ 16 батальоновъ. Тѣмъ не менѣе однакожь, войска и населеніе геройски защищали городъ, при чемъ особенно отличился командовавшій батареей на Практическомъ молѣ прапорщикъ Щоголевъ, который въ продолженіе 7 часовъ уснѣшно отражалъ направленное противъ его батареи нападеніе семи англійскихъ пароходовъ и оставилъ батарею всего лишь за нѣсколько минутъ до взрыва на ней пороховыхъ ящиковъ. Канонода съ непріятельскихъ судовъ продолжалась до 7 часовъ вечера, затѣмъ союзный флотъ, простоявши подъ Одессой еще 3 дня, на 4-й день Свѣтлаго праздника снялся съ якоря и удалился, не причинивши городу особеннаго вреда. Вотъ это-то событіе и вдохновило музу нашего поэта, воспѣваемаго его въ двухъ стихотвореніяхъ, изъ которыхъ въ одномъ онъ выражаетъ свое негодованіе по поводу нападенія въ такой великій для христіанъ день, какъ канунъ Свѣтлаго Христова Воскресенія, при чемъ главнымъ виновникомъ этого нападенія считаетъ англичанъ, а въ другомъ воспѣваетъ подвигъ прапорщика Щоголева.

Крымская война, въ которую, независимо отъ общаго участія малороссіянъ по воинской повинности, сформированы были малорос-

сїйскіе полтавскій и черниговскій полки, принимавшіе участіе въ послѣдній разъ въ качествѣ особаго войска, война, прославившая подвиги малороссійскихъ чумаковъ-погонцевъ и особенно черноморскихъ пластуновъ, была очень популярна среди малороссіянъ и весьма дѣятельно вдохновляла малорусскую патріотическую музу. Такъ, извѣстны цѣлые сборники малорусскихъ стихотвореній, посвященныхъ крымской войнѣ, какъ напр: Бенкетъ для непрощенныхъ гостей. Яцимирскаго, СПБ. 1854 г., До чумака або война Ягло-французотурецка у 1853 и 1854 рокахъ—Ф. Морачевського, К. 1856 г. и др. множество стихотвореній печаталось въ повременныхъ изданіяхъ, какъ напр. Землякамъ—Г. Надхина (Рус. Инвалидъ 1854—№ 74). Дамо прочухана!—И. Ваненко (Московскія Вѣдомости 1854—№ 24) и др., а еще больше малорусскихъ стихотвореній было распространено въ рукописяхъ и многія изъ нихъ были настолько популярны, что ихъ зналъ на память почти каждый грамотный малороссіанинъ. Во всѣхъ этихъ стихотвореніяхъ воспѣвались подвиги русскаго воинства, преимущественно малороссійскихъ козаковъ и погонцевъ, или высказывались общія патріотическія чувства. Почему именно знаменательное для Одессы, но въ общемъ ходѣ военныхъ дѣйствій незначительное событіе 10 апрѣля 1854 г. вдохновило музу Думитрашка—трудно сказать. Изъ біографіи его извѣстно, что съ 1839 г., по окончаніи курса въ Кіев. духовной академіи, Думитрашко оставался на службѣ въ Кіевѣ, гдѣ былъ преподавателемъ семинаріи, потомъ секретаремъ совѣта духовной академіи, наконецъ бібліотекаремъ академіи и до самой смерти своей жилъ постоянно въ Кіевѣ. Такимъ образомъ въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ выраженіемъ общаго патріотическаго чувства, которое вдохновлено было событіемъ 10 апрѣля 1854 г.: быть можетъ, благодаря сравнительной близости мѣста дѣйствія къ Кіеву, гдѣ жилъ поэтъ. Стихотворенія эти найдены нами въ собственноручной рукописи К. Думитрашка, доставшейся намъ отъ бывшаго кіевскаго книгопродавца и издателя Л. В. Ильницкаго, который пользовался и профессоръ Н. Петровъ при составленіи своей книги «Очерки исторіи украинской литературы XIX ст.». Рукопись эта озаглавлена: «Копытькови вирши» и заключаетъ въ себѣ извѣстную «Гомерову жабомышодракивку», изданную въ Петербургѣ въ 1859 г., стихотворенія Думитрашка, напечатанныя подъ псевдонимомъ «К. Д. Копытько» въ Маякѣ за 1843 г., нѣсколько неизданныхъ его стихотвореній, а также стихотворенія другихъ малорусскихъ поэтовъ, переписанные имъ изъ разныхъ изданій, при чемъ подъ каждою піесю

приведено имя автора, такъ что представляется полная возможность опредѣлить принадлежность каждой пѣсмы тому или другому автору, независимо отъ иныхъ соображеній и библиографическихъ справокъ.

Предлагаемыя стихотворенія К. Думитрашка подписаны его псевдонимомъ «К. Д. Конытько» и, по наведеннымъ нами тщательнымъ библиографическимъ справкамъ, до сихъ поръ видѣ не были напечатаны. Приводимъ ихъ въ такомъ видѣ, какъ онѣ записаны въ нашей рукописи.

М. Комаровъ.

Одесса, 25 августа 1894 г.

I.

Иуда на Велькедень або Амычанци у чорта въ гостяхъ 1854 року.

На самомъ дни преисподній
 Иуда проклятый горыть,
 А била його врагъ Господній
 Въ страху, поджавши хвистъ, сыдыть,
 Соне и трусыться, якъ злодій,
 Шпурля дривця въ печельну ничъ,
 А самъ мурчыть видъ нисъ: та годи
 Дзвонять вамъ въ дзвони цѣлу ничъ!
 Це наступа оныль Велькедень,
 Хочъ уши затыкай весь тыждень!
 Нехай бы вже соби дзвонили,—
 До сіюго трохи я прывыкъ,—
 Хочъ бы зъ гармативъ не палилы.
 Отто проклятый чоловікъ!
 Я ворохъ выдумавъ на його,
 А виць на мене имъ сгрлял;
 Хочъ бы поглянуть видкыла
 Такую видкыла тревогу.
 Та ни вже треба видждать
 Бо страшно носа показать
 Теперь на землю. Огъ и жде.
 Ажъ гулькь, колы у двери ада
 Людей цылисенька громада
 На дно печельнсе иде.
 „Оци поналы въ некло рапо,
 Та далеченію вже зайшлы;
 Глянь, ше здається хрыстіане,
 А видкыла сюды прышлы!

Мабудь вы добри забіяки,
 Що вась гараздъ и не пеклы,
 А вы вже якъ варены раки ¹⁾
 Почервошили. Де були?
 Що бачыли да що робыли?
 Чымъ вичну муку заслужыли?“
 — „Та ни, мы пане, Аглычанци,
 Мы Туркамъ продали Христа;
 У чорта-жь видъ Адесомъ вранци,
 Якъ бачышь, пазубы хвоста;
 Прийшыи Адесь мы штурмоваты
 Та чорта зъ два взяли“... „Ага!
 Такъ то у вась гулы гарматы!
 И въ вась Христось найшовъ врага?
 Та вы бачу жыды на чудо!
 Посунься одъ огню Іуда!
 Сюды до печи люби гости,
 Гой, гой! якъ зъ вась вода дзюрчить,
 Вась треба трохи просушить,
 Бо вы промокры ажъ до кости.
 Тай просушу-жь,—огню чымало,
 Залю я вамъ за шкуру сала,
 На вышкварев я вась спряжу.
 Дождався на Великдень чуда.
 Зробыли празныкъ и мени“,
 Огъ бачышь братику Іудо,
 Е крашавка я сатани!“

II.

Щ е г о л ь .

Ой не чорна хмара встае
 Зъ-за синега моря,
 Вража сила въ мори сиуе,
 Шука свого горя.

* *

Ой не ытеръ на простори
 Буйны хвыли гонять,—
 Одъ корабливъ чужыхъ море
 Сердытее стогнать.

¹⁾ Бо въ червоиій одежи.—Примѣчаніе къ рукописи.

* * *

То не галычъ въ неби грае,
 Роспустившы крыла, —
 Сыне море покрывае
 Супостатьска сила

* * *

Не гримъ Божый гремьтъ въ небесь, —
 То ревуць гарматы:
 Аглычанци городъ Адель
 Хотать руйноваты.

* * *

А щожь Адель? Аглычанцивъ
 Чомъ не проганявъ?
 Чому Сакенъ на поганцивъ
 Зъ гарматы не сгривлявъ.

* * *

Нехай сила супостата
 Якъ пудыкъ ярыцьци.
 Булюбъ чести іѣ багато
 Зъ генераломъ быцьца.

* * *

Въ Адеси винъ, якъ господинъ,
 Що роботы знае,
 Прапорщыцьный найменшый чынъ
 Щыгя посылае.

* * *

Дае іому двѣ гарматы
 На всьихъ супостативъ,
 Наказуе щобъ зарядивъ
 Винъ марно не тратывъ

* * *

Не велычка птычка щыгмыкъ,
 Та гарно спивае,
 Не велыкий чынъ прапорщыкъ
 Та добре стривае.

* * *

Тай якъ добре Щыголь стрива
 На вражеську силу,
 Кожнымъ ядромъ врагивъ вцѣла
 И шурила въ могила.

* *

Однѣхъ бѣгъца зѣ цѣлымъ флотомъ,
Хиба-жъ то не чудо?
Обаввайся кровью й погомъ
Аглыцкѣй Іудо!

* *

Стрелявъ еси цѣли суткы
Изъ усихъ гармативъ,
Та и влучывъ, мовъ на шуткы,
Чотыріохъ салдативъ.

* *

Чы не смихъ то, не химера?
Не мало й ураты!
На одного офыце, а
Всѣхъ порохъ потративъ.

* *

Тай того ще, слава Богу
Ты такы не влучывъ,
А вишь тебе, якъ пса злого,
Добре пополушывъ.

* *

Оступняца-жъ хвастовыти
Аглыцкы лацюгы,
Бо вже булы есѣ быти,
Будете и вдруге.

* *

Га вже не такъ, якъ першый разъ
Мала сила была,
А всихъ разомъ загарба васъ
Глыбока могила.

Замѣтка о рукописяхъ Г. С. Сковороды. Въ дополненіе къ замѣткѣ о рукописяхъ Г. С. Сковороды, помѣщенной нами въ прошлой книжкѣ «Кіевской Старины», снѣвшимъ сообщить, что Л. П. Томара, къ которому Харьковскій университетъ обращался съ покорнѣйшей просьбой о высылкѣ рукописныхъ сочиненій Г. С. Сковороды, розыскалъ въ своемъ фамильномъ архивѣ и прислалъ въ Харьковъ 6 большихъ томовъ этихъ рукописей, которыя мною разсматриваются и перечитываются. Позволяю себѣ принести почтенному владѣльцу рукописей за это искреннюю благодарность отъ имени Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества.

Д. Багалъй.

БИБЛІОГРАФІЯ.

«Двадцать пять летъ дѣятельности земства въ Полтавской губерніи, съ 1866 по 1892 годъ, краткій очеркъ, изданіе Полтавскаго Сельско-хозяйственнаго общества. Полтава. 1893 г.»

Подъ этимъ заглавіемъ текущимъ лѣтомъ издана интересная работа С. Н. Велецкаго, заключающая сводъ дѣятельности уѣздныхъ и губернскаго земствъ полтавской губ. за 25 лѣтъ. Въ предисловіи къ названной брошюрѣ, объясняющемъ значеніе предлагаемой работы, выясняются между прочимъ и причины, почему сводъ дѣятельности мѣстнаго земства изданъ не на средства земства, а на средства мѣстнаго сельскохозяйственнаго общества. Какъ извѣстно, тяжелыя послѣдствія неурожаевъ послѣднихъ лѣтъ «обратили общее вниманіе общества и литературы, правительственныхъ и общественныхъ учрежденій» на необходимость серіозныхъ мѣръ въ смыслѣ устраненія «крайне спутанныхъ и затруднительныхъ обстоятельствъ въ общественно-государственной жизни», вызвали «массу различныхъ проектов оздоровленія» и возбудили массу вопросовъ, требующихъ серіознаго обсужденія, поставивъ на первый планъ необходимость разработки сельскохозяйственныхъ вопросовъ и обсужденія мѣръ къ скорѣйшему устраненію сельскохозяйственнаго кризиса. Полтавское сельскохозяйственное общество, стремясь «разобраться въ длинномъ ряду вопросовъ и предложеній», возникающихъ по поводу переживаемаго сельскохозяйственнаго кризиса», выработало въ 1893 г. обширную программу своей дѣятельности «соотвѣтственно нуждамъ и условіямъ полтавской губерніи». Осуществляя эту программу, оно, очевидно, сочло полезнымъ воспользоваться между прочимъ трудомъ С. Н. Велецкаго, тѣмъ болѣе, что «обозрѣніе земскихъ мѣропріятій представляеть—какъ говорится въ предисловіи къ брошюрѣ—значеніе не

только съ точки зрѣнія фактическаго ознакомленія съ тѣмъ, что сдѣлано земствомъ за время его существованія, но и въ виду чисто практическихъ соображеній о томъ, что и какъ сдѣлано уже въ этой области, или хотя бы только проэктировано, но по разнымъ причинамъ не осуществлено—въ особенности въ настоящее время, когда вопросъ о воздѣйствіи организованныхъ общественныхъ учрежденій на экономическую сторону государственной жизни рѣшенъ у насъ учрежденіемъ министерства земледѣлія въ положительномъ смыслѣ и когда уже поставленъ на очередь «къ практическому рѣшенію другой вопросъ, о созданіи на мѣстахъ вспомогательныхъ органовъ этого центрального учрежденія».

Брошюра обнимаетъ собою дѣятельность Полтавскаго земства по всѣмъ ея отраслямъ, при чемъ въ каждой главѣ по каждому отдѣлу дѣятельности земства авторъ старается съ возможною точностью и подробностью установить объемъ тѣхъ результатовъ, къ которому пришло земство за 25 лѣтъ, приводя при этомъ сравненіе между тѣмъ, что было въ моментъ учрежденія земства и тѣмъ, что, благодаря его дѣятельности, имѣется въ настоящее время.

Чтобы ознакомиться съ замѣчательными результатами плодотворной дѣятельности Полтавскаго земства за 25 л. его существованія, не вдаваясь въ разсмотрѣніе результатовъ его работъ по всѣмъ отраслямъ земскаго хозяйства, достаточно провести такое сравненіе только по двумъ отраслямъ: по дорожной повинности и народному образованію. Въ 1864 г. состояло на денежномъ сборѣ всего 183 моста, всѣ же остальные мосты и прочія дорожныя сооруженія устраивались и ремонтировались чрезъ посредство тягостной и неравномѣрно распределенной натуральной повинности. А черезъ 25 лѣтъ въ вѣдѣніи одного лишь губернскаго земства состояло уже 867 мостовъ протяженіемъ 11 верстъ 280 кв. саж. и кромѣ того на счетъ сбора содержалось 789 плотинъ и гатей и 85 каменныхъ мостовыхъ протяженіемъ 230 верстъ, при чемъ одно лишь губернское земство выполняло расходовъ на дорожныя сооруженія до 325000 руб. въ годъ, достигая въ тоже время значительнаго удешевленія работъ по устройству дорожныхъ сооруженій, стоимость производства которыхъ, при улучшеніи качества работъ, уменьшалась тѣмъ не менѣе съ каждымъ годомъ. Благодаря дѣятельности земства, дорожныя сооруженія, состояніе которыхъ въ моментъ перехода ихъ въ руки земства признавалось п губернской администраціею и губернской управою «крайне неудовлетворительнымъ», уже въ 1869 г. признаны были губернато-

ромъ въ рѣчи его къ собранію «доведеннымъ до такого удовлетворительнаго состоянія, въ какомъ желательнo было бы видѣть ихъ всегда».

Говоря словами брошюры, «на дѣло развитія народнаго образованія земство вообще обращало почти такое же вниманіе, какъ и на народное здоровье, вслѣдствіе чего медицинскій и школьный бюджеты Полтавскаго земства росли почти одновременно и параллельно».

Если не принимать во вниманіе качества школъ, а имѣть въ виду лишь одни официальные *цифровыя* данныя, то успѣхи низшаго народнаго образованія за земскій періодъ могутъ быть выражены слѣдующимъ образомъ: въ 1864 г. въ полтавской губ. числилось 677 школъ разныхъ наименованій съ 14853 учащимися; по прошествіи же 18 лѣтъ (въ 1882 г.) число школъ достигло 786 съ 38307 учащимися, т. е. число школъ возрасло на 16%, а учащихся на 158%, а въ 1891 году число школъ превышало уже 1000, число же учащихся достигло почти до 100 тысячъ душъ. Въ 1864 г. всего только 89 училищъ вѣдомства государственныхъ имуществъ получали матеріальное пособіе въ 13859 р. (по 156 р. на каждое), а остальные школы содержались или на частныя средства, или же были въ полномъ значеніи этого слова «безвозмездными»; въ 1882 же году пособіе получали 540 училищъ разныхъ наименованій въ общемъ итогѣ на 207000 р. (по 384 р. на каждое); такимъ образомъ число матеріально обеспеченныхъ школъ возрасло къ этому времени въ 6 разъ, а средства каждой изъ субсидируемыхъ школъ—въ 2 $\frac{1}{2}$ раза; къ 1891 же году ассигнованія земства на народное образованіе возрасли еще почти вдвое.

Брошюра обнимаетъ собою слѣдующіе вопросы изъ области дѣятельности земства: пути сообщенія, подводная и другія обязательныя повинности. Переложеніе разныхъ натуральныхъ повинностей въ денежныя и уравненіе ихъ. Экономическая дѣятельность земства: продовольственное дѣло, общественныя запашки; мѣропріятія къ урегулированію землевладѣнія; организація кредита; мѣропріятія къ урегулированію сбыта продуктовъ сельскаго хозяйства и улучшенію хлѣбной торговли; урегулированіе движенія рабочаго населенія на заработки; отношеніе земства къ мѣстнымъ сельскохозяйственнымъ обществамъ и организаціи сельскохозяйственныхъ выставокъ и опытнаго поля; мѣры къ поднятію скотоводства, коневодства, овцеводства и табаководства и т. п., къ лѣсоразведенію, осушенію болотъ и т. п.,

мѣропріятія къ поднятію промышленности; изслѣдованіе губерніи въ экономическомъ и естественно-историческомъ отношеніяхъ—организация статистическаго бюро и естественно-историческаго музея. Медицинская и ветеринарная организация. Народное образованіе. Земское страхованіе; страхованіе движимости и продуктовъ сельскаго хозяйства; страхованіе скота отъ падежей.—И наконецъ въ послѣдней главѣ подводятся «итоги земской дѣятельности». Изъ этихъ итоговъ между прочимъ съ очевидностью ясно, насколько невѣрны раздающіяся иногда обвиненія противъ земства въ томъ, что, благодаря избирательному началу, оно страдаетъ неустойчивостью личнаго состава и что въ земское представительство съ каждымъ будто бы трехлѣтіемъ попадаетъ все больше и больше элементовъ изъ некультурныхъ и необразованныхъ слоевъ общества. Брошюра вообще не фразами, а цифрами и фактами убѣждаетъ въ громадности той пользы, которую принесло земство за 25 лѣтъ его существованія; составляя экстрактъ изъ обширныхъ систематическихъ и т. п. сводовъ и отчетовъ о дѣятельности земства за весь періодъ его существованія и за отдѣльные годы, она даетъ обыкновенному читателю возможность, безъ потери времени и труда на разсмотрѣніе такихъ сводовъ, (которые и достать-то не всегда возможно), въ короткое время ознакомиться со всѣми сферами дѣятельности земства и результатами его трудовъ во всѣхъ областяхъ земскаго хозяйства. Болѣе чистое появленіе такихъ экстрактныхъ сводовъ дѣятельности отдѣльныхъ земствъ,—сводовъ столь же толково, безпристрастно и обстоятельно изложенныхъ, легко разсѣяло бы существующія въ нѣкоторыхъ слояхъ читающей публики предубѣжденія противъ земства и облегчило бы для дѣятелей другихъ земствъ возможность ознакомиться съ ходомъ и практическими результатами трудовъ ихъ соратниковъ въ земствахъ прочихъ губерній, что могло-бы имѣть несомнѣнно важное практическое значеніе.

Л. С. Л.

Хронологическій указатель указовъ и правительственныхъ распоряженій по губерніямъ Западной Россіи, Бѣлороссіи и Малороссіи, за 240 лѣтъ, съ 1652 по 1892 годъ. Составилъ и издалъ С. Ф. Рубинштейнъ. Вильна. 1894. 8 д. л. XII+918 стр.

Въ предисловіи къ этой книгѣ составитель говоритъ: «настоящій указатель составленъ исключительно по официальнымъ источ-

никамъ: по «полному собранію законовъ Россійской Имперіи», а за послѣдніе годы—по «Собранію узаконеній и распорядженій Правительства, издаваемому при Правительствующемъ Сенатѣ». За исключеніемъ послѣдовательнаго нумера указателя, помѣченнаго, для удобства справокъ, болѣе крупною цифрою, все остальное: нумерація, дата, названіе и самое оглавленіе указовъ, означающее краткое ихъ содержаніе, между которыми небольшое число указовъ, напечатанныхъ полностью,—все это извлечено изъ означенныхъ двухъ правительственныхъ изданій, съ сохраненіемъ буквальной этнографической вѣрности источника... Этимъ способомъ составленный *указатель*, въ совокупности съ приложенными къ нему тремя алфавитами, предназначенъ служить пособіемъ при пользованіи тѣмъ громаднымъ матеріаломъ, который совмѣщаетъ въ себѣ многочисленные фоліанты полного собранія законовъ, и въ нѣкоторой степени—замѣнить его». Отсюда видно, что составитель имѣетъ въ виду дать указатель законовъ, относящихся къ Литвѣ, Бѣлоруссіи и Малороссіи за время съ полов. XVII в. до нашихъ дней. При этомъ нѣкоторые указы въ книгѣ приведены полностью, напр. грамота 1753 г. Кіевскому митрополиту Тимофею Щербацкому, «на заведеніе при домѣ его типографіи», высочайшій указъ 1763 г. объ учрежденіи въ Малороссіи подкоморіевъ, жалованная 1764 г. грамота г. Кіеву, манифестъ 1775 г. объ уничтоженіи Запорожской Сѣчи, именной указъ 1787 г. Кіевскому митрополиту Самуилу Миславскому—о заведеніи типографіи при Кіевской академіи для печатанія книгъ на руссійскомъ и иностранномъ языкахъ и объ отправленіи студентовъ въ иностранные университеты для усовершенствованія въ наукахъ и друг. Нѣтъ сомнѣнія, что книга г. Рубинштейна для справокъ небезполезна, но цѣна этой книги (пять рублей) ужь очень велика...

Описаніе ризницы и бібліотеки Черниговскаго Архіерейскаго дома. Изданіе братства св. Михаила, князя Черниговскаго. Дмитрія Козминскаго. Черниговъ. 1893. 8 д. л. 105 стр. (Оттискъ изъ Черниг. Епарх. Извѣстій за 1893 г.).

«Ризница и бібліотека Черниговскаго архіерейскаго дома не только въ ряду монастырей Черниговской епархіи, но и въ ряду огромнаго большинства монастырей другихъ епархій занимаетъ, безспорно, выдающееся мѣсто, какъ по обилію церковной утвари и об-

лаченій, такъ и по древности, цѣнности и художественности работы многихъ, входящихъ въ составъ ея предметовъ. Такъ начинаетъ свою работу г. Козминскій и затѣмъ подробно описываетъ: 1) церковную утварь, 2) древности, не принадлежащія къ богослуженію, 3) священнослужебныя облаченія и 4) библіотеку. Перечисленная въ первомъ отдѣлѣ церковная утварь древнихъ предметовъ рѣшительно не заключается; незначительное число ихъ относится къ XVII в., а все остальное—позднѣйшихъ временъ; по крайней мѣрѣ, изъ описанія древности описанныхъ предметовъ не видно. Перечисляя евангелія (около 20-ти), г. Козминскій, описывая оклады ихъ, къ сожалѣнію вовсе не приводитъ тѣхъ надписей, которыя, несомнѣнно, имѣются на многихъ изъ этихъ евангелій и которыя очень часто заключаютъ въ себѣ интересныя историческія свѣдѣнія. Въ библіотекѣ архіерейскаго дома рукописей вовсе нѣтъ, а старопечатныхъ книгъ достаточно и притомъ большею частью Кіевской печати, причѣмъ очень многія изъ нихъ имѣются въ нѣсколькихъ экземплярахъ, напр. *Служебника* кіевской печати 1653 г. имѣется десять экземпляровъ, *Служебника* львовской печати 1691 г.—четыре экземпляра, *Тріоди постной* кіевской печати 1688 г.—три экз. Достаточно есть въ библіотекѣ и книгъ Черниговской печати, преимущественно впрочемъ XVIII в.; но впрочемъ все это книги большею частью богослужебныя: служебники, мнечи, тріоди, требники, акафистники.... Евангелій ни кіевскихъ, ни черниговскихъ—ни одного экземпляра въ библіотекѣ нѣтъ. Перечисляя всѣ эти книги, г. Козминскій лишь изрѣдка упоминаетъ объ имѣющихся на нихъ надписяхъ (по листамъ), между тѣмъ какъ эти надписи бываютъ важнѣе самихъ книгъ.

*Каменскій свято-успенскій женскій монастырь и его святыня*¹⁾. (Протоіерея Іоанна Платонова). Черниговъ. 1893. 8 д. л. 28 стр. (Оттискъ изъ Черниг. Епарх. Изв. 1892 г.).

Брошюра, не заключающая никакихъ новыхъ свѣдѣній относительно исторіи монастыря, и составитель ея самъ говоритъ, что «при составленіи сего описанія было *отчасти* руководствомъ» описаніе этого монастыря 1863 г., т. е. описаніе архіеп. Филарета Гумилевскаго. Каменскій монастырь первоначально былъ мужскимъ, но въ 1786 г. обращенъ въ дѣвчій; сюда были тогда же переведены монахини Стародубскаго

¹⁾ Въ Новозыбковскомъ уѣздѣ, Черниг. губ.

Печеницкаго монастыря. Этотъ фактъ даетъ поводъ составителю брошюры повторить тутъ же и исторію Печеницкаго монастыря, *дословно повторяя* описаніе архіеп. Филарета (Опис. Черниг. Епарх., IV, 60 — 64), даже со всеми ссылками на Величка, Маркевича и дѣла Консistorіи. Изъ брошюры г. Платонова видно, что она составляетъ почти буквальную перепечатку (до стр. 13-й) той брошюры, о которой составитель говоритъ, что онъ пользовался ею лишь *отчасти*.

Харьковскій Сборникъ. Литературно-научное приложение къ „Харьковскому Календарю“ на 1894 г. подъ редакціей члена-секретаря В. В. Иванова. Изданіе Харьковскаго Губернскаго, Статистическаго Комитета. Харьковъ 1894 г. Стр. 1—11 + 206 + 384. Выпускъ 8 й.

8-й выпускъ «Харьковскаго Сборника» — по обыкновенію самаго разнообразнаго содержанія. На первомъ мѣстѣ напечатано „*Житіе Григорія Сковороды*“, написанное другомъ его помѣщикомъ *М. И. Ковалинскимъ* и напечатанное раньше по копіи въ «Кіевской Старинѣ» 1886 г.; теперь оно перепечатано по подлиннику, отысканному проф. Д. И. Баталѣемъ въ Румянцевскомъ музеѣ. — Статя *Н. С. Илларионова* „*Очеркъ отношеній обычнаго права къ законодательствамъ*“ лишній разъ поднимаетъ вопросъ о важности изученія обычнаго права не только съ теоретической, но и съ практической точки зрѣнія; авторъ высказываетъ пожеланіе, чтобы должностныя лица, созданныя реформой 12 іюня 1889 года, по возможности, собирали бы народныя юридическіе обычаи, такъ какъ обычаи эти могутъ имѣть громадное практическое значеніе въ дѣлѣ отиравленія правосудія въ крестьянскихъ судахъ и затѣмъ при составленіи гражданскаго уложенія Имперіи. *Л. О. Павловичъ* продолжаетъ въ 8-мъ выпускѣ «Харьковскаго Сборника» свои „*Очерки растительности Харьковской губерніи и прилежащихъ къ ней мѣстностей*“, а прот. *Н. А. Лауцнковъ* — *Матеріалы къ столѣтію Харьковской кафедры. Христофоръ—первый епископъ Слободско-Украинскій и Харьковскій.*

Въ этомъ же выпускѣ начались печатаніемъ матеріалы по обычному праву, собранныя Харьков. Губ. Стат. Комитетомъ по программѣ, которая была напечатана раньше въ 7-мъ вып. «Харьковскаго Сборника», а также этнографическіе матеріалы, собранныя при посредствѣ учителей и учительницъ харьковской губерніи. Печатаніе и тѣхъ и другихъ матеріаловъ началось съ старобѣльскаго уѣзда. Изъ юридическихъ матеріаловъ напечатаны только матеріалы по Никольской

волости. Матеріалы касаются гражданскаго права и судопроизводства и содержатъ любопытныя свѣдѣнія по семейственному праву крестьянъ, объ юридическихъ отношеніяхъ членовъ семьи, объ опекаѣ и попечительствѣ, владѣніи и собственности, договорахъ и обязательствахъ; объ устройствѣ народныхъ судовъ и взгляды на нихъ народа; о порядкѣ производства и рѣшенія судебныхъ дѣлъ и затѣмъ о доказательствахъ. Кромѣ этихъ матеріаловъ по старобѣльскому уѣзду, въ 8-мъ выпускѣ продолжены также свѣдѣнія «о правѣ наслѣдованія у крестьянъ харьковскаго уѣзда». Свѣдѣнія эти начались печатаніемъ съ прошлаго 7 выпуска «Сборника».

Въ высшей степени цѣнны этнографическіе матеріалы, собранныя учителями и учительницами. Вотъ, наиримѣръ, какія свѣдѣнія имѣемъ мы о Сл. Свято-Дмитровкѣ старобѣльскаго уѣзда: Изъ прошлаго. Жилище, одежда и пища.—Народная медицина.—Заговоры.—Молитвы.—Религіозность и нравственность.—Свадебные обряды и пѣсни.—Обряды и обычаи.—Игры.—Повѣрья.—Пѣсни.—Сказки. Приблизительно по такой программѣ, которая въ иныхъ случаяхъ расширяется, а въ другихъ суживается, составлены свѣдѣнія и по другимъ 11 селамъ старобѣльскаго уѣзда. Въ виду цѣнности матеріаловъ, нельзя не пожелать его скорѣйшаго опубликованія. Н. В.

Журнальное обозрѣніе за 1-ую половину 1894 г.

Русское Обозрѣніе № 1—6. Въ № 1-мъ помѣщена маленькая статейка подъ заглавіемъ «Изъ исторіи русско-польскихъ отношеній», которая представляетъ краткія выдержки изъ напечатанныхъ въ «Русскомъ архивѣ» 1893 г. № 12 воспомнаній Д. Д. Броневскаго, бывшаго мировымъ посредникомъ въ юго-западномъ краѣ въ 1865—66 г. (Лѣтопись печати, стр. 372—375).

Въ № 2-мъ находимъ краткій очеркъ учено-литературной дѣятельности Н. С. Тихонравова, составленный Д. Языковымъ. Тутъ, кромѣ немногочисленныхъ біографическихъ данныхъ, помѣщены справки о его учено-литературной дѣятельности, при чемъ особенно цѣннымъ является бібліографическій указатель всѣхъ трудовъ Н. С. Тихонравова, расположенный въ хронологическомъ порядкѣ, начиная съ 1858 г. и оканчивая 1893 г. Статья озаглавлена «Матеріалы для характеристики русскихъ писателей, художниковъ и общественныхъ дѣятелей, (стр. 857—879).

Тутъ-же, въ «Областномъ отдѣлѣ» помѣщены нѣкоторыя данныя, касающіяся художника Яна Матейка и его картинъ на темы, имѣющія ближайшее

отношеніе къ югу Россіи, какъ-то: Рейтанъ (моментъ изъ засѣданія Варшавскаго сейма 1773 г.), Люблинская Унія, Вернигора и др. (стр. 989—994). Эта статейка, впрочемъ, имѣетъ не научный, а публицистическій характеръ, т. к. Матейко разсматривается, какъ художникъ-агитаторъ. — По этому поводу въ № 3-мъ помѣщено «Письмо въ редакцію» (стр. 504—509) А. Кирѣва, гдѣ прямо уже затрогивается общій вопросъ о русско-польскихъ отношеніяхъ.

Въ № 3—4-мъ напечатана статья *И. Филевича* «Польша и польскій вопросъ» (стр. 85—105), которая представляетъ изъ себя сводъ главнѣйшихъ положеній приготовляемаго авторомъ къ печати «Историческаго очерка русско-польскихъ взаимоотношеній». Уяснивши вначалѣ значеніе польскаго вопроса въ связи съ общеславянскимъ, авторъ переходитъ затѣмъ къ характеристикѣ русско-польскихъ отношеній въ три главные момента историческаго прошлаго: 1) Государственное объединеніе русскаго племени при Владимірѣ святомъ; 2) польскій напоръ на Русь въ половинѣ XIV в. при Казимірѣ III; и 3) начало возсоединенія Руси при Иванѣ III.

Въ № 3-мъ, въ отдѣлѣ «Бесѣды и письма свѣтскаго человѣка о предметахъ не свѣтскихъ», встрѣчаемъ нѣсколько отдѣльныхъ пунктовъ по разрѣшенію вѣчно остраго и запутаннаго еврейскаго вопроса (стр. 296—308). Къ этому-же надо прибавить я еще нѣсколько страничекъ, помѣщенныхъ тоже въ № 3-мъ, въ отдѣлѣ «Изъ газетъ и журналовъ», гдѣ говорится о евреяхъ въ Россіи на основаніи неоконченной статьи покойнаго М. О. Шугурова (стр. 460—465).

Тутъ-же, въ «Областномъ отдѣлѣ» встрѣчаемъ статью А. Владимірова, представляющую подведеніе итоговъ газетно-журнальных мнѣній по извѣстному вопросу о томъ, что нужнѣе устроить въ Вильнѣ—Духовную академію или Университетъ (стр. 481—503). По этому-же вопросу см. также № 8-й, стр. 884—889.

Въ № 5-мъ находимъ статью *А. Павлова*. «О началѣ галицкой и литовской митрополій и о первыхъ тамошнихъ митрополитахъ по византійскимъ документальнымъ источникамъ XIV вѣка» (стр. 214—251), въ которой авторъ устанавливаетъ данныя объ учрежденіи галицкой и литовской митрополій и слѣдитъ за послѣдовательною смѣною митрополитовъ, заканчивая митрополитомъ Киприаномъ-сербомъ, перешедшимъ въ 1389 году изъ Кіева на митрополію въ Москву.

Тутъ-же находимъ статейку *Сергія Бартенева* «Подъ живымъ впечатлѣніемъ картинъ Васнецова (373—376 стр.), въ которой авторъ восторгается картинами этого художника, украшающими строящійся въ Кіевѣ Владимірскій соборъ.

Пятокъ 19. Сегодня дадемъ Забарѣ, до даннихъ ему 60 р., еще 10 р., итого всѣхъ 70 р., на жито. Купилемъ полтори сотнѣ драги за 7 зол. Черезъ Калениченка, бывшего атамана житнянского, писалемъ до брата п. Семена, а включилемъ письмо до Демяна писанное и приложенный Юскови приказъ, въ 6 пунктахъ, о выборѣ коней для продажи и езды здесь, и о протчемъ. (*Выписка изъ бл. Августина.*) Швакгеръ п. Яковъ Полуботокъ приѣхалъ въ Глуховъ.

Субота. 20 Сегодня рано заездилемъ до брата п. Михайла и оттолъ заходилемъ въ столовую. Былъ у князя, а обѣдалемъ у паней.

Неделя. 21. Сегодня рано былемъ у князя, и у себе зъ швакгромъ п. Яковомъ Полуботкомъ обѣдалемъ. Сисканни въ Глуховъ Скридловскій и сынъ отца намѣсника роменского Іоанна, указомъ гетманскимъ, для переводу правныхъ книгъ. У вечеру билемъ у Андрея Миклашевского, и зъ п. Михайломъ повернулемся, а приѣхавши въ домъ, засталемъ князя и брегадира. Андрей Полуботокъ, швакгеръ, приѣхалъ.

Понедѣлокъ. 22. Сегодня обѣдалемъ у себе, а по обѣдѣ заездилемъ до п. Михайла и брегадира, отъ которого поехавши, сгрѣтилемся зъ швакграми своими. По облѣку доправилемъ у Тимофѣя Скоропадскаго 20 р. и отдадемъ п. Михайлу. Полкъ лубенскій очищенъ, въ якомъ 3 села наши отмѣченны—до слѣдствія.

Вовтор. 23. Сегодня швакграмъ своимъ составилемъ чолобитную о маестностяхъ ихъ, якихъ себѣ домогается полковникъ чернѣговскій, потому что они полковіе. Писалемъ въ Москву до Курбатовъ, благодаря за вѣдомость о Калюж. футорѣ, черезъ Александра присланную; до сестри и до Александра—о покункѣ футеръ шлямового, лисіого и хрибтового рисіого. Былемъ у князя, где п. Михайло, братъ, Андрей Миклашевскій и Михайлиха сумская били и разговаривали о раздѣлѣ между собою имѣнній движимыхъ и недвижимыхъ и маестностей. День былъ и ночь свѣтла и суха, да студена и тиха. Заграбилъ Туранскій пару воловъ моихъ у Кирпича своего. (?)

Среда. 24. Сегодня рано ездилемъ до брата п. Михайла, а обѣдалемъ у себе, зъ женою. Швакгри, поданную чолобитную о

маестностяхъ своихъ ясневелможному, носили зъ Андреемъ Миклашевскимъ въ сессею старшинъ, въ столову, где оную читано и копію грамоты, а другую такую жъ чолобитную дали князю Шах.—П. Михайло зъ Михайлихою сумскою и Андреемъ Миклашевскимъ помирился на томъ: Михайлисѣ—Дунаецъ зъ слободкою и со всѣми грунтами тамъ будучими, Андрею—Кубраковка слободка зъ млиномъ подъ городомъ и всѣми тутейшими грунтами, а п. Михайлу—село Васковци да слободка Локня, зъ млинами на Свесѣ, Ивотѣ и въ Локоткахъ; але когда его дочь умереть, то грунта возвратитъ въ родъ Четвертенскихъ ¹⁾). День былъ вѣтряный, холодный, а ночь свѣтла, вѣтряна и холодна.

Четвер. 25 Мартинъ Кодионецъ, сотникъ лукомскій, по чолобитной моей, въ юлѣ поданой, сисканъ въ судъ енералный, и взята сказка не сездитъ ему зъ Глухова. Обѣдалисмо у Потіомкина, родня, таеъ же князь, брегадиръ Мякининъ, Еропкинъ. Воловики мои попились и побились, и зъ нихъ одинъ умеръ. День былъ также вѣтрянѣй, и ночь.

Пятокъ. 26. Сегодня князь Шаховскій и другіе обѣдами у паней, для именинника Івана. Родителка приѣхала зъ Олесею и братомъ Маркомъ въ Глуховъ (*Выписка изъ бл. Августина.*) День былъ тепловатъ, похмуренъ и велми ветренъ; по заходѣ слонца дождичекъ показался и ночь такова жъ, и противъ прежнихъ ночей теплѣйшая. Отъ архиерея кievского получилимъ писмо, упоминающеся объ отдачу грошей, Горкою ²⁾ означенныхъ.

Субота. 27. День бувъ теплый и около полудня выяснявся, такъ же и ночь тепла и ясна. Былемъ у суда енералного, куда и Кодинца, сотника, призвано, который отвѣтствовать не схотѣлъ и того ради велено оногo держать, не спуская. Обѣдалемъ у паней, зъ обома род. Швакгри у вечеру были.

Неделя. 28. Вѣжевскому въ расходъ далемъ 8 р. и записа-лемъ. Юско повернулся и привезлъ вѣдомость, на писмѣ, отъ Демяна,

¹⁾ См. Опис. Стар. Малороссіи, II, 441.

²⁾ Епископъ астраханскій.

что коннй для продажи 15 поставили и что въ Жостѣрѣ ¹⁾ удѣдали сѣна скиртъ 15, да въ копицяхъ—на полтори тисячи некиданого, на що пошло 31 р., въ Перервинцяхъ—сѣна скиртъ 90, а до Сухоносовки—7; да Юско жъ пригналъ коней 8, итого здесь 20 коней. Обѣдалемъ у паней зъ род. и швакграми Полуботками, а потомъ билемъ у Миклашевскихъ и повернувшись,—у князя, где тіотка и matka были у княгинѣ. День бувъ теплый, вѣтряний, зъ половици свѣтлий, ночь такая жъ. передъ свѣтомъ стало похмурно.

Понеделокъ. 29. Сегодня до полудня было похмурно, тепло и мокровато, а послѣ полудня мало яснѣй и въ ночь, а по полночи, свѣтло и холодновато. Былъ я у судди енералного и просилъ на Юдинца, что онъ отвѣтствовать не хотѣлъ, которого велено держать за арестомъ, а потомъ, по присилки отъ ясновел—го, отпущенъ и данъ срокъ, чтобъ зъ братомъ явились октовр. 26-го числа, а буде неявится, то искъ мой платить безъ суда. У вечеру былъ я у князя и имѣлъ разговоръ о швакграхъ.

Вовтор. 30 Сей день противъ другихъ былъ ветрянъ и отчасти холодновать, по заходѣ слонца, хмара наступила, отчего дождь трома рази, у ночѣ, ишоль, а передъ свѣтомъ, противъ середи, віянілося. Приехалъ человекъ сухоносовскій зъ тимъ, что возовъ 4 зъ Сухоносовки прійшло въ Тулиголови, а въ тихъ возахъ вовни бранки—рунь 440, шкуръ конскихъ, чиненихъ,—18, проса ромен. четвер. 4, шкуръ овечихъ старихъ 30, ягничихъ випортковъ 50, яблукъ возъ, соли бочокъ 6, часнику и цебулѣ по части; да тотъ же человекъ привезлъ декоктъ въ разбитой фляшцѣ. Отець и товаришъ его Мякиннъ въ первый день засѣли въ канцеляріи своей, въ дворѣ Балсаровскомъ, и сидѣли за 2 часа, зъ полдня. У вечеру ездилемъ до тіотки, у которой былъ епископъ черпѣговскій, а позно у мене п. Яковъ швакгеръ, зъ обнадеженіемъ о уступкѣ Крисіокъ.

М—ць октоврій. Середа. 1. Сей день былъ тепловать и свѣтель, а ночь вся свѣтла была и суха. Писалемъ до Демяна писмо, черезъ сухоносовцевъ, и 4 телар. быт. послалемъ ему на кожухъ и

¹⁾ Хуторъ Марковича, около Лубенъ.

проч., а писалемъ о висилцѣ подводъ сюда, въ началѣ филиппового посту, въ болшомъ числѣ, о куплѣ дробини и о присланію вѣдомости взглядомъ футора Криворудского. Писалемъ черезъ Іваниху лубенскую, сегодня отехавшую, до Несторовича, чтобъ вѣдомость взялъ у Тараса о футорѣ Криворудскомъ. Обѣдалемъ дома зъ Юремъ Еропкиномъ, а по обѣдѣ ездилемъ до Миклашевскихъ, оттоль до князя, где подпяхомъ, оттуду заехалъ до насъ полковникъ Юрий Федоровичъ Лесли и тутъ еще позабавили. У пана гетмана былъ банкетъ, на который я не званъ, такъ и не былъ.

Четвер. 2. Сей день былъ тепловатъ и похмурный, ночь свѣтла. Обѣдалемъ у тіотки, по обѣдѣ заездилемъ до полковника Лесли, Еропкина, п. Михайла, брата, Мякинина, и оттоль зъ Хрущевимъ отехавши, пріехалемъ въ свой домъ. Писалемъ листомъ по поляску до Лесли, просячи его, чтобъ онъ Сиваковъ купилъ мнѣ отъ Швайковского, чили Лярского, за 100 р., а если бъ болшь претендовалъ, то на деляту пустить, поколь помѣркуюся, не будетъ ли то зъ моею шкодою, въ якомъ купованію поднялся Лесли трудится и отехалъ къ Смоленску. Хрущовъ, полковникъ нѣжинскій, помирился зъ Жураковскимъ, уступивши ему полковихъ маестностей 4, въ якомъ числѣ и Круничъ-Поле.

Пятокъ. 3. Жѣна моя поехала въ Тулиголови, а я до швакгровъ писалемъ, упоминаючись о село деклярованное. (*Выписка изъ бл. Августина*). Писалемъ до швакгровъ своихъ п. п. Полуботковъ, упоминаючись объ уступку декляроваинаго села Крисіокъ, на что отписали, обѣщаючи вскорѣ оное уступить, якъ пріѣдетъ староста той, въ которого вѣдомствѣ оное село имѣтся. Вѣжевскій далъ вѣдомость о воску въ склепу имѣючомся, которого великихъ и малихъ грудъ, чили круговъ, есть 20, а въ нихъ по нумерамъ означенимъ 16 пудовъ и 20 фунт. День сей былъ зъ ранку мокръ и дожчоватъ, для туману поднявшагося въ гору, а по полуднѣ, къ вечеру, свѣтелъ, такъ же и ночь свѣтла.

Субота. 4. Сей день былъ зъ ранку до полудня гораздо мокръ и дожчоватъ, а къ вечеру вѣтеръ великъ, и випогодилось, а ночь свѣтла была, але холодна. У князя былемъ рано, призванный отъ

него, при которомъ швакгеръ п. Андрѣй говорилъ, что сегодня пришлетъ письмо на Криски. Раздѣлались полюбовно между собою братъ п. Михайло, Андрѣй Миклашовскій и Анна Михайлиха Кондратіева, и писмами мировыми размѣнялись, на которыхъ во свѣдѣтельство подписались: полковники нѣжинскій Хрущовъ и чернѣгов. Богдановъ, тако жъ швакгри обидва Полуботки, Григор. Гамалѣя и я. Обѣдалисмо у себе и сегодня никуда не ездилемъ.

Неделя. 5. Сегодня отъ ранку до вечера было погодно, сухо и холодно, ночь была похмурна, толко жъ суха. Швакгри мои прислали ко мнѣ, черезъ Мануйловича, письмо уступное на село Криски, въ полку чер., сотнѣ понурницкой найдучееся. Обѣдалемъ у паней, биемъ у п. Михайла, п. Петра, подаровавшего теперь мнѣ око тютюну, и у швакгровъ.

Понеделокъ. 6. Сегодня началъ учиться по французску, отъ Люки, секретара гетманского. Обѣдалемъ у паней, а потомъ она изволила у насъ вечерать. Сей день былъ погодный, а холодный, а ночь такъ же, и вѣтеръ былъ.

Вовтор. 7. Началемъ вино венгер. зъ анталовъ обоихъ и одного досипалемъ. Тіотка обѣдала у насъ потому, что день рожденія моего былъ, а всѣхъ лѣтъ моихъ 33. Ездилемъ до п. Войцеховичевой и Новоторжцова. Получилемъ письмо зъ Москвы, отъ Александра и Камѣнского, о продажѣ гор. оковитой, куѣи за 60 р. Сей день былъ погодный и ночь такъ же, толко морозъ былъ.

Среда. 8. Сей день до полудня былъ погодный, а по полудню до вечера дождь ишоль. Ночь випогодилась, противъ четверга зъ вечера, а потомъ стала похмурна да не холодна. Панъ Михайло, братъ, купилъ у Михайлихи Кондратіевой грунта дунайскіе при Дунайцу, ¹⁾ за полтори тысячи рублей и бушчю взялъ, на которой во свѣдѣтельство подписались: Еропкини, я и швакгеръ Андрей Полуботокъ. Зачуль я, что зъ Сулаку повернулся Михайло Литвиненко, подданий сварковскій.

¹⁾ См. Опис. Стар. Малороссіи, II, 441.

Четвер. 9. Сей день былъ похмурный и отчасти мокрый, ночь была похмурна и не холодна. Михайло Литвиненко, подданий мой сварковскій, вернулся зъ Астрахани (*Выписка изъ бл. Августина*). День тезоименитства моего былъ и многіе у насъ обѣдали зъ великор. и швакгри, п. Михало и п. Петро, и подпіяхомъ. Воловъ 14 пригнали гайдаи, ходившіи зъ гор. въ Москву, и привезли де-що.

Пятокъ. 10. Сей день былъ мокровать, у вечеру и до полночи дождъ ишоль. Михайло Гавриленко сказалъ про Гаврила и другихъ, съ нимъ на суднѣ бывшихъ, что когда ихъ на пѣсокъ винесло, ладажанскіе татаре, напавши, похватали ихъ, а другихъ порубили, и самъ Гаврило взятъ и обесурманився, и отъ болѣзни захорувавши, умеръ. Привезлъ онъ 1500.

Субота. 11. Сей день былъ зранку свѣтелъ, около полудня и по полудни дождъ невеликий ишоль; ночь похмурна. Опанась Шаповаленко и другіе сухонососовскіе отпущени, черезъ которыхъ до Демяна писалемъ и на покупке индюковъ 12 р. послалемъ, и предлагалемъ, чтобъ онъ виправу присилалъ сюда болшую, заговѣвши на Филиповъ постъ. Обѣдалемъ зъ жоною у швакгра п. Якова Полуботка, и подпіяхомъ.

Неделя. 12. Сей день былъ увесь похмурный и ночь. Праздновали день рожденія государева, чернѣгов. архиерей служилъ. Обѣдали у яневелможного, а я дома. У тіотки было освященіе новихъ хоромъ.

Понеделокъ. 13. Сей день увесь былъ погодный, и светлый и теплый, и ночь такожде. Швакгри мои Полуботки перемѣнили уступное писмомъ другимъ и оное отдали мнѣ, тако-жь и писмо отказное до старости Оболонского писанное; и сегодня п. Андрѣй отехалъ въ домъ свой. Сеей ночи знову зъ футора введено коней 4 нашихъ, невѣдомо куда.

Вовторокъ 14. Сей день былъ и ночь свѣтліе, тепліе и погодніе. Далемъ Забарѣ на жито, до прежде даннихъ 70 р., еще 30 р., итого всѣхъ 100 р. Купилемъ поле въ трохъ рукахъ, на сварковскомъ полѣ, у Сидора Третьяка, козака и жителя бѣлополовского, за 17 р. съ полтиною, на что и купчую далъ въ 20 р; а на

большой нивѣ, что при футорѣ Калужновскомъ жито посѣяно, какое ему принадлежить, знять. Старшина малороссійская, полковники и прочіе были у князя Шаховского и о слѣдствіи сельъ войсковыхъ, урядовыхъ и ратушнихъ, неучинивши ничего крайнего, приговорили разехатись по домамъ, а для конечного опредѣленія пріехать сюда 15-го декавр. Князь поехалъ въ Клишки. Я обѣдалъ у тіотки. П. Григоріева отехала въ домъ. У вечеру былъ у мене швакгеръ п. Яковъ да Борковскій, который обѣщаль шибъ болшихъ, до оконъ, 40, зъ гути ¹⁾ прислать.

Среда. 15. Сегодня день вѣтряный, однакъ ясный былъ и ночь такъ же. Получилемъ писмо отъ сестри, зъ Москви. Несторовичъ пріехалъ зъ Ромна.

Четвер. 16. Сей день былъ теплый и свѣтлый, и ночь такожде. Тіотка ясновод. была у княгинѣ, до насъ заехала и вечерала.

Пятокъ. 17 (*Выписка изъ бл. Августина.*) Пер. . . Михайловъ Гаврилецъ и 6 мѣш., особливе 3, въ которыхъ 500 р. и 40 чер. Сей день и ночь были тепліе и погодніе.

Субота. 18. Сегодня рано отправленъ Скридловскій въ Москву, которому родитель на дорогу далъ 18 р., а писано черезъ его отъ род. до графа Головкина, Степанова и Курбатова, объ опредѣленіи маестностей на рангъ его нянѣшній, о чомъ и челобитная дана; а я писалъ до Курбатова, прося совѣту въ дѣлѣ тіотки моеѣ и моеѣ, тамъ имѣючомся. До сестри писалъ и послалъ икри, битой камбали, каракатицъ и колбасъ пару нѣмецкихъ, да водки рожевой трохи, а жена—барилце мастихини водки. Да до еѣ жъ послалъ я, черезъ Скридловского, двѣ пари соболей, зъ одной—корабликъ пошить, а другую вичистить и прислать сюда; да до еѣ жъ писалъ, предаѣ служителей своихъ въ еѣ послушаніе. До Александра писалемъ о покраденнихъ коняхъ моихъ zde и о штофцу коричномъ, а до Камѣнского и Романа о томъ, чтобъ сестри слушались и рецептъ послалемъ на декоктъ, который послѣдній данъ мнѣ отъ Бидлова кровочистительный о не удержаніи урины, да имъ

¹⁾ Т. е. съ собственнаго Борковского стеклянаго завода.

же велѣмъ купить 20 галіонокъ гишпанского вина. А Скридловскому далемъ пуделко отъ часовъ, чтобъ онъ шило купилъ и приправилъ. Сей день былъ и ночь противъ прежнихъ тепліе, свѣтліе и потодніе. Обѣдалемъ у тіотки; по обѣдѣ заездили до Количева, до швакгра п. Якова и до обозного енер., отъ которого домой приехали. Князь повернулся зъ К्लीшокъ.

Неделя. 19. Сегодня былъ я рано у князя, оттуду у гетмана и зъ Лярскимъ приехавшимъ видѣлся. Сей день бымъ похмурный и теплый, и ночь такъ же. Обѣдали у насъ тіотка, Валкевичъ, Чуйкевичъ и другіе. Казѣмиръ и Опанасъ приехали зъ Москвы и привезли денги за вовну зъ бранокъ, которую продавали пудъ по 40 а. митую, а въ пудѣ митой будетъ 10 чи болшъ рунъ, а немитую продавали по 7 гривенъ, и немитой по 7 рунъ у пудѣ, мнѣ отдали 33 р., а было 29 пудъ, а пудъ по 48 а.

Понеделокъ. 20. Сей день былъ похмурный и теплый, и ночь такъ же. Зъ Михай. Литвин. привознихъ взяли 100 р. и далемъ женѣ. Купили меду пудовъ 49 безъ до 2-хъ фунт., а пудъ по полъ 7 зол. безъ дерева, а дали грошей 56 р. 22 а., а еще недодано 7 р., поколь дерево зважится. Обѣдали у тіотки князь и протчіе господа, и подпіяхомъ.

Вовтор. 21. Сей день и ночь противъ прежнего тепліе и похмурніе были. Господара отправилемъ въ Криски. Далемъ ему отказное письмо, отъ швакгровъ данное, до старости оболонского, письмо п. Якова швакгра къ нему жъ и приказъ въ 12 пунктахъ, и денегъ ему 20 р. далемъ для спораженія винокурного заводу и протчего. Обѣдалемъ въ себе зъ родителми. по обѣдѣ былъ у князя и швакгра.

Середа. 22. Сегодня до полудня было похмурно и однакожъ сухо, а отъ полудня до вечера тепло и ясно, такъ же и ночь была свѣтла и суха, а зъ полночи туманъ. Рано былъ у суда, обѣдалъ у тіотки, ездилемъ у вечеру до Количова и Еропкина. У гетмана бylumъ и п. Михайловой.

Четвер. 23. Рано туманъ былъ и по туману дождъ малий ишолъ до полудня и до вечера скорий, а при заходѣ слонца пере-

стало, и было такъ похмурно черезъ ночь и холодно. Писалемъ до Новѣцкаго, чтобъ сюда пріѣздить въ Глуховъ, зъ Спаскаго. Рано ездилемъ въ судъ и просилемъ, чтобъ дѣло мое зъ Кюдинцемъ имѣющееся перенесенно было зъ повиття Булавки до повиття Руновскаго, що и учинено. Обѣдалемъ у себе; п. Войцеховичева отехала въ домъ свой. У лазнѣ милемся и кровь пускалемъ рожечную. Получилемъ письмо отъ Деяна зъ Сух., октовр. 18-го писанное, о виправѣ сюда впредь, о заборѣ людей отъ Кюдинца зъ футора, о купленныхъ 5 вѣдѣркахъ меду, о устроенихъ станияхъ и о колахъ, объ оправцѣ шинку лубенскаго, о купленныхъ гусахъ, курахъ и каплунахъ, о полученныхъ имъ 12 р., черезъ Шаповаленка.

Пятокъ. 24. (*Выписка изъ бл. Августина.*) День сей былъ холодный, зъ морозомъ, да похмурный, и ночь такожде. Началь я теперъ учится французской конструкторціи. Зъ денегъ привознихъ Мих., далемъ женѣ 150 р., да 100 р. отложили, итого уже лѣчен. 250 р. Малира, брата попа Астровскаго, приняемъ въ Сварковъ на житло.

Субота. 25. Сей день былъ похмурный, але холодный, и ночь такъ же зъ морозомъ сухимъ. Сегодня въ суде генер. взята сказка зъ Кюдинцевъ, чтобъ зъ суда не зездить, до окончанія суда зомною. Обѣдалемъ у тіотки; ездилемъ до Количова и Еропкина, где съ нимъ, Кутневскимъ и Федоромъ Савичемъ, вечералемъ. Количовъ сказивалъ о Лярскомъ, что онъ былъ у его и сказивалъ ему тое, что будто нѣкоторый ябедникъ смоленскій купилъ крестьянъ всѣхъ, бѣжавшихъ въ малороссійскіе города, отъ Богдана Швайковскаго, зятя его, у его Богдана, за 160 р., якихъ якобы онъ откупилъ за 1200 р. Посланъ отъ п. гетмана Карпѣка Яковъ за Петромъ Миновичемъ и Лѣсянскимъ (?). Пріѣхалъ сынъ духовниковъ Гарасимъ и сказаль про отца своего Тимоея Василіевича, что септ. 24-го преставилъ. (См. выше, стр. 200).

Неделя. 26. Сей день былъ зъ ранку холоденъ и похмуренъ, а около полудня дождчъ ишоль меленкій, а потомъ свѣгъ проривался до ночи, а въ ночѣ вѣтеръ билъ великій и холодно было. Былемъ у гетмана, а обѣдалемъ у Еропкина, которого братъ име-

нинникъ и подпіяхомъ. Тутъ же миръ здѣлался зъ Михайломъ Бѣлоцерковскимъ (полковникомъ) и швакгромъ Савичемъ, въ побитію сына Михайловаго, въ чомъ и росписались, а за то даль швакгеръ Михайлу 75 р.

Понедѣлокъ. 27. Сей день былъ зъ ранку холоденъ и похмурень и снѣгъ врывался, а по полудню до вечера былъ ясенъ, и ночь такъ же ясна была, толко вѣтрена. Генераль Девейзбахъ приехалъ съ Москви въ Глуховъ и сталъ квартирою у Мануйловича, асаули енер., а простуеть въ нѣмецкую сторону зъ синомъ. Началемъ учиться вокабуловъ и діяліса французского.

Вовтор. 28. Сей день былъ съ ранку похмурний але холодний, зъ морозомъ, а отъ полудня до вечера ясенъ, такъ же и ночь была мало похмурна, але вѣтрена. Билисмо рано у Вейзбаха генерала, отгуду зайшоль я въ склепъ и насыпаль вина 14 бутилокъ венгерского; обѣдалемъ у себе. Родитель подарилъ мнѣ табакерку серебряную и 50 червоннихъ.

Середа. 29. Ездилемъ въ судъ и до бригадира, службы Божой слухалемъ у святыхъ Анастасій, а обѣдалемъ у себе. Генераль Девейзбахъ обѣдалъ у князя Шаховского и отехалъ въ свояси, а именно—въ Кіевъ, а съ Кіева въ нѣмецкую сторону, на время. Сей день былъ зъ ранку сухъ, а по полуднѣ мокръ, а барзѣй вѣтрень, и ночь тако жъ. Указъ присланъ зъ Москви, за графскою рукою, о содержаніи овецъ по регламенту.

Четвер. 30. Сей день былъ вѣтряний на збитъ, а къ вечеру утихло и випогодилось черезъ всю ночь. У канцеляріи еудовой допрашиванъ Лаврѣй Кодионецъ. Получилемъ писмо отъ господара моего зъ Крисіокъ, въ якомъ пишетъ, что оное село отобраль октовр. 25-го, да что Оболонская за должноє здвора притягла въ свое подданство; да что староста оболонскіі намъ долженъ горѣлки 30 вѣдеръ государевыхъ, а въ селѣ ономъ людей пахотнихъ 43, а бобилей 51, всѣхъ 94. Купилемъ у брата ступака гнѣдого за 10 р. Всѣхъ грошей моихъ уже перелѣч. 600 безъ 6.

Пятокъ. 31. Сей день былъ холодній, однако жъ ясный и погодній и ночь также, толко мало хмурна. П. Павлова кроде-

вещка за гор., давно взятую, узла до прежнихъ грошей 10 р. Принималемъ тинктуру проносную 100 капель и имѣлъ около 20 столцовъ всѣхъ. (*Выписка изъ бл. Августина*).

М—ць ноеврій. Субота. 1. Сей день былъ погодній, сухой и холодній, и ночь такъ же. Сегодня допрашиванъ сотникъ лукомскій Кодионецъ. Обѣдалисмо у тіотки зъ род. и п. Михайломъ. Родителка подарила мнѣ коверъ.

Ноделя. 2. Сей день былъ холодній, однако жъ сухой и погодній, и ночь такъ же. Обѣдалисмо у паней, где была панѣ гетманова и п. Михайлова.

Понеделокъ. 3. Сегодня противъ прежнихъ дней было воздуха состояніе и ночь такъ же. Денги лѣчени Мих. Гавр. и всѣхъ 749. Панѣ Забарѣ дала на покупкеу овса и ячменю 30 р., а на жито я даль 50 р., и того даннихъ всѣхъ Забарѣ на жито 150 р. Кровъ зъ головной жили пускалемъ.

Вовтор. 4. Сей день былъ противъ прежнихъ сухой, погодній и холодній, и ночь. Винда Иванъ, осаулъ глух., померъ, а у вечеру овина его згорѣла. Билъ я рано у князя, обѣдали ми зъ род. у себе и съ нами швакгеръ п. Яковъ. Сторговалемъ зъ Забарою дворъ зъ всѣмъ полемъ у Катерини Хоцихи, жителки сварковской, за 10 р.

Среда. 5. Сей день и ночь была противъ прежнихъ холодніе, свѣтліе и погодніе. Родителка поехала въ Ромень, которую жена поехала опроважать до Каменя. До род. послаемъ 5 червон., то есть 10 р., на покупкеу канавацу. У вечеру ездилемъ до Еропчина, где заставши Лярского, торгъ имѣлемъ за крестьянъ Сиваковъ, за которихъ онъ просилъ 1000 р., а я давалъ 60 р. и пару коней.

Четвер. 6. Сей день и ночь были противъ прежнихъ дней одинакового состоянія. Вылемъ у канцеляріи судовой, а обѣдалисмо зъ род. у себе. По обѣдѣ ездилемъ до тіотки, где князя и княгиню и комендатшу, отежджающую въ Москву, засталемъ. Дорошенко, зъ Астрах. приѣхавшій, билъ у мене и Кутневскій.

Пятокъ. 7. Сей день противъ прежнихъ холодній, погодній и свѣтлій былъ, а зъ вечера до полночи вѣтеръ былъ мокрый, зъ

полночи до свѣта снѣгъ ишолъ. Архипъ посланъ за шкломъ до гуты. Родитель купилъ аргамака у Потемкина за 120 р., тоестъ за 100 р. и двѣ кобили. (*Выписка изъ бл. Августина.*) Жена повернулась зъ Кролевца, где была род. для хорошей (хоровавшей?) тіотки Павловой.

Субота. 8. Сегодня писалемъ до господара въ Криски о приѣмѣ бѣглихъ, о присилки въ Тулиголовъ 5 человекъ на мѣсяць, а 10 — въ Шабалиновъ, за дранню. Такъже писалемъ, чтобъ Оболонскій людскихъ грунтовъ непоускалъ; о взятю куѣи гор. зъ Оболоння, о ловлѣ рыбной и присилцѣ сюда оной, о написаніи цедулками, о куплѣ дощокъ липовихъ, о винницѣ, о чиншовихъ людяхъ, о присилцѣ вѣдомости годового платежу. Обѣдалисмо у Новоторжцова для того, что онъ имянинникъ, и многіе, а во первыхъ: гетманъ, князь, тіотка и протчіе великор. Господаръ зъ Крисіювъ прислалъ горшковъ два воза. Сей день былъ похмурній зъ ранку, тепловотъ и снѣгъ шолъ до полудня, а послѣ полудня до вечера былъ погодній, и ночь также погодна.

Неделя. 9. Сей день былъ похмурний, сухой и холодний, а ночь випогодилась отчасти. Андрѣю, теслѣ, далемъ на кожухъ полтора руб. Обѣдалисмо у князя и подіяхомъ, для того, что онъ сего числа женился. Гаврило, слуга п. Михайла Скор., женился на дѣвки паней его.

Понеделокъ. 10. Сей день похмурний и зъ ранку до вечера снѣгъ малій ишолъ, а потомъ и черезъ ночь мрѣлъ дождчъ маленкій. Обѣдалисмо у князя и подіяхомъ. Въ числѣ 8, писанный листъ зъ приложеннемъ запрѣтительнаго приказу о бѣглихъ, врученъ Крисковцямъ, зъ горшками пріѣхавшимъ.

Вовтор. 11. Сей день былъ дождчевать и съ туманомъ великимъ, и ночь такожде. Ездилемъ въ канцелярію судовую и послали по Кодинцевъ, але не знайшли; оттуду зъ Юріемъ Еропкинимъ засидилемъ до Лярского и поводковавши, разехались. Обѣдалисмо у себе, а у вечеру ездилемъ до Еропкиновъ. Писма вручили въ Москву Андрѣю Еропкину, отъ тіотки и отъ мене, до сестри и Александра,

а отъ род. до Курбатова, и отъ тіотки. Денги всѣ Мих. Гавр. перечитани 934 р., недостаесть 67.

Середа. 12. Сей день былъ дожчевать, а у вечеру и въ ночѣ— и хорошій дождь ишолъ. Писма зъ Москви получилиемъ отъ Василя Маркелова и Александра Левѣцкого. Обѣдалисмо у себе; по обѣдѣ былъ я у князя, где писма двѣ, одно до Дмитрія Еропкина, а другое до Александра, отдадемъ Андрею Еропкину. Іоаникій Сеньютовичъ, архимандритъ кіевопечерскій, паралѣжемъ зараженный, умре.

Четвер. 13. Сей день былъ зъ ранку дожчевать, а послѣ полудня до вечера и ночь похмурни, толко дождю не бывало. Андрей Еропкинъ сегодня рано поехалъ въ Москву. Обѣдали въ тіотки князь зъ княгинею, брегадиръ зъ женою и проч.; подніахомъ и проч.

Пятокъ. 14. Сей день былъ дожчевать, и ночь такъ же. Сегодня зъ правнѣй книги статута началемъ нужнѣйшее выписивать.

Субота. 15. Сегодня зъ ранку дожчевато было, а потомъ мало вияснилось къ вечеру и черезъ ночь. Рано быдемъ у князя и простился съ нимъ въ бывшемъ позавчера посварѣ. Ездилемъ въ городъ и оттуду повернулемся въ домъ, где и обѣдалисмо зъ род. и съ нами швакгеръ п. Яковъ; у вечеру тіотка у насъ была. Вѣжевскому въ расходъ мой далемъ 3 р., а женѣ 20 р., а въ мѣшечку 60 р., въ баулцѣ. Да ему жъ Вѣжевскому далемъ приказъ о смотреніи шинковъ, въ 8 пунктахъ.

Неделя. 16. Сей день и ночь были похмурніе, толко не дожчоватіе. Сегодня зъ Лярскимъ князь помирилъ насъ, ему уступитъ Сиваковъ за 150 р. и пару коней. Обѣдалемъ у тіотки, а приѣхалемъ у вечеру въ домъ свой. Лукъ, секретару гетманскому, черезъ его слугу, послалемъ 20 р.

Понеделокъ. 17. Сей день былъ таковъ же, якъ и вчера, толко послѣ полудня дождчикъ проривался и въ ночѣ вѣтеръ былъ полуденный, мокрый, а передъ свѣтомъ дождь велий. Увѣдомились, что Леонтій, бывшій економъ род., умеръ. Обѣдалисмо у Мякинина, откуда заездилемъ до Потіомкина и тамъ посидя, отехалъ.

Вовтор. 18. Сей день зъ ранку былъ до вечера мокрый, дожчевѣтній, а у вечеру былъ туманъ, и черезъ ночь похмурно было и

вѣдотно. Улику говорилимъ у судѣ противъ Лаврентія Кодинца и не окончилиемъ. Обѣдалисмо дома и съ нами Лярскій. По обѣдѣ былъ Танскій и тіотка. Родитель подарилъ 50 р.

Середа. 19. Сей день былъ сухъ, однако жъ похмурень и нехолодень, и ночь недожчевата, а вѣлготна. У суда енер. былемъ, где Кодинцу улику Лаврѣну отъ мене окончилиемъ. Обѣдаемъ зъ род., а по обѣдѣ въ первое, въ новой хатѣ на каминку горѣло; у вечеру же былемъ у князя Шаховского и довольно посадя, приехали въ свой домъ. Енераль порутчикъ Леонтиевъ приехалъ въ Глуховъ и сталъ у Астровского, а швакгеръ п. Яковъ къ намъ перейшоль.

Четвер. 20. Сей день былъ теплій, похмурній, толко жъ дождю не было и ночь такъ же. Ездилемъ въ городъ и въ гетманскій дворъ, и поворотилемся назадъ къ обѣду. Позно повернулись зъ Ромна Кучарскій и Семень Цилюрикъ и привезли мнѣ отъ род. канавацу канарового (желтаго) 13 локоть да цѣвку злата, а канавацу локоть по 4 зол. Тіотка подарила щось на оплату Лярскомму.

Пятокъ. 21. Сей день былъ теплій и похмурній, а зъ вечера дождь ишоль и въ ночь. Обѣдалисмо у себе, а род. у князя; у вечеру ездилемъ до тіотки, где зъ сестрою увидѣлемся.

Субота 22. Сей день былъ такъ же похмурній и мокротний, однако жъ дождь не ишоль, а въ ночь морозъ и снѣжокъ малий. Зъ Лярскимъ сегодня раздѣлаемся за Сивака Омеляна и дѣтей его, за которыхъ даемъ ему 150 р., якіе гроши отъ тіотки 100 р., а отъ род. 50 р. дани. Обѣдалисмо у себе зъ род. и Лярскимъ и Кутневскимъ. Его імпер. вел. объявилъ волю свою, что имѣеть себѣ посягнуть въ жену дочь князь Алексѣя Григоріевича Долгорукова, княжну Екатерину Алексѣвну.

Неделя. 23. Сей день былъ холодний и вѣтрений полуночного вѣтра, и ночь такъ же, а послѣ полночи снѣжокъ проривался и умерзла земля. Обѣдаемъ у тіотки; у брата п. Михайла былемъ.

Понеделокъ. 24. Сей день былъ холодній и снѣжокъ малий виривался, а ночь мало теплѣйшая, толко вѣтрена. Сегодня екзерцѣцѣя по французску началемъ компоновать. Полковница мирго-

родская приехала въ Глуховъ. Обѣдалисмо у себе, а по обѣдѣ билъ у мене Данило Галенковскій зъ листомъ отца его.

Вовтор. 25. Сей день былъ теплѣйшій мало отъ вчорайшого, а ночь студена, такъ что рѣка стала. Петро кухаръ посланъ въ Сухоносовку; черезъ его послалемъ Тарасу на достройку футора 10 р., о чомъ къ нему писалемъ, а до Демяна на покупку дробини 10 р. и листъ, до Несторовича листъ и 2 червоннихъ, до родителки листъ и ему Петру приказъ въ 6 пунктахъ о дробинѣ, гор. и протчемъ, чтобъ сюда ему битъ передъ святыми. Жена моя поехала въ Тулиголови.

Середа. 26. Сей день свѣтлый былъ и погодній, але холодний такъ же, иного—только вѣтеръ былъ. Обѣдалисмо зъ род. сами. Князь повернулся зъ Клишокъ и п. Михайло. У князя у вечеру блежъ.

Четвер. 27. Сей день зъ ранку холоденъ и снѣгъ былъ, а ночь свѣтла была, а велии холодна. Приехалъ Мощанскій въ Глуховъ, зъ вѣдомостю, что братовая п. Андрѣвая въ Будкахъ на сихъ дняхъ преставилась; тожъ сказивалъ и швакгеръ п. Андрѣй Полуботокъ, сегодня приѣхавшій сюда. Вѣдомость зъ Москви полученна, что его величество невѣсту себѣ усмотрѣлъ дочь князя Алексѣя Григорьевича Долгорукова, княжну Еватерину Алексѣевну. Обѣдалисмо сами у себе, а у вечеру посѣщали мене оба швакгри Полуботки. Пявицами отворялъ себе геморгоиди.

Пятокъ. 28. Сей день збитъ холодний былъ, а свѣтлый, и ночь также. У князя рано билемъ, а у вечеру были у мене оба швакгри. Полну наклалемъ до употребленія жестянку чаю. До п. Федора Савича послалемъ de maleficiaene (?) трактатъ, по руску, для переписи, а онъ далъ 100 кирпичей для печи въ городѣ. Повернулся Архипъ и привезлъ шкла шибъ полуаркушовыхъ 109, по 4 копѣйки одна, да бутел. 3 за 10 а., зъ гути Івана Чумака, сотника слоского (?).

Субота. 29. Сей день противъ вчорайшого былъ холодний а свѣтлый, и ночь такожде. Рано блежъ у князя, обѣдалисмо у себе, у вечеру блежъ утіотки; жена зъ Тулиг. приехала. Федоръ Кочубей, бунчуковий товарищъ, умре.

Неделя. 30. Сей день былъ холодный и ночь такъ же, а яснѣ были и погоднѣ. Вѣжевскому на расходъ 6 р. и записано. У п. Федора Савича умерла дочь малая, которую похоронили. Обѣдаемъ у тѣтки моей ясневел., а оттуду до швактровъ Полуб. заехали.

М—ць декаврѣй. Понедѣлокъ. 1. Сей день былъ сперва холодный и тихий, а по обѣдѣ, и черезъ ночь, вѣторъ билъ полуденный. Вилемъ у судѣ генер. и подписалемъ улику противъ Лаврѣна Кодицца. Обѣдаемъ въ дому и со мною швакгри Андрѣй и Яковъ Полуботки. Приехали Алексѣй, служитель мой, съ Москвы и привезлъ за 158 овецъ, якіе продалъ каждую по 4 гривни, да за 30 козъ, якіе продалъ всякую по 10 а., да за 11 воловъ, якіе гуртомъ продалъ за 50 р., да еще за 90 биковъ, гуртомъ же проданныхъ за 30 р., а такъ всѣхъ грошей привезлъ готовихъ 134 р., а зъ покупокъ футро шлямовее лисее за 15 р., да хрибтовее рисее за 12 р., да 12 галіонковъ вина за 6 р.; а на мито, за помянутіе овци и товаръ, вышло 16 р.

Вовтор. 2. Сей день былъ вѣлготный а вѣтряный, и ночь такъ же, и снѣгъ ишоль. Сегодня былемъ у суда генералного, где приговорили мнѣ передомъ говорить улику противъ Мартина Кодицца, а потомъ—обоимъ имъ оправданія принесть. Писалемъ писма въ Москву до сестри Уляни Ивановни отъ себе и отъ тѣтки, такъ же до Камѣнского и Романа, о покупке спаднѣ зимной и чтобъ тую, якая есть, запровадили, а писма отправлени черезъ аютанта княжого Леонтіева. Отдаемъ пару коней Лярскому, воронихъ, бѣлоногихъ.

Середа. 3. Сей день такъ же билъ вѣлготный и вѣтряный, а ночь барзѣй вѣтраная. Рано былемъ у суда енер., где улику противъ Мартина Кодицца окончилемъ. Обѣдаемъ зъ швакграми своими п. Полуботками. У вечеру билемъ у князя, гдѣ швакгри Полуботки помирились зъ Лярскимъ за крепостныхъ, въ денгахъ 175 р. и 4-хъ коняхъ, всякой конь у 20 р. ценою.

Четвер. 4. Сей день былъ мокрый, дожчевать, и ночь такъ же. У княжой квартирѣ и у сестриноѣ дворѣ Чарнишевомъ, въ

Кунтушь—одѣяніе въ Малороссіи мужчинами и женщинами употребляемое. 1) Мужчины носятъ съверхъ *кафтаны*, покроемъ почти такъ, какъ *черкеска*, но отъ нея отличенъ кунтушь слѣдующимъ: а) носить его токмо степенные люди, б) военскимъ по тогдашнему чинамъ нижнимъ козакамъ и до войскового товарища, никогда безъ отставки, или абшида носить не позволено, а вышнимъ чиновникамъ во время свободное и въ службѣ, носить было можно, но въ часы службы должны были быть въ черкескѣ. в) Въ покрое отличенъ кунтушь отъ черкески тѣмъ, 1) что длина не опредѣлена и зависѣла отъ произвола, 2) ни цвѣтъ, ни качество матеріи не опредѣлено, но по волѣ каждаго то и другое употребляемо было; 3) рукава безъ вылетовъ, т. е. безъ разрѣзовъ; 4) поясъ всегда долженъ быть по кафтану, а не такъ, чтобы можно было оный имѣть съ верху, какъ то при черкескѣ; 5) кунтушь можно имѣть съ шелковыми отворотами и обшлагами; 6) кунтушь долженъ быть разнополъ. 2) Женщины замужныя и дѣвицы носили кунтушь въ праздники и нарочитые дни. Покрой онаго, съ верху до низу грудей былъ точно таковъ, какъ нынѣ капоты, съ отворотами бархатными, парчевыми или другой какой матеріи, отличной отъ той, изъ которой шить кунтушь. На обоихъ бокахъ нашиваются *усы* по состоянію, изъ снурка, изъ позументу, а иногда выложенные драгоценными каменьями, но никогда длиннѣе шести вершковъ быть не должны. Отъ грудей къ низу, какъ обыкновенное женское платье, безъ хвоста, но съ переди весьма разнополо, дабы вся запаска была видна. Подъ кунтушемъ корсетъ, застегиваемый пуговицами той же матеріи или крючками, а между лапами запаска покрывней мѣрѣ шелковая, а по состоянію парчевая. Кунтушь у людей посредственнаго достатка шьется изъ сукна, по названію малороссійскому, сеетоваго, т. е. англійскаго или голладскаго, у достаточныхъ же шелковые, бархатные, а въ большіе праздники парчевые или золотомъ шитые по атласу. Ни одна женщина не можетъ явиться въ бесѣду безъ кунтуша, а мужчинамъ запрещено видѣть ее въ одномъ корсетѣ, кромѣ мужа и близкихъ родныхъ.

Курултай. Такъ называли при Чингисъ-Ханѣ и при Тамерланѣ сеймъ или генеральное собраніе князей и вельможъ татарскихъ, вассаловъ или данниковъ великаго хана. Сіи сеймы созываемы были въ то время, когда дѣло шло до какого либо военнаго предпріятія или завоеванія, и тутъ то устанавливали число войска, каковое каждый вассалъ долженствовалъ поставить. На сихъ сеймахъ также великіе ханы обнародовали свои законы и повелѣнія.

Листъ. Технической малороссійской юриспруденціи терминъ, значащій начальственное или надлежащаго судебного мѣста законное сообщеніе, и таковыя узаконены слѣдующіе: 1) *Листъ железный*— дается отъ главнаго начальства частному и добраго поведенія чело- вѣку, пришедшему въ убожество несчастными случаями, яко то: отъ пожара, наводненія, потопа, разбойниковъ и во время войны, отъ разграбленія непріятельскаго, или по правильнымъ доказательствамъ чрезъ продолженіе службы въ пользу отечества, и таковыми случаями доведенному до несостоянія заплатить свои долги. Получившій та- ковой листъ чрезъ три года, но ни одного дня ни долге, считается свободнымъ отъ притязаній заимодавцевъ, а представляетъ токмо надежныхъ поручителей, что въ теченіи сего времени будетъ стараться привести хозяйство въ порядокъ, и по изтеченіи онаго разплатится съ долгами. Сіи железные листы не пользуются тѣмъ: А) о которыхъ по слѣдствію окажется, что въпали въ долги чрезъ мотовство и разпутство; Б) мѣщанамъ и купцамъ въ долгахъ принадлежащихъ шляхтичамъ, а не таковымъ же мѣщанамъ и купцамъ; В) жидамъ въ долгахъ шляхтичамъ и ихъ подданнымъ; Г) шляхетскимъ под- даннымъ и слугамъ въ повинностяхъ ихъ своему господину; Д) всѣмъ тѣмъ, которые недокажутъ вышеприписанныхъ причинъ и обстоя- тельствъ, ради которыхъ желѣзные листы давать позволено ¹⁾. 2) *Листъ заручный*. Дается изъ суда гродскаго по просьбѣ шляхтича къ другому шляхтичу въ томъ, чтобы онъ не дерзалъ на жизнь и здоровье про- сителя или просителей, подъ опасеніемъ кроме слѣдующаго по зако- намъ наказанія по мѣрѣ виновности, еще съверхъ того и платежа положенной въ томъ за руки, отъ чего и листъ сей названъ заруч- нымъ, значить написанную въ семь листѣ денежную сумму, которая отъ суда назначается по (просьбѣ?) просителя, но не можетъ никогда превзойти ²⁾.... копѣ. *Листъ заручный* обязываетъ и повергаетъ та- кому наказанію и платежу обоихъ, какъ просителя, такъ и того, кому оный выпущенъ; на примѣръ, по просьбѣ А данъ заручный листъ Б, ежели Б самъ или чрезъ другихъ убьетъ А, то подвергается смертной казни и платитъ съверхъ того положенную заручку наслѣдникамъ убитаго, равно тоже ежели А убьетъ Б. Ежели Б побьетъ А, то пла- тить ему и безчестіе и заручку, равно тому же подвергается и А, ежели онъ побьетъ Б. Заручныхъ листовъ запрещено давать; 1) не

¹⁾ Листы эти практическаго примѣненія въ старой Малороссіи не имѣли.

²⁾ Цифра въ рукописи отъ времени измѣнилась.

шляхтичамъ; 2) въ другихъ дѣлахъ кромѣ безопасности жизни и здоровья.

Лука, по древнему *лонка*, реченіе юридическое правъ малороссійскихъ, значащее владѣніе сѣнокосною полосою въ округѣ чужаго лѣса. На таковы сѣнокосы, т. е. луки, права малороссійскіе дозволяютъ ѣздить хозяевамъ оныхъ токмо съ косами для *кошенія сѣна* и съ топоромъ для *чистки лѣсу*, причемъ строжайше запрещено брать съ собою борзыхъ, гончихъ и легавыхъ собакъ, никакого огнестрѣльнаго оружія, никакой рогатины, а то для того, по словомъ закона, *дабы дичи лѣсной не причинить вреда*, ибо, по разсужденію закона, дичь принадлежитъ тому, чей лѣсъ.

Пикенерьъ. Конейщикъ, конейникъ, копыеносецъ, воинъ, ратникъ вооруженный пикой, отъ которой и названіе свое имѣеть. Въ послѣдней половинѣ 18-го столѣтія были у насъ сформированы пикенеры изъ козаковъ малороссійскихъ, поселенныхъ иностранцевъ и проч. и составляли собою пять полковъ, а именно: Днѣпровскій, Елисаветградскій, Донецкій, Луганскій и Полтавскій, но въ послѣдствіи времени онѣ обращены въ другой родъ военной службы.

Посполитый. Разночинецъ, простолудинъ, мужикъ, не дворянинъ. Въ Малороссіи и бывшей Польшѣ, по древнему онаго слова знаменованію, значить человѣка общественнаго или принадлежащаго къ обществу, какого бы онъ ни былъ званія, исключая дворянство. Въ послѣдствіи подъ именемъ посполитаго разум. токмо селянина, пахаря, или третій родъ государственныхъ жителей. Подъ словомъ *Речь Посполитая* разумѣли дворянство или шляхетство польское, собранное въ войскѣ.

Почта. Въ Малороссіи почта существовала за долго до 1765 года, въ которомъ, для порядочнаго сообщенія городовъ, графомъ Румянцевымъ Задунайскимъ издано учрежденіе о почтахъ и почтовыхъ конторахъ. За всѣмъ тѣмъ, по новости ли сего заведенія или по другимъ причинамъ сношеніе ограничивалось большею частію между малороссійскими городами посредствомъ избранныхъ козаковъ. Въ столичные же города отправлялись письма черезъ Глуховъ и посредствомъ первыхъ, вѣроятно, сношеніе происходило съ прочими россійскими городами до 1782 года.

Типографія. Въ Россіи первая типографія заведена въ царствованіе царя Ивана Васильевича, въ Москвѣ, и первая славянская книга, напечатанная въ оной, въ 1564 годѣ, есть *Апостоль*, которая и по нынѣ хранится въ бібліотекѣ Санктпетербургской императорской

академіи наукъ. Однакоже, кромѣ сей книги были многія другія славенскія книги въ разныхъ мѣстахъ Россіи и внѣ оной печатанныя, каковы извѣстнѣйшія суть: *Псалтырь*, напечатанной въ *Краковѣ*, 1491 года; *Апостоль*, въ *Вильнѣ*, 1517 года; *Пентатевехъ* или пять книгъ *Мойсеевыхъ*, въ четвертую долю листа, 1519 года; *Катихизисъ*, въ *Венеціи*, 1527 года, тоже *Катихизисъ*, въ *Несвижѣ*, 1562 года; *Библия*, въ *Острогѣ*, 1581 года; *Грамматика*, въ *Львовѣ*, 1591 года; *Служебникъ*, въ *Стрятинѣ*, 1604 года; *Евангеліе воскресное*, въ *Галичѣ*, 1606 года; *Служебникъ*, въ *Могилевѣ*, 1617 года; *Максима Грека слово*, въ *Почаевѣ*, 1618 года; *Трифолоіонъ*, въ *Кіевѣ*, 1618 года; *Евангеліе*, въ *Рохмановѣ*, 1619 года; *Катихизисъ*, въ *Стокгольмѣ*, 1627 года; *Новый Заветъ*, въ *Кутейскомъ монастырѣ*, 1632 года; *О подражаніи Христовѣ*, въ *Дельскомъ монастырѣ*, 1647 года; *Часословъ*, въ *Иверскомъ монастырѣ*, 1658 года; *Чудеса Богородицы Черниговской*, въ *Черниговѣ*, 1670 года; *Зерцало Божесловіи*, въ *Невскомъ монастырѣ* ¹⁾, 1692 года; *Грамматика*, въ *Оксфордѣ*, 1696 года; *Введеніе въ исторію*, въ *Амстердамѣ*, 1699 г. Въ 1707 году введены въ московскую типографію гражданскія буквы, литыя въ *Амстердамѣ*, и первая книга, напечатанная сими буквами была подъ названіемъ: *Приклады какъ пишутся комплименты*, а въ 1711 голу, *Петръ I* приказалъ часть сей новой типографіи отдѣлать и перевести оную въ *С.Петербургѣ*, съ коего времени и въ сей столицѣ учреждена руссійская типографіа и первая книга, напечатанная въ оной, 1713 года, была *Марсова Книга* и *Савкипетербургскія вѣдомости*, 1714 года.

Хорунжій или *хоронжій*. Знаменоносець въ козацкихъ полкахъ, отъ слова *хорунъ*—военное знамя.

¹⁾ Должно быть—въ *Уневскомъ м-рѣ*.